

Монография
в журнале

Monograph
Monografie

А. Н. Левинский

История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV вв. до н.э.)

A. N. Levinschi.

The History of the Getians (Getae) in the Forest Steppe of South-Eastern Europe (end of the 6th — Second Half of the 4th cc. B. C.).

The paper is about the Getae — tribes of Thracian origins, a part of which lived for almost two centuries in the forest region of the forest steppe of the Republic of Moldova. Based on the recent archaeological researches, the monetary discoveries from this period and the written testimonies of ancient authors about Getae and Thracians in general, the author suggests a reconstruction of their everyday life in this region. A special emphasis is placed on the historical events that led to the appearance of the Getae in this territory and especially the ones related to their tragic destiny.

A. N. Levinschi.

Istoria geților în silvostepa Europei de Sud-Est (sfârșitul sec. VI — a doua jumătate a sec. IV î.e.n.).

Lucrarea este dedicată geților — triburi de origine tracică, o parte din care au locuit, timp de aproape două secole, și în zona împădurită a silvostepii Republicii Moldova. Luând ca bază noile cercetări arheologice, descoperirile monetare de epocă și informațiile autorilor antici despre geți, și traci la general, autorul propune o reconstituire a vieții lor cotidiene în această regiune. Un loc aparte revine evenimentelor istorice ce au cauzat apariția lor în acest spațiu și, mai ales, celor ce țin de tragica lor soartă istorică.

A. N. Левинский.

История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV вв. до н.э.).

Работа посвящена гетам — племенам фракийского происхождения, часть которых жила, в течение почти двух столетий, в лесных районах лесостепи Республики Молдова. Взяв за основу новейшие археологические исследования, монетные находки этого периода и письменные данные античных авторов о гетах и о фракийцах в общем, автор воссоздает их повседневную жизнь в этом регионе. Особое внимание уделяется историческим событиям, повлекшим за собой появление гетов на этих территориях, и особенно тем, которые связаны с их трагической исторической судьбой.

Keywords: Getae, fortified settlements, incineration, history, culture, tetradrachm, Scythians.

Cuvinte cheie: geți, așezări fortificate, incinerare, istorie, cultură, tetradrahmă, sciți.

Ключевые слова: геты, городища, сожжение, история, культура, тетрадрахма, скифы.

Введение

Работа посвящена исследованию культуры и истории гетов, достоверная информация о которых дошла до нас благодаря труду Геродота, озаглавленному в оригинале «Ἱστορίης ἀπόδεξις» (Изложение проведенных исследований) и всем известному как «История», написанному не позже 425 г. до н.э. Географические рамки, в основном, ограничены территорией между реками Днестр и Прут, за исключением немногочисленных памятни-

ков прилегающего Левобережья Днестра, что в общих чертах соответствует нынешней территории Республики Молдова.

Почему геты и почему Днестровско-Прутского региона?

Дело в том, что гетская проблематика на протяжении последних двух десятилетий стала одной из наиболее актуальных и спорных, особенно среди специалистов Республики Молдова. Одним из поводов для такой заин-

тересованности, пожалуй, стал тот факт, что в процесс изучения гетов, помимо сотрудников исторического факультета Государственного Университета Молдовы, включились специалисты Академии наук, Университета ВАШ, Национального музея истории Молдовы (сегодня НМАИМ) и Педагогического университета «Ион Крянгэ». Практически речь идет обо всех учреждениях, в которых проводятся исследования историко-археологического характера, среди которых не упомянут только ULIM, специалисты которого все-таки внесли посильный вклад в приумножение фонда археологических источников, касающихся материальной культуры гетов.

Такое увеличение числа специалистов, включившихся в процесс исследования, несомненно, привело и к появлению плюрализма мнений относительно основополагающих проблем, связанных с историей и культурой гетских племен, таких как, в первую очередь, по отношению к рассматриваемому региону — их происхождение. Непосредственно связанными с этой проблемой являются вопросы хронологии — от первых проявлений гетской культуры и до последних признаков ее существования в регионе. В связи с этим верхним хронологическим пределом встает вопрос, на который никто из исследователей еще не предложил вразумительного ответа, — вопрос о времени и причинах прекращения проживания гетов на территории между Днестром и Прутом и об исторической судьбе этого населения. Это, в общем, только некоторые из важнейших проблем, нуждающихся в решении, но мы не будем упоминать всю вереницу вопросов другого уровня.

Что касается упомянутого в названии работы ареала — мы имеем в виду лесные районы лесостепи, ограничиваясь памятниками Днестровско-Прутского междуречья. Такое ограничение объясняется тем, что в пределах территории Республики Молдова автор имел возможность лично обследовать большое количество зон и микрозон обитания, в пределах которых было зафиксировано и значительное количество новых памятников, относящихся к гетам. Среди них фигурируют как укрепленные и неукрепленные поселения, так и могильники, а также новые монетные клады этого времени. Кроме того, в целях уточнения ареала гетской культуры региона, автор лично проверил целый ряд памятников, фигурирующих как гетские, по нижнему течению Днестра, а также по среднему и верхнему течению Прута, откуда происходит значительное количество монетных находок соответствующего периода.

Не менее значительным для ограничения пространственных границ тематики исследования является и большое количество новых археологических памятников, на которых в последнее время были проведены раскопки и которые находятся в пределах территории Республики Молдова. При исследовании некоторых из них — Рудь «Ла Шанцурь», Сахарна «Ла Ревекин» — использовался метод археологических раскопок большими сплошными площадями, давший значительное количество новой информации о памятниках.

Скорее всего, именно непосредственное знакомство со многими гетскими памятниками на местности, а также новые материалы, полученные моими коллегами, стали весомым аргументом в пользу исследования этой проблематики на основе древностей этой условно ограниченной небольшой территории. С другой стороны, памятники лесных районов лесостепи между Днестром и Прутом составляют большую часть древностей этого периода в рамках всей лесостепи Юго-Восточной Европы и представляют собой северо-восточную окраину обширного ареала, на котором засвидетельствованы следы обитания гетских племен. В этом контексте всестороннее и основательное изучение памятников этого культурного облика на ограниченной территории представляет особый интерес.

Несомненным является и тот факт, что многие из выводов, сделанных на основании нового фактологического материала, не будут соответствовать общепринятым или высказанным другими исследователями мнениям. Это вполне нормально, как и то, что многие из выводов, сделанных на основе материалов этого ограниченного региона, действительны для всего лесостепного ареала от Карпат до Днестра. В этом смысле процесс изучения и познания культуры и истории гетов будет развиваться от частного к общему, а не наоборот, как поступали во многих случаях. Такая логика процесса воспринята и в буквальном смысле, так как многие разработки и выводы основаны на раскопках, проведенных автором на уже упомянутом небольшом укрепленном поселении гетов Сахарна «Ла Ревекин» в зоне Среднего Днестра, на высоком коренном берегу реки. Это поселение исследовано более чем на одну четверть своей площади.

В связи с этим последним уточнением хочу выразить свою искреннюю признательность Николаю Алексеевичу Райляну, бывшему генеральному директору Национального музея истории Молдовы, за постоянную мо-

ральную и особенно финансовую поддержку в проведении исследований в зоне Сахарна, в Орхейских Кодрах и по течению реки Ботна. Не буду перечислять и многочисленные краткие выезды для проверки некоторых памятников или находок в различных районах республики. Такую же искреннюю признательность выражаю и Евгению Николаевичу Сава, генеральному директору Национального музея археологии и истории Молдовы (бывший НМИМ), благодаря поддержке которого стали возможны проверка и обследование археологических древностей в зоне Нижнего Днестра и памятников левобережья Среднего Прута, включая Хынчештские Кодры.

Особую роль в появлении данной работы сыграл безвременно ушедший из жизни профессор Одесского национального университета Владимир Никифорович Станко, который, в ходе многочисленных бесед с ним незадолго до его кончины, настоял на том, чтобы полностью пересмотреть гетскую проблематику именно на ограниченном пространстве лесостепи междуречья Днестра и Прута.

Не меньшую роль в подготовке данной работы сыграли Марк Евгеньевич Ткачук и Игорь Викторович Бруяко — первые среди моих коллег, которые познакомились с ней и предложили для публикации многие из новых разработок с выводами, сделанными на их основе, которые казались невероятными для других специалистов.

Также среди первых лиц, кому я особенно признателен, — моя коллега по работе Ольга Щипакина и ее брат Николай, с которыми были начаты систематические раскопки в зоне Сахарна. В последующие годы к работам присоединились С. И. Коваленко, Н. Н. Матеевич, С. С. Рябцева, С. Бодян и моя семья — супруга Василиса и дочери Диана и Арина.

Список будет далеко не полным, если не вспомнить профессора И. Т. Никулицэ, благодаря которому я впервые ознакомился с древностями гетов на территории Молдавии (Дэнчень), сначала будучи на археологической практике после первого курса исторического факультета КГУ (1978), а в последующие годы — в качестве руководителя раскопа в составе экспедиции КГУ, почти на всех памятниках в окрестностях села Ханска, где часто общался и с Г. И. Постикэ. Речь идет и о моих добрых коллегах В. П. Хахеу и О. Мунтяну, также занимающихся гетской проблематикой, с которыми я часто обсуждаю некоторые вопросы и обмениваюсь информацией, а также о таких моих коллегах по ремеслу, как И. С. Тентюк, Н. П. Тельнов, С. М. Агульников, А. А. Романчук и многих других, постоянная поддержка которых меня всегда радует. Я не упомянул большую группу своих коллег и знакомых, которым я признателен хотя бы за то, что они были со мной добры и не создавали мне проблем в исследовательском процессе.

I. Источники и историография

I.1. Письменные источники

Просматривая первый том сборника документов по истории Румынии «Izvoare privind istoria României», вышедший в Бухаресте в 1964 году и включающий греческие и латинские источники от Гесиода и до конца III в. н. э., заинтересованный читатель может обратить внимание на довольно частое употребление этнонима «геты». Однако редко кто задумывается над тем, что эта коллекция пассажей и фрагментов извлечена из тысяч сохранившихся до наших дней страниц историко-этнографической литературы по древней Греции и Риму. В интересующих нас текстах геты встречаются исключительно эпизодически, по мере того как с ними сталкивались выдающиеся личности античности, будь то Дарий, Филипп Македонский и его сын Александр, Цезарь и другие. Кроме того, всегда нужно учитывать и тот факт, что мно-

гие из дошедших до нас античных сведений в основном отрывочны и с большим трудом поддаются локализации во времени и пространстве. Вопреки этому, все-таки, мы можем констатировать, что для VI—V вв. до н.э. геты упоминаются только в контексте событий, происходящих где-то к югу от *Ἰστρου*, *Истра* (Дуная), и только с середины IV в. до н.э., с ростом могущества Македонии источники отмечают *Γέτας πόλις*, *город гетов* на северном берегу Истра. Что касается обитания гетов и в более отдаленных от Дуная землях (в том числе и в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья), вряд ли можно связать с ним хотя бы какой-нибудь небольшой пассаж во всей античной традиции.

Несмотря на все это, основная масса исследователей, за редким исключением, цитирует эти источники дословно или вырывает из контекста отдельные фразы, тем самым искажая

до неузнаваемости смысл информации, переданной античной традицией. Такой подход к источникам, будучи очень характерным для официальной национал-коммунистической историографии времен Н. Чаушеску, в настоящее время доведен до крайности, особенно к востоку от Прута. Шарлатанские суждения на тему иллюзорного первенства гетов во всех отношениях, от антропогенеза до монотеизма и их исключительной роли в истории античности, проповедуются сейчас разного рода «просвещенными», не имеющими никакого понятия о методике исторического, лингвистического или антропологического исследования. Распространение этих идей и успех, которым пользуются такого рода «озаренные» в средствах массовой информации и даже в политике, безотлагательно требуют критического переосмысления дошедшего до нас античного наследия (Petre 2004: 8). Классическим примером такого рода манипуляций, исходящих из школьных учебников и используемых в пропагандистских целях, является литературный гибрид «гето-даки» или «дако-геты», по отношению к которым, в отрыве от контекста, прилагается определение Геродота из 93 главы четвертой книги: «самые мужественные и праведные среди фракийцев». В данном контексте, если просто просмотреть этот источник, то станет ясно, что в книге речь идет об эпизоде похода персидского царя Дарείος, Дария против скифов, который, не доходя до Истру, Истра, победил сперва Гέτας τοὺς ἄθανάτιζοντας — «гетов, верящих в свое бессмертие». Другие фракийские племена покорились без боя, геты, однако, движимые безрассудством, оказали царю вооруженное сопротивление, но сразу же были поражены, хотя они и были самые мужественные и праведные среди фракийцев. Даже в такой полной форме многие читатели воспринимают информацию согласно общим правилам освоения литературных текстов, совсем не задумываясь над тем, что каждый автор вкладывает определенный смысл в свое изложение, и к каждому из них нужно подходить с определенным ключом для дешифровки информации.

Сделав столь обширное, но абсолютное необходимое отступление от непосредственного изложения данных античных источников, отметим, что первые критические взгляды на окружающий греков мир связаны с прозой ионийских логографов VI в. до н.э. — сочинениями как исторического, так и этнографического и географического характера. Хотя работы логографов еще не полностью отошли от мифологического изложения,

все-таки они вносят новый эталон правдивости в описания прошлого или отдаленных земель. Среди них следует упомянуть Фалеса (625—545 гг.), Анаксимандра (610—547 гг.), Гекатея (560—480 гг.) из Милета и других, сочинения которых в основном не сохранились. Более поздняя традиция передает нам лишь фрагменты описаний Гекатея, из которых становится ясным, что ко времени написания им первого географо-этнографического описания вселенной «Περίοδος γῆς», «Землеописание». Греки, в особенности выходцы из Милета, хорошо знали Εὐξεινον πόντον, Понт Эвксинский (Черное море). Судя по всему, Гекатей охватил в своем труде и устье Дуная, так как при описании Европы к югу от Истра упоминает Κρόβυζοι, кробизов, Τριζοί, тризов и, однозначно, греческий полис Ορυάμη, Оргам. Не исключено, что ионийские логографы упоминали, среди прочих, о существовании некоего фракийского племени гетов с их странным обычаем оплакивать рождение ребенка и весело праздновать отход в мир иной (Petre 2004: 52, 383). Это может быть вполне вероятным, если учесть, что в приписанной Гелланику работе «Βαρβαρικὰ νόμιμα», «Обычаи варваров» (I пол. V в. до н.э., из числа младших логографов), о Замолксисе мы читаем следующее: «И териды, и кробиды совершают эти обряды бессмертия. Они говорят, что умершие уходят к Замолксису и вернутся обратно. Всегда они верили, что все это правда» (Fontes 1964: 20).

Самое раннее упоминание гетов в античных письменных источниках находится в несохранившейся до настоящего времени трагедии Софокла (496—405 гг. до н.э.) «Τριπτόλεμος», «Триптолем», фрагмент из которой цитируется греческим грамматистом Геродианом (II в. н.э.): Καὶ Χαρναβώντος ὁς Γετών ἀρχεῖ τα νῦν, «и Харнабон, который царствует над гетами» (Fontes 1964: 19). Мы не знаем, когда Харнабон правил над гетами и был ли он царем мифическим или реальным. Сама завязка трагедии, поставленной на сцене Афин в 468/467 г. до н.э., «за 145 лет до смерти Александра Великого» (Плиний, NH 18.65), напрямую не известна и не передана никаким античным автором. Имя царя Харнабона, однако, появляется в учебниках по астрономии и мифологии древнеримского писателя I в. до н.э. Гигина (Gyginus), который рассказывал что когда-то созвездие Змееносца, что расположено над созвездием Скорпиона, было гетским царем Харнабоном, врагом Триптолема. Гигин пишет: «По мнению большинства, он звался Харнабон и был царем гетов, живущих во Фракии. Он царствовал в те времена, когда смертным впервые были даро-

ваны семена пшеницы. Потому что Церера (Деметра у греков — А.Л.), осчастливив своими дарами людей, посадила в колесницу, запряженную драконами, Триптолема, которому была кормилицей (и о котором говорится, что [он] был якобы первым, использовавшим колесо), и велела пройти все земли, обитаемые человеческим родом, раздавая зерна, чтобы они и их потомки скорее оставили дикий образ жизни. Дойдя до царя гетов, о котором мы упоминали выше, он был вначале принят по всем законам гостеприимства. Потом, однако, не как пришедшему издалека благодетелю, а как злейшему врагу, устроили ему западню, и тот, кто желал продлить жизнь другим, едва не утратил свою собственную. Дело в том, что по приказу Харнабона был убит один из драконов Триптолема, для того чтобы тот, впад в подозрение, не смог спасти себя с помощью колесницы. Церера, однако, пришла ему на помощь, вернув молодому герою его колесницу с другим драконом, и предопределила царю невиданное до того наказание за его преступные замыслы. По словам Гегесиана (Hegesianax), богиня изобразила на небе Харнабона, держащего в руках дракона, ставшего его жертвой, и это для того, чтобы люди не забыли этот пример. Итак, кто жил столь жестоко, познал радостнейшую смерть (*Qui ita vixerat acerbè, ut iucundissimam sibi conscisceret mortem*)» (Astronomica, 2.14.1).

Судя по тексту рассказа Гигина, в нем, несомненно, присутствует ритм трагедии с необходимыми для нее составными частями. С другой стороны, маловероятно, чтобы одно и то же необычное имя появилось в связи с подвигами героя Триптолема в двух разных повествованиях и даже то, что оно сохранилось бы в греческой традиции, если бы не было передано Софоклом. В таком случае, вполне вероятно, что Гигин пересказал сюжет трагедии Софокла «Триптолем» дословно, со всеми ее составными частями, где фигурирует и царь гетов (Petre 2000: 395—406).

Относительно времени, когда над гетами царствовал Харнабон, трудно высказаться однозначно. С другой стороны, сцены с двумя драконами, запряженными в колесницу — сюжет из легенды о Триптолеме, появляются в росписи аттических сосудов (Schwartz 1986) еще в VI в. до н.э., задолго до времени создания Софоклом своей трагедии. Вполне допустимо отнести к тому времени и царствование Харнабона.

Что касается имени собственного Харнабонτος, Харнабон — его можно считать подлинным. Д. Дечев (Detchew 1974: 534)

предложил его толкование как производное от индоевропейского *хар- или *харн-, сила, в смысле «воинственный предводитель», что придает этому толкованию значение царского титула, а не имени собственного. Как бы там ни было, это имя можно отнести к числу подлинно фракийских (Petre 2004: 21).

Первое достоверное упоминание гетов в контексте исторических событий, насколько можно судить в настоящее время по сохранившимся античным источникам, мы находим в рассказах Геродота (484—425 гг. до н.э.), в четвертой книге его *Ἱστορίαι*, «Истории», в связи с походом персидского царя Дария против скифов в 512 г. до н.э. Полный текст перевода можно прочесть следующим образом:

IV, 93. Прежде чем дойти до Истра, (Дарий) победил сперва гетов, которые практикуют бессмертие (Γέτας τοὺς ἀθάνατιζοντας). Потому что фракийцы, которые владеют Салмидессом, и те, что живут выше Аполлонии и Месембрии — называемые скирмиадами и нисайанами — сдались без боя Дарию. Геты, однако, движимые безрассудством, сразу же были поработаны, хотя они и были самые мужественные и праведные среди фракийцев.

IV, 94. Вот каким образом добывают геты бессмертие: они не верят, что умирают, а считают, что те, которые погибают, уходят к Залмоксису, божественному существу (Σάλμοξι δαίμονα). Некоторые из них называют его еще и Гебелейзисом. Каждый пятый год они тянут жребий для посла, которого отправляют к Залмоксису, чтобы ему рассказать о своих нуждах. Вот каким образом его отправляют: несколько из них назначают держать поднятыми три копыя, а другие, беря за руки и за ноги того, которого следует отправить к Залмоксису, и подняв его вверх, бросают на копыя. Если, пронзенный, он умирает, они считают, что бог к ним благосклонен; но если он не умирает, они считают посла виновным в этом, говорят ему, что он негодяй, и отправляют кого-нибудь другого, доверяя ему свое послание, пока он еще жив. Эти фракийцы, когда гремит гром и сверкает молния, мечут стрелы вверх к небу, угрожая богу (греческому Зевсу), так как они не верят, что может существовать какой-то другой бог, кроме их (бога).

IV, 95. Как узнал я, однако, от греков, которые живут на побережье Гелеспонта и Понта, этот Залмоксис, будучи на самом деле человеком, был рабом на Самосе, а именно рабом Пифагора, сына Мнесарха. Освободившись потом, он скопил большое

состояние и, став богатым человеком, вернулся домой. Фракийцы тогда с трудом влачили свое бедное существование, будучи и неслышанно простодушными, в то время как этот Залмоксис был хорошо знаком с ионийским образом жизни и имел более проницательный ум, чем фракийцы, так как жил рядом с греками и, среди них, рядом с мудрецом отнюдь не маловажным, каким был Пифагор. Он приготовил зал для пиришества, куда приглашал самых именитых граждан и угощал их, уча, что ни он сам, ни его товарищи по пиришеству и ни их наследники никогда не умрут, а отправятся куда-то, где будут существовать во веки веков и будут располагать всем самым лучшим. В то время, пока он делал и говорил все это, он выкопал себе тайком подземное жилище. Когда оно было готово, он исчез из среды фракийцев и, спустившись вглубь, в подземное жилище, жил там в течение трех полных лет. Фракийцы тосковали по нему и оплакивали его как покойника, но на четвертый год он предстал перед ними, и таким образом Залмоксис добился того, чтобы его словам поверили.

IV, 96. Я не считаю немислимыми все эти рассказы о нем и о его подземном жилище, но и не совсем верю, однако считаю, что этот Залмоксис жил на много лет раньше Пифагора. Был ли этот Залмоксис человеком или местным, божеством гетов, *χαίρετω*, привет (нет более смысла обсуждать).

IV, 97. Как бы то ни было, геты, с особыми верованиями, будучи покорены персами, последовали за остальной армией» (Fontes 1964: 46—48).

Возвращаясь к описанию похода Дария со всеми последующими перипетиями в скифской земле и возвращением за Дунай, Геродот упоминает мимоходом еще раз о гетах в пятой книге, в связи с покорении Фракии Мегабазом, полководцем Дария. Говоря о многочисленности фракийцев и в то же время об их слабости по причине разобщенности, он сообщает:

«Фракийцы имеют множество имен по месту обитания, но обычаи почти у всех одни и те же, кроме гетов, травсов и тех, что обитают за крестонами (V, 3).

V, 4. Относительно обычаев, которые практикуют геты *ἄθανάτιζοντες*, я уже говорил. Травсы, однако, во всех отношениях похожи на остальных фракийцев, кроме обычаев, связанных с рождением и со смертью, в отношении которых вот что они делают: новорожденного окружают все родственники, оплакивая его за все несчастья, которые будет терпеть он с появлением на свете, упоминая и все человеческие страдания,

зато умершего несут к могиле, шутя и радуясь и упоминая все несчастья, от которых он сейчас избавился и достиг блаженства.

V, 5. Те, что живут выше крестонов, имеют вот какие обычаи. Каждый имеет несколько жен. Когда один из них умирает, то между женами возникают большие споры, а друзья прилагают все усилия и проявляют особое рвение, чтобы узнать, какую из жен усопший больше любил. Жену, которую считают достойной такой чести, хвалят и мужчины, и женщины; потом она закалывается ближайшим из родственников. И после этого ее тело этой хоронят вместе с телом мужа. Остальные жены считают это большим несчастьем, так как для них это очень большой позор.

V, 6. Вот каковы обычаи остальных фракийцев. Они продают своих детей в чужие края, девушек не стерегут, позволяя им вступать в физические сношения с понравившимися мужчинами, зато жен своих стерегут очень строго и покупают их у родителей за большие деньги. Татуировка считается признаком знатного рода, не татуированный считается у них простолудином» (Fontes 1964: 64—66).

Далее еще в четырех главах следует общее описание различных обычаев у фракийцев и данные о Фракии.

Эти основополагающие для истории гетов данные Геродота восприняты в прямом, буквальном смысле основной массой историков и археологов, среди которых числится и авторитетная фигура Василе Пырвана с его «Гетикой» (Pârvan 1926). За исключением редких случаев критического подхода (Vulpe 2001: 417—444), исследователи ссылались и продолжают ссылаться на «достоверные сведения», переданные «отцом истории». О результатах такого подхода мы уже упоминали, нет смысла повторяться.

С другой стороны, не можем не отметить фундаментальную монографию Зое Петре «Практика бессмертия», в которой толкованию текста о гетах у Геродота она посвятила целую главу (Petre 2004: 70—126). Для нас важно выделить и осмыслить некоторые моменты.

1. В общем контексте повествования о возвышении и падении великой Персидской империи геты выделяются тем, что являются единственными из фракийцев, кто не подчинился добровольно персам. Обитает этот народ где-то к югу от Дуная, так как Дарий столкнулся с ними, прежде чем дойти до Истра.

2. Далее Геродот уточняет, что были покорены геты *ἄθανάτιζοντες*, считающие себя бессмертными. Такое определение гетов,

с указанным приложением, не является причинным объяснением указанного события, а детерминативом, назначение которого — уточнить тождество гетского племени, возможно, неизвестного грекам. То есть не для того, чтобы объяснить, а чтобы быть объясненным. Другими словами, в этом фрагменте мы имеем дело, как объяснял еще И. Лимфорт, с постоянным эпитетом (Linthorpe 1918: 27), используемым в устном народном творчестве.

3. Объяснение этого постоянного эпитета принадлежит самому Геродоту, так как он исследует смысл этого термина, излагая две версии о *Залмоксисе*. Заканчивает Геродот этот экскурс своим собственным критическим мнением, а именно, что Залмоксис жил задолго до Пифагора, и является ли он δαίμων, божеством, или человеком — χαιρέτω, «привет», автора не интересует.

4. Важно отметить и то, что, даже если геты оказали сопротивление Дарию, они все равно были сразу покорены и присоединены к остальному войску, «хоть и были они самыми мужественными и справедливыми среди фракийцев».

5. В отношении последних определенных, цитируемых очень часто, нужно запомнить, что эти два эпитета — ἀνδρείοτατοι и δικαιοτάτοι, — будучи соединены в синтагматическом плане, остаются различными в парадигматическом плане. Они не вытекают один из другого и не определяют сообща превосходство в воинственности, которое происходило бы из побуждений справедливости и абсолютной нравственности. Этот фундаментальный постулат специфики гетов, используемый в традиционной историографии, на самом деле оказывается чистейшим продуктом античного воображаемого тождества, переинтерпретируемого современной идеологией для придания гетам большей привлекательности.

6. Немаловажная деталь, на которую хотелось бы обратить внимание, — это вера в бессмертие у гетов и обычай бросания на копья. Взяв за основу многочисленные аналогии, известные во всемирной мифологии, Мирча Элиаде связывает этот феномен с обрядом инициации, когда копья играют символическую роль воображаемой связи с миром богов (Элиаде 1991: 111—117), с верой в героическое бессмертие, в основном воинов, наряду с Залмоксисом.

7. Последнее, что нужно иметь в виду и по отношению к главам из пятой книги, это то, что нельзя абсолютизировать, на первый взгляд очень точные, определяющие различия

между фракийскими племенами, которыми оперирует Геродот. Будучи намного дотошнее своих предшественников, он располагал более богатым арсеналом этнонимов, то есть названий племен составляющих обширный фракийский мир, и множеством данных о своеобразии нравов и обычаев в различных частях этого ареала. Однако точное соотношение между каждой культурной особенностью и определенной этнической группой является, скорее всего, композиционным приемом, призванным представить чрезвычайно разнообразие этого мира и в то же время создать представление о достоверности информации. О том, что это так, можно судить по сохранившимся данным одного из современников Геродота.

Это Гелланик из Митилен на Лесбосе (ок. 480—400 гг. до н.э.), последний из числа младших логографов, оставивший после себя свыше 23 сочинений. Среди них представляет для нас интерес его компендий Βαρβαρικῶ νόμιμα, «Обычаи варваров», фрагменты из которого дошли до нас в более поздних источниках.

Фр. 73. Словарь Суда, «Залмоксис. Скиф, будучи рабом у Пифагора — как нам рассказывает Геродот в IV-й книге (95), вернувшись к себе в страну, дал людям ученье о бессмертии души. Мнасий говорит, что у гетов почитается Хронос и что он носит имя Залмоксис.

Гелланик в «Обычаях варваров» говорит, что [Залмоксис] был греком, который раскрыл гетам из Фракии обряд религиозной инициации. Он говорил им, что ни он, ни остальные из его окружения не умрут, но им будут суждены все блага. Пока он все это говорил, он построил себе жилище под землей, потом — исчезнув внезапно из глаз фракийцев — жил в нем. А геты тосковали по нему. На четвертом году появился снова, и фракийцы верили всему, что он им говорил.

Рассказывают, что Залмоксис был рабом у Пифагора, сына Мнесарха, из Самоса. Будучи освобожденным, он и придумал все это. Но мне кажется, что Залмоксис жил задолго до Пифагора. И териды, и кробиды верят в бессмертие. Они говорят, что умершие уходят к Залмоксису и что они вернуться. Они всегда верили, что эти вещи являются правдой. Приносят жертвы и празднуют, пируя, как будто умерший вернется назад» (Fontes 1964: 20).

Свое сочинение Гелланик написал, скорее всего, после внимательного прочтения «Истории» Геродота. Кажется вполне вероятным, что его текст о Залмоксисе проявляет полную зависимость от Геродотова, представляя собой полемическое изложение главы IV,

95. В отношении Замолксиса Гелланик, в отличие от Геродота, пишет, что он раскрыл гетам из Фракии **обряд инициации**, *τελετάς κατέδειξε Γέταις τοῖς ἐν Θράκῃ*. Кроме того, по отношению к гетам Гелланик не использует постоянный эпитет *ἀθανατίζοντες*, лишь подразумевая его, когда излагает суть учения Замолксиса. Судя по всему, в отличие от Геродота, Гелланик был более ознакомлен с миром орфико-пифагорейских инициаций. С другой стороны, будучи «кабинетным» исследователем и не веря сказкам понтийских греков о Замолксисе-пифагорейце, он очень скрупулезно собрал все предыдущие сведения о веселых похоронах, приписав их посвящениям Пифагорова раба. При этом он добавил, что практикуют обряды, связанные с верой в бессмертие, и териды, и кробиды. В связи с этим следует заметить, что абсолютное большинство более поздних упоминаний относительно верований гетов происходит от Геродотова экскурса, изложенного в пифагорейском ключе.

Фукидид (около 460—396 гг. до н.э.), в какой-то мере современник Геродота и Гелланика, отмежевался бесповоротно от творчества предшественников. Из-под его пера вышла всего одна работа, дошедшая до нас частично в изложении Диодора Сицилийского (около 80—21 гг. до н.э.) — *Πελοποννησιακοὶ πόλεμος ἱστορία*, «История Пелопоннесской войны в 8-ми книгах», или просто «История». Будучи первой исторической монографией, целью которой было, по определению самого автора, познание прошлого, для того чтобы ориентироваться в будущем, эта работа положила начало прагматической истории.

Для нас представляют интерес пассажи, в которых афиняне летом 431 года заключают союз с фракийцем Ситалком, царем одрисов, в борьбе против врагов Афин.

II, 29, 2. «*Этот Терес, о котором я говорю, отец Ситалка, является первым, который создал одрисам большое царство, намного больше, чем вся остальная Фракия, так как существуют еще многие независимые фракийцы*».

II, 96, 1. «*[Ситалк], таким образом, начинает двигаться со стороны одрисов, приводя в движение сперва фракийцев, что живут между горами Гема и Родопами, и тех, что были под его властью до моря (до Понта Эвксинского и Геллеспонта), после этого гетов, с которыми сталкиваешься, если переваливаешь горы Гема, и все остальные народы, обосновавшиеся по эту сторону Истра, в особенности по соседству с Понтом Эвксинским. Геты и народы из этого края соседствуют*

со скифами, имеют одинаковое вооружение и все являются конными лучниками...»

Этот небольшой пассаж, в котором упоминаются геты, вряд ли требует особых комментариев, если иметь в виду, что большую часть своей 20-летней ссылки (с 424 г.) Фукидид провел в своем поместье на побережье Фракии. Зная его стремление к достоверности и точности информации, а также критическое отношение к ней и анализ происходящих событий, из этого отрывка можно заключить:

1. Во второй половине V в. до н.э. геты локализируются к северу от Балканских гор и к югу от Дуная, по соседству с Понтом;

2. В этот период они находились под властью Ситалка, будучи включены в состав обширного Одрисского царства;

3. Геты соседствуют со скифами, однако Фукидид не уточняет, обитают ли скифы *по ту или по эту сторону Истра*. Возможно, это последнее уточнение вряд ли было необходимо, так как из дальнейшего контекста следует, что речь идет только о народах, обитающих к югу от Дуная. Присутствие скифов в регионе, по некоторым данным, фиксируется с третьей четверти V в. до н.э. (Simion 2003a: 250), хотя археологические реалии Добруджи (комплекс Челик-Дере) свидетельствуют, что в конце VII—VI вв. здесь уже существовал некий скифский анклав (Бруяко 2003: 19).

IV век до нашей эры, в особенности его середина и вторая половина, полные бурных событий, происходящих в Дунайском регионе, почти не оставил никаких письменных свидетельств о гетах. Единственное упоминание, вне всяких событий, которое мы находим в двух фрагментах из неизвестной комедии Менандра (около 343—292 гг. до н.э.), цитированных Страбоном (VII, 3, 4.) относится где-то к рубежу эр.

Фр. 794—795. «*Все фракийцы, и особенно мы, геты, — так как могу похвастать, что веду свой род из этого народа, не очень-то сдерживаем свои страсти. Никто из нас не женится менее чем на десяти, одиннадцати женах, некоторые даже на двенадцати и даже более. Если кого-то постигает судьба [то есть смерть] после четвертой или пятой свадьбы, то его жалеют как одного из тех, что умер неженатым, нежизнелюбивым и лишенным радости семейной жизни*» (Fontes 1964: 135).

В контексте комедии Менандра эти фразы были высказаны рабом, гетом по происхождению, своему молодому господину-афинянину, которого женят на нелюбимой девушке. В качестве выхода из положения раб и рассказывает ему этот обычай своего народа.

Исходя из этого пассажа Менандра, в современной историографии укоренилось мнение, что геты практиковали полигамию. С другой стороны, мы уже цитировали и Геродота (V, 5) относительно полигамии у фракийцев, *что живут выше крестонов*. Кроме того, нам не кажется невероятным, что Менандру могла быть знакома работа одного из его современников. Речь идет о Гераклиде (около 390—310 гг. до н.э.), ученике Аристотеля, уроженце Гераклеи Понтийской, который наверняка был знаком непосредственно с фракийцами и их обычаями. Он был философом и астрономом, и под его именем до нас дошла коллекция выдержек, среди которых одна представляет интерес и для нас, причем она не проявляет никакой зависимости от текста Геродота.

Фр. XXVIII. *«Берут в жены каждый по три или четыре женщины, однако есть и такие, которые имеют даже тридцать (жен). Они используют их как θεραπαιναις, служанок. Браки заключаются и для совокупления, и они совокупаются с каждой время от времени; однако (жены) стирают и обслуживают их. Большинство из них после совокупления ложатся спать на голой земле. Если какая-то недовольна, то родители могут забрать дочь назад, если возвращают то, что получили, так как выдают замуж за определенную цену. А когда муж умирает, жены наследуются, как любое другое добро»* (Fontes 1964: 130).

Единственное, что можно добавить по этому поводу, это то, что специфика гетов в общей массе фракийских племен не всегда считалась значимой в глазах греков, и только изредка о них сообщалась конкретная информация. В связи с этим было бы неосторожным делать вывод о том, что Менандр засвидетельствовал практику полигамии у гетов. Было бы корректнее ограничиться утверждением, что комический текст, цитированный в Γεωγραφικά, «Географии» Страбона, является лишь свидетельством того, что во времена Менандра афиняне полагали, что геты могли практиковать полигамию (Petre 2004: 206). Если полигамию невозможно засвидетельствовать археологически, то умерщвление самой достойной из жен (признак полигамии) при кончине мужа — археологически никак не проявляется.

Что касается других источников IV в. до н.э. — в сочинениях таких выдающихся личностей века, как Ксенофонт, Платон, Эфор, Аристотель, историограф Феопомп, Каллисфен, Гераклид Понтийский и другие, народ гетов не упоминается, а те, в которых

они могли быть упомянуты, не дошли до нас. Это второе предположение вполне правдоподобно, так как более поздние авторы, воспроизводя события этого периода, особенно кампанию Александра Македонского (335 г. до н.э.) по усмирению Фракии перед походом на восток, против персов, с завидным постоянством вплетают в эти события и гетский эпизод. Вполне вероятно, что источником для них могли служить не дошедшие до нас «Φιλίππου ἱστορία», «Истории Филиппа в 58-ми книгах» историографа Феопомпа (376—320 гг. до н.э.), равно как и «Τὰ κατὰ Ἀλεξάνδρου», «История подвигов Александра», приписываемая перу Каллисфена (370—327 гг. до н.э.), придворного историка Александра Великого и племянника Аристотеля (384—322 гг.). Это последнее сочинение, написанное во II в. до н.э., послужило основой, вокруг которой образовался целый исторический роман о знаменитом Александре. Он был переработан в первые века нашей эры, а в IV веке был переведен на латынь Юлием Валерием и под именем «Псевдо-Каллисфена» пользовался большой популярностью и в средние века.

Фрагменты из «Истории подвигов Александра», считающиеся оригинальными, о гетах ничего не упоминают, однако мы приведем отрывки из них.

«I, 23. Александр двинулся в поход, имея тридцать тысяч молодых воинов, и пошел сражаться со скифами. Скифское войско было несметным, но счастье Александра не знало поражений». Далее повествуется, как он организовал ловушку, в которую они все попали. «Александр повернулся в их сторону и велел немедленно прекратить бой. Он сказал, чтобы их всех взяли и привели в его лагерь, чтобы подумать об их судьбе. Когда они добрались до указанного места, Александр велел, чтобы к нему пришли их вожди. Дрожая, они представились. Александр сказал им следующее: “Видите, что судьба отдала вас в руки македонцев и что вы не были в силах сопротивляться. Являетесь ли вы моими рабами или нет?” Они ответили в ужасе: “Мы твои рабы, хозяин, и будем служить тебе всегда, так, как пожелаешь”...

I, 26. Когда он сосчитал всех своих и тех, что достались ему от его отца, Филиппа, получилось семьдесят семь тысяч, а лучников было шесть тысяч пятьсот. Направил посла к скифам, чтобы шли с ним как товарищи по оружию и чтобы были ему союзниками, если хотят. Скифы послали ему семьдесят тысяч конных лучников, все молодые, на подбор...

...После того как покорил Фессалонику, пошел против скифов, которые жили во внутренних районах. Три дня спустя пришли послы из Скифии, которые обещали, что будут ему как рабы, и просили его, чтобы не шел против них. Александр ответил им: «Идите в вашу страну и пришлите мне искусных лучников-мужчин, сколько тысяч желаете, чтобы были мне товарищами по оружию. А я пойду на Лакедемон. Чтобы ваша помощь подоспела в течение шестидесяти дней...» (Fontes 1964: 125—127).

На первый взгляд, современник и придворный историк Александра повествует о его походе против скифов, предпринятом до общеизвестного похода против Дария. Такое историческое событие нам неизвестно, однако три века спустя Диодор Сицилийский (около 80—21 гг. до н.э.), использовавший в качестве источника Посидония (135—51 гг.), а тот, в свою очередь, Феопомпа, в своей «Βιβλιοθήκη ἱστορική», «Исторической библиотеке» доводит до нас следующее:

XVII, 8, 1. «Александр, после того как положил конец смутам в Элладе, пошел войной против Фракии и, посеяв страх среди фракийских племен, которые были во власти беспорядка, заставил их подчиниться ему. Он прошел через Пеонию, Иллирию и земли, соседствующие с ними. Привел под свое послушание много варварских племен, которые восстали, и покорил всех соседних варваров. 2. Пока он совершал все эти дела, подоспели несколько посланников, принеших весть, что среди греков многие задумали бунт и что многие города Эллады, особенно Фивы, на пути к восстанию. Узнав это, царь был в большой ярости и вернулся в Македонию, так как спешил покончить с неурядицами в Элладе».

Практически оба приведенных источника излагают одни и те же события начала царствования Александра, ставшего впоследствии Великим, с той лишь разницей, что из Диодора нам становится ясно, что молодой царь усмирил фракийцев и покорил всех соседних варваров.

Более конкретно повествует об этом событии Страбон (около 63 г. до н.э. — 19 г.н.э.) в своей знаменитой Γεωγραφικά, «Географии в 17-ти книгах», оконченной в 14 г.н.э.:

VII, 3, 8. «...Говорят что Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом, вторгшись в землю трибаллов и увидев, что их область простирается до Истра и до находящегося на нем острова Певки, а за рекой живут геты, — дошел, как говорят, до берега реки; вследствие недостатка в судах он не мог выса-

даться на остров, тем более что туда бежал царь трибаллов Сирм и оказал сопротивление этому предприятию; тогда Александр, переправившись в область гетов, взял их город и поспешно вернулся домой, получив дары от этих народов и от Сирма. Птолемей, сын Лага (сподвижник и биограф Александра, позже царь Египта), рассказывает, что во время этого похода пришли к Александру жившие около Адрия кельты, чтобы заключить с ним дружественные отношения и гостеприимство...» (Латышев 1947: 195—196).

Эти перипетии обрастают множеством подробностей у Арриана (95—175 г.н.э.) в его известной «Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου» («История походов Александра Великого в 7-ми книгах»), однако ход событий и участники остаются почти те же, что у Страбона (VII, 3, 8). Разница лишь в том, что у Арриана речь идет конкретно о свободных фракийцах Фракии (I, 1, 4—13) и о трибаллах (I, 2, 1—7), обитающих до Истра, о гетах, на которых напал Александр, переправившись через Истр (I, 3, 5—6; I, 4, 1—5), а также о кельтах, которые, хоть и обитают далеко, вблизи Ионийской бухты, все-таки желают стать друзьями Александра вместе с остальными (I, 4, 6—8).

Таким образом, только если пересмотреть все источники с жизнеописанием Александра, становится понятной информация Каллисфена о скифах, союзниках молодого царя, и о 70-ти тысячах конных лучников, друзьях по оружию. Очень велика вероятность, что в данном случае речь идет о гетах (Levinschi 2006: 87—91). По этому поводу уместно вспомнить и Фукидида (II, 96, 1), который еще в пятом веке пишет о том, что геты, как и соседние скифы, являются конными лучниками. Пожалуй, для Каллисфена все северные варвары — это скифы, которых победил ранее отец Александра, Филипп (339 г. до н.э.).

В связи с событиями, которые происходили в районе Нижнего Дуная во второй половине IV в. до н.э., геты «всплывают» еще один раз, но уже в более позднем источнике. Речь идет о пассаже о походе Зопириона из «Historia Alexandri Magni Macedonis» («История Александра Великого Македонского в десяти книгах»). Написанная Курцием Руфом во времена римского императора Клавдия (41—54 г.н.э.) на основе несохранившейся идеализированной истории Александра, принадлежавшей Клейтарху, она передает следующее:

X, 1, 43. «Примерно в то же время он получил письмо от Коена (litteras a Coeno accipit), относительно событий, произошед-

ших в Европе и в Азии, пока он [Александр] покорял Индию. 44. Во время похода против гетов Зопирион, наместник Фракии (*Thraciae praepositus*), был полностью разбит со всей армией из-за страшных и сильных бурь, возникших внезапно. 45. Узнав об этих несчастьях, Севт подстрекнул одрисов, своих соплеменников, к восстанию. Фракия была почти потеряна...» (Fontes 1964: 364).

Судя по контексту изложения Курция Руфа, эти события происходили во время покорения Александром Индии, т. е. около 326 г. до н.э.

Однаков «*Historiae Philippicae*» («История Филиппа в 44 книгах») Помпея Трога (I в. до н.э.), сохранившихся в кратком изложении Юстина (III в. н.э.) — «*Epitome Historiarum Philippicarum*» («Сокращение историй Филиппа»), изложено следующее:

XII, 2, 16. «...Зопирион, которого Александр Великий оставил наместником Понта (*praefectus Ponti*), посчитал для себя недостойным сидеть без дела и не предпринимать ничего; поэтому собрал тридцать тысяч воинов и пошел войной против скифов. 17. Однако он был убит вместе со всей своей армией, искупив, таким образом, вину, что необдуманно пошел войной против народа, не сделавшего ему никакого зла» (Fontes 1964: 354).

Судя по всему, во время этого похода Зопирион достиг Ольвии, о чем мы узнаем из «*Saturnalia*» («Сатурналии») Макробия (конец IV — начало V в. н.э.), который пишет:

I, 11, 33. «...во время осады Зопириона борисфениты (жители Ольвии) освободили рабов, дали права граждан чужеземцам, произвели кассацию долгов, и удалось отстоять грудь против врагов» (Fontes 1970: 164—165).

Произошло это событие, судя по тексту Помпея Трога, в 331 г. до н.э. Вряд ли мог быть и второй поход Зопириона против гетов в 326 г. до н.э., как на этом настаивают некоторые румынские исследователи (Suceveanu 1966; Iliescu 1971; Pippidi 1984), и больше доверия заслуживает текст Трога.

К изложенным фактам следует лишь добавить, что этот поход, скорее всего, являлся частью плана Александра по завоеванию Персии. Согласно ему, Зопирион через Скифию должен был проложить дорогу в направлении Центральной Азии (Щукин 1991: 116; Vulpe 2001: 460) — это была одна из навязчивых идей молодого царя (Арриан, *Анабасис*, IV, 15, 6; V, 26, 1—2; VII, 1, 2; VII, 16). Однако плану не дано было осуществиться, да и Александр не был сильно огорчен потерей целой армии

(Помпей Трог, XII, 1, 4—5.). Он задумал поход на Индию.

Следующий поток информации о гетах связан с конфликтом македонского наместника, а потом царя Фракии, Лисимаха с гетами Дромихета, где-то в районе Нижнего Дуная. Однако эти события уже выходят за пределы нашего исследования и составляют самостоятельный блок информации.

I.2. Археологические источники

Анализируя письменные источники, мы уже отметили, что ни один из античных авторов не упоминает о проживании гетов в более отдаленных от Истра землях. В сложившейся ситуации археологические памятники становятся главным источником для воссоздания истории гетов, обитавших в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, а их сопоставление с другими данными является основой для реконструкции исторических процессов в регионе.

Более чем за полувековой период интенсивных полевых научных изысканий в лесостепной зоне Республики Молдова документировано и отнесено к гетской культуре более 250 археологических памятников, часть которых была нами пересмотрена. Не исключая наличие такого большого количества памятников, среди известных мы сочли возможным на сегодняшний день отнести к древностям гетов до 190 местонахождений (рис. 1). Основная часть этих древностей представлена неукрепленными земледельческими поселениями (около 130), многие из которых тяготеют или расположены в непосредственной близости от укрепленных поселков или городищ (50). Несмотря на сравнительную многочисленность известных поселков, могильники, относящиеся к ним, или отдельные погребения зафиксированы только в 8 пунктах. Кроме того, к культуре гетов достоверно можно отнести 3 клада — один монетный, один вещевой и один монетно-вещевой.

По территории лесостепи памятники распределены очень неравномерно. Основная их часть сконцентрирована в центральной части междуречья — в зоне Южных и Северных Кодр и в нижней части Среднего Поднестровья, эти последние тяготеют к долине Днестра и его небольших притоков. Немногочисленная, но компактная группа гетских древностей, также связанная с долиной Днестра, расположена далеко на северо-западе, на восточной оконечности Молдавского плато. Еще одна небольшая, но разбросанная группа выделяется

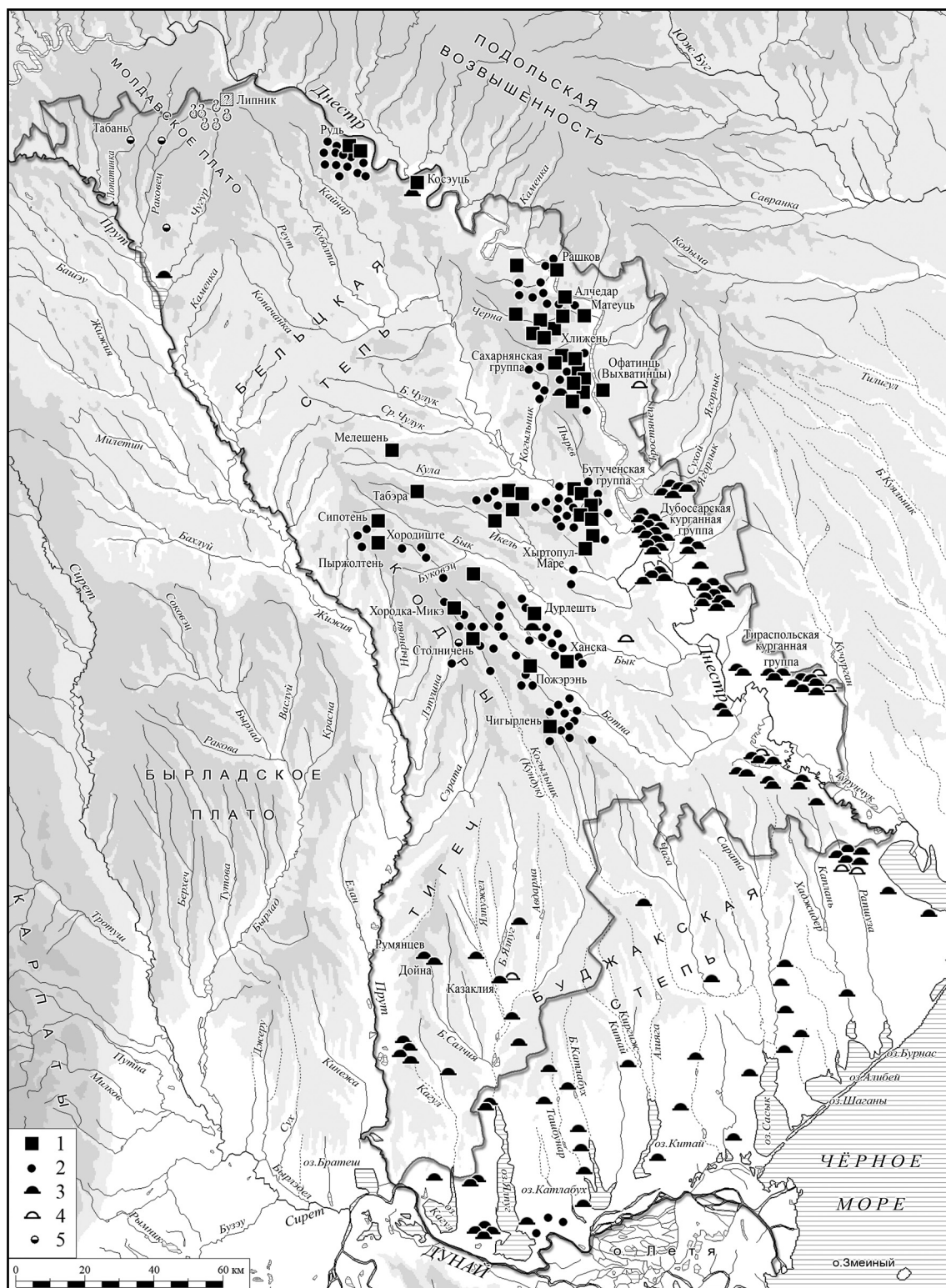

Рис. 1. Карта гетских и скифских древностей междуречья Днестра и Прута. 1 — гетские городища; 2 — гетские поселения; 3 — скифские курганы; 4 — скифские впускные погребения; 5 — клады монет.

в северной части Молдавского плато в верховьях рек Раковэц и Чугур — левых притоков реки Прут. Таким образом, почти незаселенной гетами была северная часть Днестровско-Прутского междуречья — обширная Бельцкая степь и прилегающая к северу основная

часть Молдавского плато. Правда, в этом последнем регионе И.Г. Хынку упоминает одно городище у села Хородиште р-на Единец (Hâncu 1993: 110), с очень детальным последующим описанием (Arnăut 2003: 225). Проведенное весной 2008 года тщательное

обследование указанной местности позволило установить полное отсутствие не только каких-либо оборонительных сооружений, но и гетских материалов. На поверхности были собраны только кремневые находки палеолитического времени.

На современном уровне исследований в гетское время в зоне Молдавских Кодр можно выделить два района заселения.

Первый — это верхняя часть долин рек Когылник, Ишноэц, Ботна и верховья реки Бык с их притоками, где отмечено 10 городищ, 55 неукрепленных поселений, 7 могильников, один монетный клад на поселении и случайно обнаруженный монетно-вещевой клад. Местность здесь холмистая, памятники расположены по узким долинам речек, на высоких мысах, в верхней части долин или на водоразделах притоков рек.

Большая часть древностей этого периода в этом районе известна по разведкам (Кетрару 1961: 116—118; Дергачев 1966: 244—250; Полевой 1969: 185—210; Arnăuț 2003: 183—279). Исследование местных топонимов, таких как Городиште, Хородка, Четэуе, Шанц и другие, позволило пополнить картину еще тремя укрепленными поселениями (Hîncu 1993: 33; 120; 122).

Археологическим раскопкам в указанном районе подверглось небольшое количество памятников. Речь идет об исследованиях на 5 поселениях в окрестностях села Ханска (Мелюкова 1963: 64; Никулицэ, Татаренко 1973: 129—133; Никулицэ 1973: 95—109; Никулицэ, Рафалович 1974: 79—87; Никулицэ 1985: 95—117; Рикман, Никулицэ 1985: 118—124).

Исследованный здесь же могильник (68 комплексов) Ханска «Лутэрие» (Никулицэ 1969: 134—145; 1972, 105—121) относится к защищенному эскарпом поселению Ханска «Толоакэ», на окраине которого и расположен. На другом могильнике были проведены только небольшие раскопки (Мелюкова 1963: 64—68), и он связан с расположенным рядом неукрепленным поселением Ханска «Лимбарь».

Еще один небольшой, но интересный могильник (42 погребения) был исследован в ходе раскопок обширного многослойного комплекса у села Дэнчень (Рафалович, Лапушнян, Бейлекчи, Дергачев 1977: 457—458). Однако обнаруженные здесь погребения и находки опубликованы лишь обобщенно (Лапушнян 1979: 18—26, 50—60, 88—97), кроме того, не представляется возможным проследить их взаимосвязь с каким-либо из поселений, известных в округе.

Ограниченные работы проводились на небольших городищах Ханска и Дурлешты, однако результаты раскопок так и не стали достоянием широкого круга исследователей. Необычайно интересные данные были зато получены при раскопках укрепленного поселения Столничень (Sîrbu, Arnăuț 1995: 378—400), на внешней, неукрепленной части которого был обнаружен клад серебряных монет Истрии вместе с монетами Филиппа II Македонского (Levinschi 1997: 319—324; Левинский 1999: 92—99).

Второй район заселения в пределах Кодр — это нижнее течение реки Реут с притоками и верховья реки Икель, где зафиксировано 13 городищ, 32 неукрепленных поселения и 1 грунтовой могильник. Как и в предыдущем районе, многие известные памятники расположены по узким долинам, но точек, судя по карте, мало. Сплошные разведки проводились не везде (Златковская, Полевой 1969: 49—51), однако новые городища и поселения появляются именно в этом районе.

Наиболее обследованной является сама долина Реута в нижнем течении — «Бутученское гнездо» с прилегающими памятниками (Смирнов 1964: 248—254; Бырня, Чеботаренко 1964: 277—278). Кроме того, целенаправленно проведенные сплошные разведки по левому притоку Реута — р. Когылник — выявили целую цепочку новых памятников (Высотский 1987), а обследование местностей с соответствующими топонимами дополнило картину и новыми укрепленными поселками (Hîncu 1993: 79; 87; 94).

По сравнению с предыдущим районом, в этом подвергались раскопкам, в основном, укрепленные поселения в пределах «Бутученского гнезда». Самая большая площадь вскрыта на самом Бутученском мысу. Наиболее яркие материалы и комплексы, раскопанные Г.Д. Смирновым в 1947—1950 гг., так и остались неопубликованными, однако некоторые жилища с их находками восстановлены по архивным данным (Arnăuț 2003: 330—333). Исследования на памятнике были возобновлены в 1983 г. и проводились вплоть до 2001 года (Никулицэ 1987: 88—103; Niculiță, Teodor, Zanoci 1995: 472—490; Niculiță 1996: 139—167; Niculiță, Teodor, Zanoci 1997: 292—339; 2002). Основные работы были сконцентрированы на оборонительных линиях.

Также с целью изучения фортификационных сооружений проводились раскопки и на близлежащем двухслойном (включающем горизонт Поенешть-Лукашевка) городище Требужень «Потырка» (Niculiță, Matveev,

Potângă 1999: 279—343). Поселение имеет двойную линию обороны. Материалы очень любопытны, однако работы не были продолжены.

Ограниченным раскопкам подвергалось и другое двухслойное городище, расположенное по соседству с Бутученским, однако ниже по течению Реута. Это Машкэуць, которое в литературе фигурирует под разными названиями: Машкэуць «Пояна Чукулуй» (Никулицэ 1987: 105) и Машкэуць «Дялул чел Маре» (Zanoci, Matveev 2002: 85—98). В окрестностях этого же населенного пункта раскопано и два сожжения (Musteață 2000: 11).

Небольшие раскопки проводились еще на одном городище, тяготеющем к Бутученам, — Хыртопул Маре (Sebotarenco 1997: 211—220). Материалы представляют интерес, и среди них есть и относящиеся к раннему периоду, но их документация оставляет желать лучшего, особенно это касается выявленных комплексов.

Наконец, следует упомянуть и ограниченные работы, проведенные на недавно открытом городище в окрестностях села Табэра (Levinschi, Covalenco, Bodean 2006: 39—40), расположенном в глубине лесного массива Бравича, у истоков одного из правых притоков Реута.

Многочисленные гетские материалы и комплексы были обнаружены при исследовании многослойного поселения Холеркань, на самом берегу Днестра, однако результаты исследований были опубликованы лишь суммарно, а материалы не были проиллюстрированы (Пассек 1956: 21—23). Недавно М. Т. Кашуба пересмотрела и полностью опубликовала комплексы и керамические находки этого времени (Кашуба 2006: 334—347).

Днестровская группа памятников, или, точнее, древности гетов нижней части Среднего Поднепровья тяготеют к берегам Днестра и его немногочисленных и коротких притоков. Долина Днестра, как и его притоков, каньонообразная, с очень высокими обрывистыми берегами. Памятники расположены довольно компактно, по нижнему течению реки Черна с притоками и по самому Днестру, причем поселения, в основном укрепленные, обнаружены и на левом берегу реки. Эти последние занимают доминирующие обрывистые мысы на притоках или верхнюю террасу Днестра.

Вокруг городищ, особенно крупных, концентрируются неукрепленные поселения, которые также расположены на возвышенностях или в верхней части склонов долин.

Как и в районе Кодр, древности гетов на Днестре стали известны по разведкам

(Смирнов 1949: 189—202; Маркевич 1955: 131—145; Златковская, Полевой 1969: 35—50). Их количество существенно пополнилось в последнее время (Kašuba, Naheu, Levițki 2000: 119—130). Таким образом, эта группа насчитывает 23 городища и 20 неукрепленных поселений. Могильники пока представлены только одним сомнительным пунктом (Рашков). К находкам этого периода в этой зоне, кроме того, относится один клад украшений.

Памятников, на которых проводились раскопки, в этой группе больше, и разбросаны они почти во всем ареале. Исследованию, однако, подвергались в основном укрепленные поселения. Речь идет о первых археологических раскопках на территории Молдавии сразу после войны — исследованиях Г. Д. Смирнова на городищах Большая Сахарна и Малая Сахарна, на южной окраине группы. Была вскрыта довольно большая площадь и исследованы оборонительные сооружения, однако результаты опубликованы лишь суммарно (Смирнов 1949: 200—202; Смирнов 1949а: 93—96). Мощные фортификационные сооружения гетского времени были возведены на местах поселений раннего железного века (Усатая, Левинский 1994: 57). Сохранившиеся чертежи и некоторые материалы были введены в научный оборот совсем недавно (Kašuba, Naheu, Levițki 2000: 76—87).

Спасательные раскопки предприятия на городище Сахарна «Ла Ревекин» — это небольшой северный форпост укрепленной зоны с центром на городище Большая Сахарна. Памятник однослойный, все комплексы относятся к древностям гетов. Вскрыто около трети внутренней площади. Кроме того, изучению подвергались и оборонительные сооружения. Исследованы углубленные и наземные жилища, жилища-мастерские с купольными печами для обработки бронзы, постоянные жилища, примыкающие к внутренней стене палисада, производственные и хозяйственные комплексы. На палисаде обнаружены мощные следы пожара, а в примыкающем жилище — скелет пожилой женщины и мужские кости рук. Обнаружена богатейшая коллекция местной керамики и очень мало привозной. Среди находок много орудий труда, часто попадаются бронзовые наконечники стрел скифского типа, а иногда и украшения (Левинский 2002: 256—258; Levinschi 2001: 103—112; 2002: 49—52; 2003: 45—55; 2003а: 262—270; 2004: 64—80; Levinschi, Covalenco, Abâzov 2002: 41—48; Levinschi, Șcipachin, Dulea 1999: 51—68; Levinschi, Șcipachin, Negură 2000: 87—100).

В нижней части течения р. Черна небольшие раскопки были проведены на городище Матеуць. Памятник двуслойный, с материалами раннего железного века, однако исследованные оборонительные сооружения и жилище относятся к древностям гетов. Они погибли в результате пожаров (Златковская 1966: 220—225; Златковская, Полевой 1969: 39—45). Некоторые уточнения о проведенных раскопках были сделаны по сохранившимся отчетам, но они не существенны. Немногочисленные материалы не сохранились (Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 69—75).

В окрестностях этого же села, в местности «Ла Башне», при проведении раскопок на одном из неукрепленных поселений гальштатского времени, были обнаружены и хозяйственные комплексы с материалами гетского времени (Кашуба 1989: 63—65; Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 64—69). Кроме того, с этим населенным пунктом связана находка единственного вещевогоклада, относящегося к древностям гетов. Это одно золотое и 5 серебряных украшений — височные кольца и браслеты (Нудельман, Рикман 1956: 129—131).

Аналогичная во всем ситуация зафиксирована и при раскопках на близлежащем городище Хлижень «Ла Шанц» (Глинжены II), расположенном на левом берегу р. Черна. Оборонительные сооружения отнесены к гетскому времени (Златковская, Полевой 1969: 53), но в культурном слое изобилуют материалы ранне- и позднегальштатского времени, хотя и гетские материалы довольно любопытны и представительны (Гольцева, Кашуба 1995: 38—44; Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 21—33). Вскрытая площадь довольно велика, однако жилых комплексов не было обнаружено, да и система фортификаций не подвергалась изучению.

Самая большая площадь была исследована на так называемом городище Алчедар «Ла Кордон», расположенном в северной вершине треугольника городищ Матеуць-Хлижень-Алчедар, примерно в двух километрах от одного и от другого (Haheu 1998: 124). Раскопки были спасательные, и на вскрытой площади были исследованы три углубленных и одно наземное жилище, а также большой зольник, интерпретированный как культовое место. Выявленные материалы очень разнообразны, как керамика, так и другие находки. Подавляющее большинство относится к гетскому периоду жизни на поселении. Оборонительные сооружения, однако, исследованию не подвергались. На момент проведения раскопок они не были обнаружены

(Haheu 1998: 111—135; Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 49—64).

Гетские материалы были выявлены и при раскопках на гальштатском поселении Солончень-Хлиная, которое расположено по соседству (ближе к Днестру) с вышеописанной тройкой городищ. При публикации первых результатов раскопок присутствие материалов гетского времени лишь предполагалось на основе находок греческих амфор в верхнем пахотном слое (Мелюкова 1954: 63—65), однако вскоре были выделены и некоторые хозяйственные комплексы (Мелюкова 1955: 67). На основании керамического материала из этих сооружений, впоследствии на памятнике было установлено наличие непрерывного проживания в пределах X—III вв. до н.э. (Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 33—41), хотя автор раскопок выделяла только гальштатский и эллинистический горизонты (Мелюкова 1955: 67).

Единственный памятник, подвергшийся раскопкам на левом берегу Днестра, — городище Офатинць (Выхватинцы). Оно больше не существует. Исследованная площадь была небольшой, и на ней выявлен неполный контур наземного жилища с очагами. «Внутри жилища обнаружено много фрагментов посуды, причем многие принадлежали разбитым на месте горшкам». Траншеей был прорезан ров и вал. «С внутренней стороны на вал жители городища выбрасывали золу и мусор» (Мелюкова 1954: 65—66). По сохранившимся отчетам и фондовым материалам информация по городищу была лишь уточнена и пополнена (Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 41—48).

Выше по течению Днестра, пока особняком, расположено городище Косэуць, отмеченное И. А. Борзияком еще в 80-е годы и осмотренное мною совместно с ним в 1989 году. Еще тогда нас удивило полное отсутствие каких-либо фрагментов керамики. В рывтинах и прокопках на городище, кроме прожженного грунта, никаких материалов не было отмечено. Как показали последующие раскопки (Munteanu 2004: 91—96; 2004a: 82—103; 2007: 295—310), на памятнике отсутствуют материалы и комплексы, относимые ко времени существования городища (Munteanu 2007: 308). Следы проживания гетов обнаружены намного дальше, вверх по течению реки.

Днестровский, северо-западный район обитания гетов представлен небольшой компактной группой древностей, тяготеющих к населенному пункту Рудь, расположенному на восточной окраине Молдавского плато. Условно эти памятники можно назвать Рудьской группой. Она насчитывает пока

2 городища и 13 неукрепленных поселений. Ландшафт, в который они вписаны, очень схож с Сахарнянским укрепрайоном.

Первые древности гетов этого района стали известны по разведкам (Кетрару 1961: 113—115), причем эта группа оконтурилась довольно поздно (Власенко, Сорочкин 1982: 179—190; Власенко 1985: 202—204). Несмотря на это, раскопки на одном из сильно фортифицированных городищ — Рудь «Ла Шанцурь» — проводились довольно интенсивно в 70-е годы М. А. Романовской. Памятник многослойный, с материалами гальштатского и латенского времени. Исследованию подвергались все четыре линии обороны (валы и рвы) и пространство между ними, внутренняя сторона второго вала с въездными воротами и южная башня-бастион. В пространствах между валами, кроме хозяйственных комплексов, было исследовано 7 углубленных и 2 наземных жилища. Во всех жилищах, во рвах и на валах были обнаружены человеческие скелеты, в основном расчлененные, или только черепа. В некоторых жилищах свыше 11 человеческих останков — женщины и дети, а на всей вскрытой площади более 50 скелетов. Позы, в которых они были обнаружены, мало напоминали погребальные. Среди находок различная утварь и бытовые предметы, раннелатенские фибулы, железный псалий скифского типа, греческие амфоры и другие. Материалы так и остались неопубликованными. Все же, в очень сжатом виде, информация до нас дошла (Романовская 1971: 358—359; 1973: 415—416; 1975: 446; 1976: 476; Романовская, Гайдуков, Макаров, Варенов 1977: 459—460; Лапушнян, Романовская 1972: 450; Масленников, Романовская, Юшко 1974: 424—426).

С 1995 года работы на этом памятнике были возобновлены. Из выявленных сооружений в научный оборот были введены 6 углубленных конструкций, и во всех обнаружены раздавленные сосуды и от одного до 15 расчлененных человеческих скелетов (Тсациус, Zsâpchin 2000: 101—112). В основном это женщины и дети (Pavlov 2000: 113—118). Все обнаруженные в Руде комплексы с человеческими останками относятся к гетскому периоду (Levinschi 2003a: 275—278). На других памятниках исследования не проводились.

В пределах Молдавского плато, строго на запад от Рудьской группы, в верховьях рек Чугур и Раковэц (притоки р. Прут), намечается еще один небольшой район с гетскими древностями. Среди них 8 поселений и одно городище. Все они известны только по разведкам 50-х годов прошлого века (Бырня,

Чеботаренко 1964: 276—277; Златковская, Полевой 1969: 35) и нуждаются в уточнениях. Не исключено, что все памятники этой группы относятся к более раннему времени.

I.3. Нумизматические источники

Монетные находки, в не меньшей степени, чем письменные и археологические источники, составляют довольно внушительную категорию данных для изучения экономической деятельности и политических отношений любого общества. Вполне естественно, что гетские племена лесостепи Молдовы в этом отношении не составляют исключения. В своем обобщающем монографическом исследовании монетного обращения во всем Днестровско-Прутском междуречье, с древнейших времен и до образования Молдавского государства, в первой главе, посвященной греческим античным монетам, А. А. Нудельман все находки этого периода разделил на четыре условные хронологические группы. Во-первых, это электроновые статеры Кизика. Во вторую были объединены серебряные и медные монеты причерноморских античных городов автономного периода (прежде всего Тира и Истрия). Третья хронологическая группа объединила золотые статеры начала эпохи эллинизма, а в последнюю группу были включены припонтийские посмертные эмиссии золотых статеров типов эллинистических правителей (Нудельман 1985: 10).

Если брать в общих чертах, то все античные монетные находки междуречья автор приспособил под общую схему появления и эволюции монетных выпусков греко-македонского мира, признанную большинством специалистов (Mihăilescu-Bîrliba 1990: 40—64; Preda 1998: 40—119). Исключение составляет третья хронологическая группа, которая включает только золотые статеры Филиппа II. Это выглядит довольно странно, если иметь в виду, что македонскими мастерскими было выпущено значительное количество тетрадрахм — самая представительная эмиссия Филиппа II (Preda 1998: 97—98). Что касается серебряных тетрадрахм Александра III, то они даже были признаны преобладающей денежной единицей во всем эллинистическом мире и в Карпато-Дунайском регионе (Preda 1998: 102). Несмотря на это, македонское серебро не представлено среди монетных находок лесостепи Днестровско-Прутского междуречья.

На фоне вышеизложенного обращаем внимание, что А. А. Нудельман, следуя за К. Преда, все-таки выделил в отдельную хронологиче-

скую группу так называемые кельтские имитации серебряных тетрадрахм Филиппа II — монеты типа Хушь-Вовриешть (Нудельман 1985: 18—19). Среди основных характеристик, выделяющих эту группу монет, — грубое или очень грубое изображение рисунка, а также очень часто неполная легенда или остатки легенды и, самое главное, наличие глубоких надрезов (1—6), нанесенных на их реверсе.

Исходя из постулата, что ареал этих находок якобы соответствует ареалу памятников типа Поенешть-Лукашевка, оставленных кельто-бастарнами, датировка этих монет была определена между концом III века и до третьей четверти II в. до н.э. (Нудельман 1985: 21). В связи с этим обращаем внимание, что ни одна такая монетная находка не обнаружена в контексте среднелатенских древностей восточно-карпатского региона.

С обнаружением Столниченского клада, содержащего 44 истрийские драхмы и 10 тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть (Levinschi 1997: 319—324), стало возможным пересмотреть культурно-хронологическую интерпретацию так называемых кельтских имитаций серебряных тетрадрахм Филиппа II. Во-первых, клад был обнаружен на посаде гетского городища Столничень и был закупорен в гетской лепной кружке. Во-вторых, так называемые кельтские имитации были запрятаны вместе с монетами Истрии середины IV в. до н.э. Таким образом, условия находки и состав клада позволили пересмотреть датировку монет типа Хушь-Вовриешть и определить время их появления в рамках второй половины IV в. до н.э. В качестве авторов этой эмиссии серебряных монет были признаны нижнедунайские трибаллы (Levinschi 1997: 321—322; Левинский 1999: 98—99). В одной из последних работ мы даже уточнили, что чеканка серебряных тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть была начата трибаллами в 339 г. до н.э. Они использовали для этого оригинальные штампы и полноценное серебро, попавшие к ним в качестве добычи при поражении, нанесенном Филиппу, когда он возвращался через Фракию после победы над скифами Атея (Levinschi 2004a: 131—136). Дополнительным аргументом в пользу высказанных соображений относительно столь ранней датировки обсуждаемого монетного типа является небольшой монетный клад, обнаруженный в окрестностях села Муржень (Румыния), содержащий 7 серебряных тетрадрахм (Dimian 1955: 304). Как выяснилось впоследствии, среди монет одна тетрадрахма является оригиналом Филиппа II, а остальные 6 штук — тетрадрахмами типа Хушь-Вовриешть (Mihăi-

lescu-Bîrliba 1990: 223—224). Пожалуй, и эта находка дает нам полное основание признать монеты типа Хушь-Вовриешть не «варварскими имитациями» и не «копиями» или «копиями-имитациями», а «варварским чеканом» тетрадрахм Филиппа II с уточнением «типа Хушь-Вовриешть». Однако, независимо от термина, используемого для индивидуализации этого типа монет, несомненным остается факт, что в данном случае речь идет об эмиссиях третьей четверти IV в. до н.э.

Таким образом, пересмотрев культурно-хронологическую атрибуцию монет типа Хушь-Вовриешть, мы имеем полное основание включить в источниковедческий фонд монетных находок IV в. до н.э. из лесостепной зоны Днестровско-Прутского междуречья значительную группу находок — серебряные тетрадрахмы Филиппа II (варварский чекан).

В конце концов, дополнив предложенную А.А. Нудельманом схему монетного обращения региона в античную эпоху, обращаем внимание еще на одно любопытное явление. Во всем ареале Днестровско-Прутского междуречья отмечаем процесс одновременного захоронения монет, относимых к первой и второй хронологическим группам. Речь идет об Орловском кладе с электровыми статерами Кизика (340—330 г. до н.э.) и о Дороцком кладе серебряных драхм Истрии и Тиры, тезаврация которого отнесена к 30-м годам IV в. до н.э. (Нудельман 1985: 14). Более того, в 331/330 году до н.э. был запрятан Столниченский клад (Levinschi 2003a: 280), включающий, согласно предложенной А.А. Нудельманом схеме, монеты второй (драхмы Истрии) и третьей (тетрадрахмы Филиппа II типа Хушь-Вовриешть) хронологических групп.

Изложенные выше дополнения и констатации, сделанные бегло по материалам А.А. Нудельмана, относительно распространения античных монетных находок в регионе, равно как и последние разработки по вопросу о верхней хронологической границе существования гетских городищ в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья (Levinschi 2003a: 261—284), заставляют нас пересмотреть уже известные монетные находки. Само собой разумеется, что речь пойдет о находках, обнаруженных в зоне, ограниченной гетскими городищами, а при анализе монет в качестве основного принципа возьмем период их эмиссии (рис. 2).

Таким образом, учитывая эти последние установки, констатируем, что самыми ранними монетами, известными в ареале гетских племен лесостепи, являются серебряные

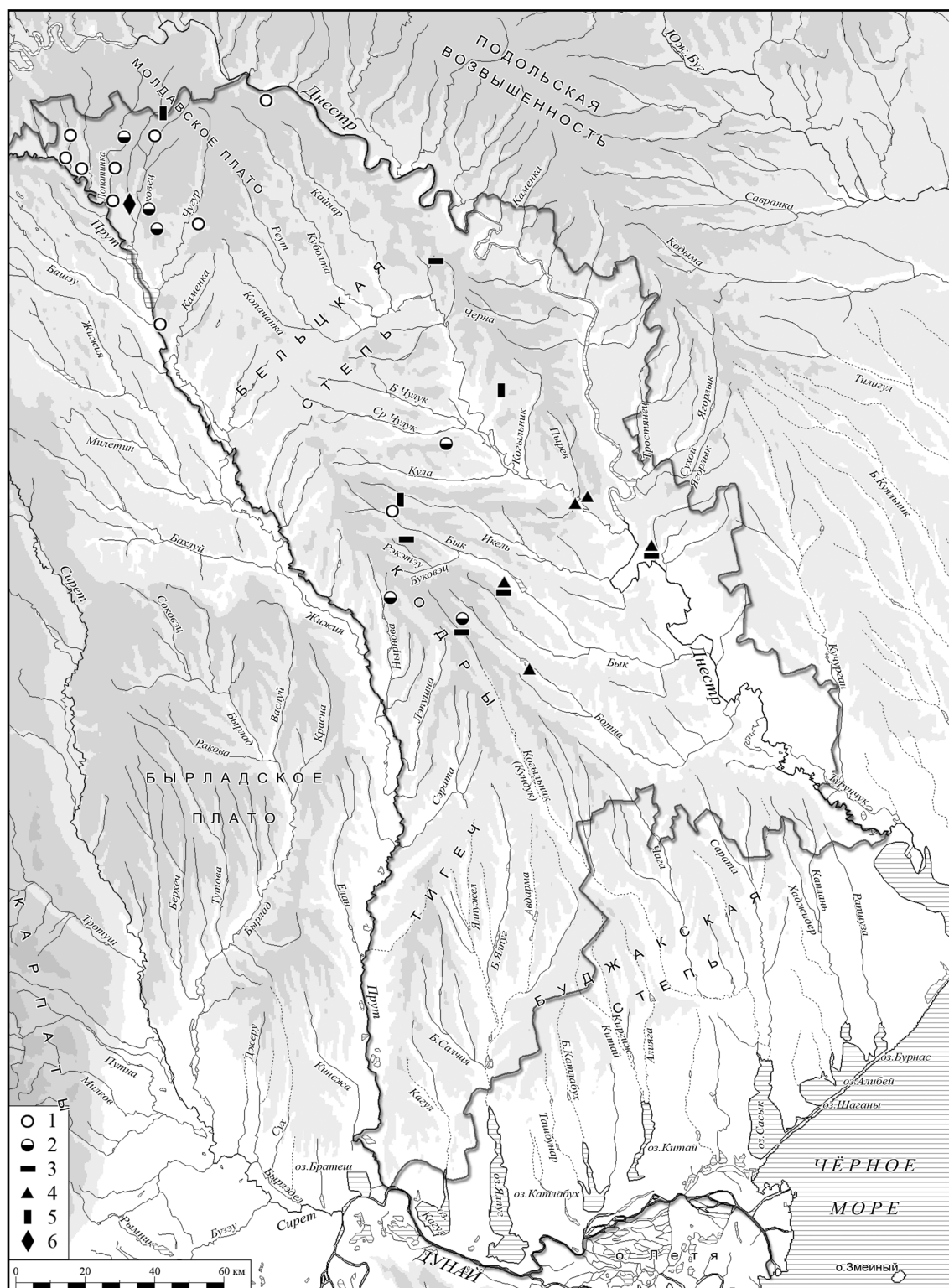

Рис. 2. Карта находок античных монет в лесостепи Молдовы. 1, 2 — монеты Филиппа II (1 — единичные находки, 2 — клад); 3 — монеты Истрии; 4 — монеты Тирь; 5 — монеты Александра III; 6 — монета Ольвии.

драхмы Истрии автономного периода, выпущенные в 360—340 гг. до н.э. (Нудельман 1985: 13). Серебряные монеты этого западно-понтийского центра представлены четырьмя местонахождениями. Первое из них — в составе клада, обнаруженного на посадке гетского городища Столничень (44 экземпляра с дифферентом «А») совместно с тетрадрахмами

Филиппа II (10 монет типа Хушь-Вовриешть), запрятанные в небольшой лепной кружке (Levinschi 1997: 319—324; Левинский 1999: 92—99). Второе местонахождение — в составе монетно-вещевого клада, обнаруженного случайно в Дурлештском лесу под Кишиневом (7 монет) совместно с драхмой Тирь (Ciocanu 2006: 6). Третье местонахождение

ние — это случайная находка из окрестностей села Чирипкэу, Флорештского района (неопубликованная информация Г.И. Постикэ), а четвертое — случайная находка на гетском городище Хородиште, Каларашского района (Boldureanu 2007: 354).

Тира автономного периода (350—340 гг. до н.э.) была представлена в интересующей нас зоне только отдельными находками. Речь идет о серебряной драхме, найденной случайно на одном из гетских поселений в окрестностях села Костешть Яловенского р-на (Карышковский, Клейман 1985, 59), а также о медных экземплярах из Бутучень и Требужень, Оргеевского р-на (Полевой 1962: 290—291). Среди этих последних первая монета была найдена Г.Д. Смирновым среди остатков сгоревшего жилища на цитадели гетского городища Бутучень, а вторая — подъемный материал с одного из гетских поселений в окрестностях городища. Совсем недавно к этим известным экземплярам добавилась еще одна монета, найденная совместно с истрийскими, в составе уже упомянутого Дурлештского клада (Ciocanu 2006: 6).

В последнее время среди находок, происходящих из частных коллекций, были идентифицированы и первые монеты Пантикапея автономного периода, выпущенные не позже рубежа 40-х и 30-х годов IV в. до н.э. (Зограф 1951: 171—172). По данным коллекционеров, две медные монеты найдены в окрестностях села Костешть, Яловенского р-на, и еще одна такая же — в окрестностях гетского городища Бутучень, у села Требужень, Оргеевского р-на (Izvoranu, Nicolae 2004: 9). В связи с монетами Пантикапея следует отметить, что на данный момент они являются первыми и единственными находками этого античного центра во всем Днестровско-Прутском междуречье, и абсолютно непонятно, каким образом мелкая разменная монета Восточного Крыма могла проникнуть в молдавскую лесостепь. Видимо, они не имеют никакого отношения к находкам региона.

Одним-единственным и не очень достоверным местонахождением в регионе представлены эмиссии Ольвии третьей четверти IV в. до н.э. Это медная монета, отмеченная где-то в окрестностях села Брынзень, Единецкого р-на (Карышковский 1983: 170—171).

Самыми многочисленными в лесостепной зоне являются монетные эмиссии Филиппа II (359—336 гг. до н.э.) — золотые статеры и серебряные тетрадрахмы (варварский чекан Филиппа II). Датировка чеканки первых статеров остается пока не очень уверенной. Предполагалось, что их стали выпускать

с 356 года (Müller 1855: 19), хотя это могло произойти в 352, или в 348, или в 344, не исключая и год 346 (West 1923: 177—181). Согласно последним разработкам, первую группу статеров стали выпускать с 345 года, даже, возможно с 342—340 года (Le Rider 1977: 432). Не вдаваясь в подробности на эту тему, отметим, что в лесостепной зоне Днестровско-Прутского междуречья известна всего лишь одна находка — село Сипотень, Каларашского р-на, откуда происходит золотой статер, чеканенный в Пелле (Нудельман 1985: 160).

В то же время серебряные монеты Филиппа II — тетрадрахмы, в основном с надрезами — известны в довольно большом количестве. Все они относятся ко второй группе серебряных эмиссий, на реверсе которых представлен обнаженный олимпийский всадник с пальмовой ветвью в руке. Почти единодушно исследователи относят начало чеканки этой группы к 348/7 году, связывая изменение типа реверса с победой, одержанной конем Филиппа II на олимпийских играх 348 года. Предполагается, что серии прижизненных эмиссий продолжали чеканить и после смерти Филиппа (336 г.), совместно с тетрадрахмами Александра (336—323 гг.), до 329/8 года, а после кончины последнего посмертные эмиссии филипповских тетрадрахм выходили вплоть до 294 года (Le Rider 1977: 389—400). Возможно, это так, однако для молдавских находок, исходя из археологического контекста и сложившейся исторической ситуации (детальная типология отсутствует), мы пришли к выводу, что они выпускались между 339 и 335 гг. (Levinschi 2004a: 135; Левинский, Чокану 2005: 391—392).

Определившись с этим вопросом, для центральной зоны Республики Молдова мы отмечаем несколько местонахождений серебряных тетрадрахм Филиппа II. В первую очередь, самая достоверная находка — это Столниченский клад у одноименного села района Хынчешть, в котором тетрадрахмы Филиппа II (10 экз.) сочетаются с уже упомянутыми истрийскими драхмами (Levinschi 1997: 319—324). Из второго клада, у Ниспорень, тоже на южном пограничье лесостепи, из состава которого нам удалось просмотреть 4 тетрадрахмы, три были надрублены и одна без надруба (Левинский 1999: 98). Из третьего клада, обнаруженного в окрестностях села Леушень, Теленештского р-на, и содержащего около 30 монет типа Хушь-Вовриешть, сохранился всего лишь один экземпляр (Preda 1966: 164; Нудельман 1976: 48). В южной части региона известна еще одна тетрадрахма — случайная находка,

обнаруженная возле Унгень (Нудельман 1985: 161).

В северной части республики обращает на себя внимание сравнительно внушительная концентрация находок на северо-западе, на правом берегу Прута и его притоках. Здесь отмечены как минимум два разошедшихся клада с более чем сотней тетрадрахм. Из первого клада, у села Мэрэуць, Бричанского р-на, сохранились 3 надрубленные монеты, а из второго, у села Зэбричень, Единецкого р-на, всего два аналогичных экземпляра (Нудельман 1976: 48). В отличие от группировки находок из центральной части республики, здесь, на северо-западе, где не известен ни один достоверный гетский памятник, отмечены 7 единичных местонахождений — Хлина, Ширэуць, Коржеуць, Перерыга, Лопатник, Шофрынкань и Брэнешть, все в пределах Бричанского и Единецкого районов (Нудельман 1976: 48—49). В окрестностях села Брэнешть, возможно, речь идет о разошедшемся кладе, так как там отмечены две тетрадрахмы, имеющие по одному надрубку. К этим отдельным находкам в последнее время прибавился и вполне достоверный клад, обнаруженный в с. Табань, района Бричень. В не полностью сохранившейся гетской лепной кружке были обнаружены 32 тетрадрахмы с надрубками, большая часть из них надчеканена (Левинский, Чокану 2005: 374—392). Наличие внушительной группировки филипповских тетрадрахм на северо-западе, вполне реальной и столь же загадочной, еще ждет своего объяснения. Пока, для восстановления полной картины находок серебряных монет Филиппа II, приведем упоминание еще одного экземпляра из окрестностей села Мерешовка, Окницкого р-на (Нудельман 1985: 19), однако конкретная информация об этом единственном местонахождении на Днестре отсутствует.

Насколько представительно присутствие в лесостепи монеты Филиппа II, настолько поражает нас ограниченное проникновение монетных эмиссий его наследника, Александра III Македонского (336—323 гг.), прозванного Великим. В очерченном нами ареале отмечено только два местонахождения золотых статеров — у села Скорчень, Теленештского р-на, и у села Сипотень, р-на Кэлэрашь (Нудельман 1985: 160). Эта последняя монета найдена совместно с уже упомянутым единственным золотым статером Филиппа II.

Серебряная монета Александра III — тетрадрахма, о которой мы упоминали как о доминирующей монетной единице во всем эл-

линистическом мире, как ни парадоксально, абсолютно отсутствует в ареале гетских памятников лесостепи Днестровско-Прутского междуречья. И это выглядит чрезвычайно странно, так как в Амфиполе они чеканились с 336 по 323 г., были выпущены в значительных объемах и пользовались огромной популярностью как при жизни царя, так и после его смерти (Le Rider 1977: 394). Лишь в последнее время в поле зрения нумизматов попала одна серебряная драхма Александра III, обнаруженная в окрестностях с. Требисэуць, р-на Бричень (Boldureanu 2007: 354) и связанная с северо-западной группировкой филипповских тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть.

Наконец, среди находок из лесостепи в литературе фигурирует и одна монета, выпущенная Лисимахом (306—281 гг.). Это золотой статер (возможно, посмертный), найденный при невыясненных обстоятельствах на Днестре, у г. Резина (Нудельман 1985: 160). Не было бы смысла останавливаться на этой находке, если бы не некоторые факты, а именно, что это единственная находка такого рода, и своим периодом эмиссии она выпадает из общего контекста находок рассматриваемого региона. Кроме того, ее местонахождение очень загадочно. Учитывая изложенные обстоятельства, мы обратили внимание, что золотой статер Лисимаха, обнаруженный в 1961 году у села Староказачье, Одесской области, хранится в частной коллекции из Рыбницы (Нудельман 1985: 160), через Днестр, напротив Резины. Невольно закрадывается подозрение, что речь может идти об одном и том же статере, или у села Староказачье был обнаружен небольшой клад, из состава которого одна монета попала в частную коллекцию в Рыбнице и еще одна — в Резину. Как бы там ни было, вопрос о проникновении статеров Лисимаха в лесостепь Днестровско-Прутского междуречья выглядит довольно банально. В связи с этим уместно сделать небольшое уточнение по поводу клада золотых статеров у села Гура Галбенэ, Чимишлийского р-на, расположенного вблизи южного пограничья зоны, которая нас интересует. В первой публикации о местонахождении клада указывается, что из его состава сохранился золотой статер Лисимаха (308—281 гг.), чеканенный во Фракии (Нудельман 1976: 45), а впоследствии оказалось, что это статер лисимаховского типа, выпущенный в Каллатии между 125—75 гг. до н.э. (Нудельман 1985: 16—17). Вряд ли есть смысл связывать эту находку с рассматриваемой проблематикой.

Таким образом, пересмотрев все наиболее достоверные античные монетные находки,

известные в лесостепи междуречья, констатируем, что все они относятся к эмиссиям середины — третьей четверти IV века до н.э. Среди них самыми многочисленными являются серебряные тетрадрахмы Филиппа II (типа Филипп II, копии-имитации), которые присутствуют во всех известных к настоящему времени в лесостепи кладах — одни или совместно с другими эмиссиями. Самыми поздними античными монетами являются два золотых статера и одна серебряная драхма Александра III.

Единственное, что следовало бы добавить ко всему вышеизложенному, — это то, что в лесостепи, в ареале, ограниченном гетскими городищами, следующую достоверную группу монетных находок составляют немногочисленные эмиссии римских монет периода Республики и I в. н. э., найденные случайно или в составе кладов, зарытых в начале II в. н. э. (Нудельман 1985: 27—33). Появившаяся совсем недавно информация о находке серебряной тетрадрахмы Фасоса (80—70 гг. до н.э.) в окрестностях села Столничень, р-на Хынчешть (Ciocanu 2005: 7), хоть и является неожиданной, но место обнаружения выглядит очень сомнительным. С другой стороны, судя по каталогу, составленному К. Преда, самые восточные местонахождения такого рода не достигают даже реки Сирет. К северу от Дуная такие монеты находились в обращении в основном во Внутрикарпатской котловине и в Мунтении (Preda 1998: 249).

I.4. Историография

Исследование гетской проблематики, в целом, имеет собственную историю в историографии нового и новейшего времени. Геты, упомянутые в некоторых литературных источниках, восходящих к временам до Геродота (484—425 гг.), стали предметом обсуждений среди специалистов в области античной истории еще в первой половине XIX века. Уместно вспомнить немецкого исследователя К. Цойса и его работу «*Die Deutschen und ihre Nachbarstämme*», в которой, излагая историю германцев и соседних племен на основании письменных источников, он упоминает и гетов, как выходцев с Балкан, дошедших впоследствии и на земли к северу от Дуная (Zeuss 1837: 278). Чтобы не затягивать изложение вопросов общего характера, отметим, что проблема происхождения гетов, будучи одной из основных во всех последующих работах, вышедших на протяжении XIX и первой половины XX веков, так и не была приведена к общему знаменателю. Пожалуй, нет смысла

обсуждать историографию вопроса на протяжении этого начального периода. С этим прекрасно справились другие (Никулицэ 1977: 13—16). Одна из причин, по которой мы себе отказываем в таком повторе, является тот факт, что вся Дакия В. Пырвана (которую он растягивал на восток до Днестра и считал ее родиной гетов) еще со времен эпохи бронзы и в железном веке, между 700 и 300 гг. до н.э., переживала в скифскую эпоху «времена бедности и упадка» (Rârvan 1926: 296). Это присутствие скифов в Дакии, ненамеренно, аргументировано В. Пырваном посредством анализа большого количества скифских находок, уже известных в его время в карпатском и внекарпатском ареале (Rârvan 1926: 348—389). Высказанные В. Пырваном соображения, несомненно, были во многом предопределены работой М.И. Ростовцева «*Эллинизм и иранство на юге России*», вышедшей в Петрограде в 1918 году и, немного позднее, в английском варианте, в Оксфорде (Rostovtzeff 1922). Точка зрения М.И. Ростовцева, согласно которой скифы захватили и значительную часть Фракии, пользовалась успехом в течение длительного времени. Именно из таких соображений до середины XX века присутствие гетов Геродота в регионе между Днестром и Прутом даже и не предполагалось. Ко всему прочему, на протяжении всего этого длительного периода в упомянутом регионе не проводились и археологические раскопки на памятниках этого времени, если не считать таковыми находки А. Адиасевича в окрестностях села Столничень, недалеко от Кишинева (Dimitriu 1933: 288—295).

Систематические археологические исследования на территории современной Республики Молдова, составной части Днестровско-Прутского региона, были начаты только после Второй мировой войны, в 1946 году, когда были организованы первые экспедиции по документированию археологических древностей и даже были проведены первые раскопки на некоторых из обнаруженных памятниках. Речь идет о работах Г.Д. Смирнова в 1946 году во главе археологической экспедиции АН Украины, а с 1947 года — экспедиции Молдавской базы АН СССР. Несомненно, что первыми археологическими памятниками, попавшими в поле зрения исследователей, были остатки укрепленных поселений, расположенных на высоких, естественно защищенных участках, от которых еще сохранились земляные валы и рвы перед ними. Материалы, полученные в ходе раскопок Г.Д. Смирнова на некоторых памятниках, среди которых Большая

Сахарна, Малая Сахарна и Бутучень, отнесенных им к железному веку и датированных, на основании фрагментов греческих амфор, IV—III вв. до н.э., согласно традиции, установившейся в предвоенные годы (по М. И. Ростовцеву), были отнесены к скифам. Одна из первых статей о результатах археологических исследований в Молдове, опубликованных Г. Д. Смирновым, называлась «Скифское городище и селище Большая Сахарна» (Смирнов 1949а: 93—96). Также скифскими были названы и памятники этого времени, документированные и исследованные Т. С. Пассек (Хородка, Столничень, Стохная), которая начала свою исследовательскую деятельность в Молдове в 1947 году (Пассек 1949: 57—68).

Если задаться целью выработать определенную периодизацию истории исследования гетской проблематики в Пруто-Днестровском регионе, то первый период можно ограничить 1946—1974 гг. Это период, в течение которого проводилась фиксация археологических древностей, в том числе гетских, первые памятники которых, как уже отмечали, были исследованы Г. Д. Смирновым начиная с осени 1946 г. (Смирнов 1949: 189—202). С этой точки зрения, к концу первого периода в общих чертах был описан ареал гетских древностей региона, а результаты этих работ были обобщены в археологической карте памятников эпохи железа, где гетские составили отдельную главу (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 33—73).

Это период времени, в течение которого была проведена культурная идентификация и определена этническая принадлежность древностей, обнаруженных в этом регионе и датированных на основании фрагментов греческих амфор в пределах IV—III вв. до н.э. В отличие от Г. Д. Смирнова и Т. С. Пассек, А. И. Мелюкова с первых лет своих исследований считала обнаруженные в Молдове памятники железного века относящимися не к собственно скифам, а к скифскому периоду (Мелюкова 1954: 59—68). Обобщив обнаруженный при раскопках на укрепленном поселении Офатинць (Выхватинцы) керамический материал, исследовательница посчитала его типичным для памятников IV—III веков, известных в Молдавии, с ближайшими аналогиями в керамических комплексах укрепленных поселений Бутучень и Малая Сахарна (к тому времени на обоих памятниках еще был неизвестен раннегалльстатский слой). В том же контексте А. И. Мелюкова отмечала, что подобная керамика была известна и на поселе-

ниях и могильниках Румынии и Венгрии, которые относили к гетам (Мелюкова 1955: 67), однако древности Молдавии она предлагала связать с другими северофракийскими племенами, точнее — с агафирсами (Мелюкова 1958: 102). Последнюю точку в этом вопросе поставил Г. Б. Федоров, который озаглавил первую часть своего труда (Федоров 1960) «Гетская культура», включив в нее и древности IV—III вв. до н.э.

Определившись, таким образом, с культурной и этнической принадлежностью материалов IV—III веков, обнаруженных в основном на укрепленных поселениях Днестровско-Прутского междуречья, для реконструкции исторических процессов этого времени на юго-востоке Европы исследователи все чаще стали привлекать данные античных источников о гетах. Анализ, проведенный Т. Д. Златковской и Л. Л. Полевым (1969: 35—60) на материалах 29 укрепленных гетских поселений, известных на территории междуречья к тому времени, позволил констатировать, что они располагались цепочкой с севера на юг по течению Днестра и, что очень важно, где-то в районе Дубэсарь эта цепочка резко поворачивала в сторону Орхей и Столничень, перерезая междуречье с северо-востока на юго-запад (Златковская, Полевой 1969: 59). Наличие этой последней цепочки укрепленных поселений было объяснено тем, что племенное объединение гетов лесостепи противостояло объединительным тенденциям гетов Нижнего Дуная во главе с Дромихетом, которые контролировали и степь междуречья (Златковская, Полевой 1969: 60).

Тем временем были проведены некоторые исследования и в степной зоне нижнего течения Днестра (Мелюкова 1963: 64—72), где большая часть поселений с находками греческих амфор на правом берегу реки и лимана была отнесена к гетам. Учитывая разработки, проведенные когда-то В. Пырваном на основании письменных источников, а также проведя анализ археологических материалов, А. И. Мелюкова предположила, что в VI—V вв. до н.э. этническая граница между скифами и гетами не могла проходить где-то к западу от Прута, а проходила, скорее всего, по Днестру. В IV—III веках границей между гетами и скифами также служила река Днестр (Мелюкова 1969: 79). Отсутствие сильных племенных объединений гетов на юге междуречья всегда давало возможность свободного проникновения восточных кочевников к Дунаю и далее, на юг, и только к концу IV в. до н.э. геты создали сильное объединение,

способное противостоять и армии Александра Македонского (Мелюкова 1969: 79—80).

Непрерывно накапливавшийся археологический материал, который мог быть использован для разработки различных аспектов культуры и истории гетов Днестровско-Прутского междуречья, был кратк обобщен А.И. Мелюковой в книге «Древняя культура Молдавии» (1974: 37—45) — «...первая обобщающая работа по исследованию материальной культуры населения территории Молдавии с эпохи раннего железа до XVII века», смысл которой состоял в том, чтобы проследить непрерывность проживания в этом регионе.

Интересно отметить, что в 1955 году, основываясь на материалах из Солончень, Сахарна (с резной/штампованной керамикой) и Офатинць (гетские), А.И. Мелюкова писала, что они принадлежат местному населению в разные периоды его истории, вопреки наличию большой хронологической лакуны между ними (Мелюкова 1955: 67). В 1974 году, однако, обнаружение погребения у села Пыржолтень (Лапушнян, Попов 1973: 409) позволяет ей «...предположить местное развитие гетских племен Днестровско-Прутского междуречья. Оно (погребение — А.Л.) как бы заполняет хронологическую лакуну между поздними памятниками культуры Басарабь и гетскими IV—III вв. до н.э.» (Мелюкова 1974: 37). Проведя общую характеристику всевозможных аспектов повседневной, экономической и политической жизни гетов, исследовательница высказала и свою точку зрения относительно исторической судьбы этих племен. По отношению к гетским поселениям правобережья Нижнего Днестра и Днестровского лимана А.И. Мелюкова считала, что они прекратили свое существование к середине III в. до н.э., когда на левобережье стали появляться поселения оседлых скифов. Часть гетов правобережья, по ее мнению, переселилась на левобережье. Что касается гетов лесостепных районов междуречья, то, несмотря на многочисленные набеги и нападения конца III века до н.э. как с востока, так и с запада, это население, постулирует А.И. Мелюкова, не было уничтожено, а сосуществовало с другими народами — бастарнами, сарматами и др. (Мелюкова 1974: 45—46).

Второй период в исследовании гетской проблематики, условно, может быть определен с 1974 и до 1994 года. Это период времени, когда появился ряд работ обобщающего характера, в которых приводятся многочисленные аргументы и обсуждаются основные тезисы по отношению к истории и культуре гетов, сформулированные и высказанные

в краткой форме в предыдущем периоде. Взяв за основу идею, что в период, предшествующий гетам, население Карпато-Днестровского ареала представляло собой локальный вариант культуры «фракийского гальштата» (Мелюкова 1972: 62), И.Т. Никулицэ в 1977 году выпустил монографию «Геты IV—III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях», в которой гетские древности междуречья Днестра и Прута рассмотрены в контексте обширного пространства с естественными границами: Карпатские горы на западе, река Днестр на востоке и Черное море на юго-востоке — ареал, в котором, по мнению автора, письменные источники упоминают гетов в IV—III вв. до н.э. Кроме того, анализ фактологического материала позволил автору установить, что именно на этот интервал времени указывает большая часть находок с хронологическими признаками, которые были обнаружены на гетских памятниках (Никулицэ 1977: 21—25). Что касается присутствия гетов в этом ареале в предшествующее время, автор отмечает, что гетские памятники V в. до н.э. еще очень мало известны, зато, вопреки тому, что после III в. до н.э. происходят кардинальные изменения в материальной культуре местного населения, связанные с проникновением в эту среду кельтов и бастарнов, — в ареале между Днестром и Карпатами во II—I веках «...получают распространение памятники типа Поянешты-Лукашевка, представляющие собой отчетливо выраженный локальный вариант позднегетской культуры» (Никулицэ 1977: 4).

Исследование гетских древностей IV—III вв. до н.э. в междуречье Днестра и Прута, проведенное И.Т. Никулицэ в контексте древностей всего Карпато-Днестровского ареала, сопровождаемое перечнем находок-хроноиндикаторов, используемых для определения временных рамок каждого памятника, содержит и параграф, посвященный социально-политическим отношениям между гетскими племенами этого времени. Одна из основных характеристик этого периода, по мнению автора, — это объединение гетов в крупные племенные союзы, наподобие того, который возглавлял Дромихет. Такие племенные объединения, но меньших размеров, считает И.Т. Никулицэ, существовали и в центральной и в северо-восточной части Карпато-Днестровского ареала, свидетельством чему является «гнездовое» расположение неукрепленных, а местами и укрепленных поселений вокруг огромных и хорошо защищенных городищ (Никулицэ 1977: 130).

В заключение автор обращает внимание, что в материальной культуре, особенно

в керамике, сохраняются все основные формы предшествующего периода, осталась неизменной внутренняя структура поселений и, в том числе, погребальный обряд. По его мнению, «такие памятники, как Пыржолтены, Данчены, Реча, Селиште, Ханска «Ла Маткэ» и другие, представляют связующее звено, непосредственный переходный этап от фракийского гальштата к гетской культуре IV—III вв. до н.э.» (Никулицэ 1977: 132). Помимо этого, в список археологических культур железного века, известных к востоку от Карпат, была включена еще одна новая культура — позднегетская, называемая также Поянешты-Лукашевка, образовавшаяся в результате слияния местного гетского компонента с немногочисленным пришлым (Никулицэ 1977: 134—135).

Два года спустя, в 1979 г., вышла из печати обобщающая работа В.Л. Лапушняна «Ранние фракийцы X — начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии», посвященная, как признается сам автор, молдавскому варианту культуры фракийского гальштата лесостепной Молдавии. Воспринятый как след непрерывного обитания в регионе, этот вариант культуры был датирован в пределах X—VI вв. до н.э., а в его развитии выделены два этапа: ранний — представленный древностями типа Кишинэу (X—IX — начало VIII в. до н.э.); поздний — с памятниками типа Шолдэнешть (VIII—VI вв. до н.э.) (Лапушнян 1979: 8—18).

Важным для нас, однако, является тот факт, что материалы погребений железного века с труположением и сожжением из состава обширного могильника позднеримского времени Дэнчень (Рафалович, Лапушнян, Бейлекчи, Дергачев 1977: 457—458), а также материалы погребения по обряду сожжения, исследованного у с. Пыржолтень (Лапушнян, Попов 1973: 409), позволили, по мнению исследователя, сомкнуть культуру фракийского гальштата и гетскую IV—III вв. до н.э. Эти два памятника были квалифицированы как новая археологическая культура — раннегетская, время существования которой было определено между концом VI и концом V — началом IV вв. до н.э. Новоиспеченная археологическая культура была признана составной частью молдавского варианта культуры (культура как составная часть варианта культуры? — А.Л.) фракийского гальштата лесостепной Молдавии (Лапушнян 1979: 18—23).

Характерной чертой раннегетской культуры (при отсутствии поселений) был признан биритуализм в погребальном обряде. Возрастание процента ингумаций к кон-

цу VI — началу IV в. до н.э. по сравнению с предшествующим периодом объяснялось автором восточными скифскими влияниями (Лапушнян 1979: 57—60). Сравнительный анализ керамического материала всего периода первой половины I тыс. до н.э., как считал В.Л. Лапушнян, позволил ему отчетливо проследить процесс постепенного автохтонного развития керамических форм на местной основе, что дает ему право утверждать, что в рассматриваемом ареале процесс автохтонного развития фракийского населения не прерывался. В керамике постепенный рост чужеродных элементов восточного происхождения, наблюдаемый на протяжении V в. до н.э., был объяснен только влиянием со стороны населения лесостепи правобережья Днестра (Лапушнян 1979: 96—97).

В том же 1979 году вышло из печати и монографическое исследование А.И. Мелюковой «Скифия и фракийский мир», в котором обсуждаются взаимоотношения между скифами причерноморских степей и фракийцами, среди которых самыми известными ближайшими соседями скифов были геты, даки, трибаллы, кробизы и агафирсы Трансильвании (Мелюкова 1979: 3—4). По отношению к гетам, представив краткую характеристику их древностей, исследовательница подчеркивала, что сравнение поселений и городищ, а также жилищ на них, не исключая и погребальные памятники междуречья Днестра и Прута, с теми, которые известны на территории Румынии и Северо-Восточной Болгарии, не позволяет ей выделить их в особую локальную группу. «Можно сказать лишь, что наибольшее сходство лесостепных памятников наблюдается с памятниками междуречья Прута и Сирета, тогда как поселения Нижнего Поднепровья ближе к тем, которые расположены на территории Добруджи и Северо-Восточной Болгарии» (Мелюкова 1979: 143). Кроме этого, отмечает автор, специфика гетских памятников Нижнего Поднепровья определена присутствием в керамическом комплексе типично скифских горшков (до 25%), в то время как в лесостепи эти сосуды появляются изредка и лишь в пограничном со степью районе. Это позволяет ей сделать вывод, что скифское влияние на гетскую культуру междуречья Днестра и Прута в IV—III вв. до н.э. очень слабо заметно (Мелюкова 1979: 143—144).

Что касается обратного влияния — из всех элементов предполагаемого фракийского происхождения, которые можно было бы выделить в скифских памятниках левобережья Нижнего Днестра в VI—II вв. до н.э., только лепная фра-

кийская керамика может быть интерпретирована как свидетельство присутствия какой-то части фракийского населения в этой скифской среде. Крайне ограниченный процент такой керамики, при отсутствии других признаков материальной культуры, указывает на очень ограниченное проникновение фракийцев в скифскую среду. Присутствие гетов в VI — начале V в. до н.э. на античных поселениях у сел Роксоланы, Беляевка, Надлиманское и др. можно связать с греческой колонизацией, которая шла с Западного Причерноморья (вероятно, из Истрии) и в которой, видимо, принимали участие и геты из окрестностей этой колонии. Только к концу IV века на левобережье Нижнего Поднестровья проникает группа гетского населения, по всей вероятности, с правобережья Днестра, и оно просуществовало там (поселение Граденицы V) вплоть до II в. до н.э. не внося существенных изменений в скифский этнос (Мелюкова 1979: 162—163).

В монографической работе И. Т. Никулицэ «Северные фракийцы в VI—I вв. до н.э.», вышедшей из печати в 1987 году, автор ставил себе цель: на основании письменных источников и археологических материалов выявить процессы, приведшие в итоге к формированию племен гетов и даков, которые населяли в VI—I вв. до н.э. огромную территорию между Днестром и Балканами, Тисой и Черным морем, образовав великую «империю» северных фракийцев. Явные различия, наблюдаемые в археологическом материале зон, составляющих этот обширный ареал, автор объясняет локальной спецификой отдельных групп племен, но ни в коем случае не этнической разнородностью населения на отдельно взятых территориях и в разное время. Все эти археологические памятники (VI—I вв. до н.э.), делает вывод И. Т. Никулицэ, в целом обладают общими чертами (Никулицэ 1987: 239). Работа, будучи основана большей частью на археологических материалах памятников, исследованных между Днестром и Прутом, включает в себя как высказанную В.Л. Лапушняном (1979) концепцию о непрерывном автохтонном развитии населения с периода гальштата к историческим гетам (Никулицэ 1987: 40—82), так и концепцию А.И. Мелюковой (1979) относительно непрерывности обитания гетов в ареале между Днестром и Карпатами в интервале времени от конца III века и до I в. до н.э., несмотря на проникновение в этот регион чужеродных племен (Никулицэ 1987: 196—208).

Специфической чертой данной работы является наличие развернутого анализа антич-

ных письменных источников и их использование при воссоздании исторических событий, социальных процессов, экономических и политических отношений в самом гетском обществе в VI—I вв. до н.э.

Третий период концептуально очень разнообразен, противоречив и динамичен.

Началом третьего периода в изучении проблематики культуры гетов можно считать 1994 год, когда в XV томе журнала Румынской Академии «*Thraco-dacica*» была опубликована работа М.Е. Ткачука «*Manifestările culturale din sec. V—I a. Chr.*», с акцентом на территорию между Карпатами и Днестром, на которой, как отмечает автор, существовали и сменяли друг друга следующие археологические культуры: скифская, гетская, Лукашовка-Поянешть (Ткачиук 1994: 215). По отношению к гетам, анализ в отдельности, пурификационным методом (Hachmann, Kossack, Kuhn 1962), каждой категории источников — письменных, археологических, этнолингвистических, — позволил автору констатировать, что античные авторы упоминают гетов только к югу от Дуная, и только к 335 г. до н.э. их упоминают и как проживающих на левом, северном берегу реки. Пик информации о них приходится на промежуток времени между третьей четвертью IV и первой половиной III вв. до н.э. (Ткачиук 1994: 216—217, схема 2).

Что касается археологических источников, констатирует М.Е. Ткачук, они свидетельствуют, что гетской культуре IV—III вв. до н.э. типологически предшествует группа древностей VI—V вв. до н.э., которые, как мы упоминали, В.Л. Лапушнян (1979) выделил в особую раннегетскую культуру. Было бы ошибочным считать, продолжает автор, что этому горизонту памятников, схожих между собой лишь своей неоднородностью, можно придать такую форму интегрирования археологических типов, как археологическая культура. По отношению к древностям, которые рассматривал В.Л. Лапушнян, может идти речь только о комплексном обществе, этническая принадлежность которого не может быть определена однозначно (Ткачиук 1994: 226).

По поводу первоначального региона образования культуры исторических гетов детальный анализ археологических источников позволил М.Е. Ткачуку констатировать, что речь идет о районе Южной Добруджи, откуда впоследствии геты распространились и в Карпато-Днестровских землях. Это распространение, или проникновение, по его мнению, проходило в три этапа:

I — в конце VI — начале V в. до н.э. с территории к югу от Дуная проникают к северу

гетские элементы, и в Карпато-Днестровских землях появляется гето-скифский горизонт древностей типа Пыржолтень-Дэнчень и гетские поселения Бутучень и Стынчешть;

II — этот этап проявляется к середине V в. до н.э., с появлением погребения у села Речя и ранних погребений с сожжением на могильнике Слобозия;

III — этот этап, конец V — начало IV в. до н.э., характеризуется полным формированием культуры гетов в Карпато-Днестровских землях, тех гетов, которых отмечают античные письменные источники на левобережье Дуная, начиная с 335 г. до н.э. (Ткасиук 1994: 227—228). Причиной такого массового проникновения гетов к северу от Дуная стала экспансивно-объединительная политика одрисских царей, в особенности во времена Ситалка (Ткасиук 1994: 234).

Казалось бы, что это главные выводы, сделанные М.Е. Ткачуком на основании анализа гетских древностей Карпато-Днестровских земель, однако в обобщениях, касающихся культуры Лукашовка-Поянешть, учитывая и новые разработки специалистов по эпохе латена (Babeş 1983; 1985; Пачкова 1985), особенно связанные с хронологией (Еременко 1990; Щукин 1991), автор очень строго ограничивает существование гетской культуры в регионе только до начала III в. до н.э. Между культурой гетов и культурой Лукашовка-Поянешть, в формировании которой огромное место принадлежит пришлым бастарнам, проявляется хронологический hiatus продолжительностью более полувека. Так называемые местные (гетские) компоненты в культуре Лукашовка-Поянешть не имеют ничего общего с культурой гетов (Ткасиук 1994: 232—234).

В своей работе М.Е. Ткачук коснулся и вопроса исторических судеб гетов Восточно-Карпатских областей. Учитывая довольно значительное количество укрепленных и открытых поселений этого времени в указанном ареале, исследователь выдвинул гипотезу о наличии перенаселения региона, при отсутствии решения этой проблемы способом миграции. Лишь после исчезновения Скифии в конце IV в. до н.э. геты Пруто-Днестровского междуречья начинают продвигаться в восточном направлении, к Нижнему Поднепровью. Толчком для этого послужило перемещение с западного направления скиро-галатов (Ткасиук 1994: 236—237).

Год спустя, однако, вышла из печати монография Н.В. Гольцевой и М.Т. Кашуба «Глинжень II — многослойный памятник Среднего Поднепровья» (1995), в которой были опубликованы материалы раскопок

на одном из крупнейших укрепленных поселений Среднего Днестра, обитаемом, по мнению авторов, непрерывно в течение двух тысячелетий: с IX в. до н.э. и вплоть до рубежа X—XI вв. н.э. Среди материалов этого памятника, отражающих непрерывность процесса обитания с IX века и до IV—III вв. до н.э., были выделены и немногочисленные древности VII—VI (V) вв. до н.э., которые не составляли единый культурный комплекс (Гольцева, Кашуба 1995: 38—40), но были с явным синкретическим характером, сочетающим в себе фракийские и скифские элементы, с весомым преобладанием последних. Такое сочетание, считают авторы, должно присутствовать на многослойных поселениях междуречья Днестра и Прута (Гольцева, Кашуба 1995: 40). Эти древности синхронизируются с археологическими культурами соседних регионов — Фериджеле, западно-подольской группой раннескифской культуры Поднепровья и Подолии, а также горизонтом Пыржолтень-Данчень-Олонешты (раннегетская культура по В.Л. Лапушняну — А.Л.) Днестро-Прутского междуречья (Гольцева, Кашуба 1995: 64).

И в IV—III вв. до н.э. продолжалась жизнь на укрепленном поселении Глинжень, этому периоду соответствует гетский горизонт обитания (Гольцева, Кашуба 1995: 41—43), который, по аналогиям, вписывается в круг древностей всего ареала этой культуры. Однако, уточняют исследователи, для Днестровско-Прутского региона верхняя хронологическая граница этих древностей приходится лишь на первую половину III в. до н.э., в то время как специфика керамического комплекса поселения Глинжень II (65—70% лощеных сосудов), позволяет опустить его нижнюю хронологическую границу и в пределы V в. до н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 43—44).

Вопреки уверениям, что городище Глинжень II было обитаемо в течение двух тысячелетий, авторы вынуждены признать, что после середины III в. до н.э. жизнь на этом памятнике прекратилась и была возобновлена лишь полтысячелетия спустя, в III—V вв. н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 64).

Анализ и публикация материалов из Глинжень послужили толчком к пересмотру и публикации старых археологических коллекций синхронных и расположенных по соседству с этим поселением памятников, т.е. из южной зоны Среднего Днестра. Результаты и выводы, сделанные на основе этого анализа, были кратко изложены в статье «Та самая Гетика или... четвертая?», опубликованной четырьмя годами позже (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999:

120—127), которая, как признали сами авторы, представляла собой резюме монографии, вышедшей впоследствии на румынском языке в Бухаресте (Kašuba, Naheu, Levițki 2000), а потом и на русском в Кишиневе (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 118—223).

В результате проведенного анализа, среди памятников, подвергшихся раскопкам, были выделены 8 многослойных поселений, в материалах которых авторы усмотрели, в общих чертах, наличие всей культурно-хронологической цепочки эпохи раннего железа (вторая половина X—III в. до н.э.). Этот факт позволил им считать, что район Среднего Днестра в период первой половины I тыс. до н.э. представлял собой некий культурогенетический центр, который влиял на ритм культурного развития лесостепных зон междуречий Днепра, Днестра и Прута. Конечным результатом деятельности этого центра, по мнению авторов, явился генезис раннегетской культуры во второй половине — конце VII в. до н.э., а катализатором этого процесса был признан «скифский фактор» (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 121).

Столь ранняя датировка генезиса гетской культуры была предложена авторами на основе анализа коллекций лепной керамики, найденной на упомянутых памятниках (Kašuba, Naheu, Levițki 2000: 21—87; Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 128—199). Проведенный анализ, считают они, позволил им констатировать бытование или наличие местной лепной керамики при полном отсутствии каких-либо хроноиндикаторов (греческий импорт появился только с середины VI в. до н.э.), а это предполагает ее бытование в более раннее время, когда она выступает в качестве главного артефакта и основного свидетельства археологических реалий раннегетской культуры южной зоны Среднего Днестра (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123).

Эта лепная керамика позднегалыштатского (=раннегетского) горизонта указанной зоны имеет гибридный, смешанный характер, проявляющийся в том, что галыштатские (фракийские) и скифские (раннескифские лесостепные) элементы органично сливаются в некие новообразования — керамический комплекс VII—V вв. до н.э., с аналогиями в восточной лесостепи — для грубой керамики, и на галыштатском западе — для столовой (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 125).

В связи с такой констатацией фактов авторы поставили себе и тот «коренной» вопрос этнокультурной истории региона в этом периоде: население, оставившее этот горизонт

древностей (VI—V в. до н.э.) в лесостепной Молдове, было фракийским, или же наличествовал и некий «скифский культурный контекст»? Вопрос, однако, так и остался без вразумительного ответа, так как мнения авторов постепенно стали расходиться, доходя до противоположности — в чем признается позже М. Т. Кашуба (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 119).

Этот третий период в исследовании культуры гетов характеризуется еще и тем, что появились и работы, посвященные отдельным аспектам гетских древностей — их укрепленным поселениям. Речь идет, в первую очередь, о монографическом исследовании В. Хахеу «*Sisteme de fortificații traco-getice la est de Carpați*» (Naheu 2008), в котором, не вникая в детали выявления принципов классификации укрепленных поселений по месту расположения, по форме в плане, размерам, оборонительным элементам и т. д., подчеркнем, что автор поставил акцент на военный фактор как основополагающий в процессе их появления (Naheu 2008: 16—17). Взяв за основу определение городищ, предложенное И. Глодариу (Glodariu 1983: 50), с точки зрения функциональности В. Хахеу выделяет к востоку от Карпат три типа памятников такого рода:

1. Укрепленные поселения (основная часть), появившиеся в результате возведения оборонительных сооружений на уже существующих поселениях, характеризующиеся как места постоянного жительства;

2. Городища-центры (не так многочисленны) больших размеров, сильно укрепленные, с постоянным проживанием отдельных категорий населения с особым социальным статусом — это верхи аристократии и местные правители, представители военной прослойки (гарнизона), служители культа. Будучи расположены в центре «гнезда» неукрепленных поселений, они служили и в качестве убежища в случае опасности;

3. Отдельно стоящие городища и городища-убежища, небольших размеров, используемые в качестве наблюдательных пунктов или опорных пунктов в условиях военных столкновений, а в случае опасности они служили и убежищем для населения и защитой для его имущества (Naheu 2008: 28—31).

Трактуя укрепленные поселения с такой точки зрения, автор преподносит и краткий очерк военной тактики и стратегии у фрако-гетов, в то же время касаясь в этом контексте и проблем, связанных с процессом урбанизации у фрако-гето-даков (Naheu 2008: 55—62).

Вторая монографическая работа «*Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic*

în sec. VI—III a. Chr.» (Zanoci 1998) включила в себя все укрепленные поселения этого времени, известные на огромном пространстве от Восточных Карпат до Днестра и между Южными Карпатами, Дунаем и Черным морем. В отличие от В. Хахеу, на первое место, в качестве основополагающего фактора, обусловившего появление укрепленных поселений, А. Заноч поставил внутренний экономический фактор, в пользу которого высказывался когда-то и И. Т. Никулицэ (1977: 42—43). Такое предпочтение было продиктовано автору тем, что большинство укрепленных поселений к востоку от Карпат и на Нижнем Дунае были построены, по его мнению, начиная с середины IV в. до н. э., когда скифская опасность не была столь очевидной, как в предыдущем периоде, а это значит, что усиление акцента на «скифский фактор» как определяющий в появлении городищ является ошибочной позицией (Zanoci 1998: 104—105).

Не отрицая наличия внешних факторов (опасность со стороны трибаллов, одрисов, кельтов, македонцев и др.), в числе внутренних автор делает акцент на:

1. экономические факторы, имея в виду, что развитие производства и торговли требовало появления неких ремесленных и торговых центров протогородского типа, которые предполагали и наличие некоторых оборонительных укреплений для безопасности;

2. социальные факторы, считая, что социальное неравенство в гето-дакийском обществе ускорило процесс появления городищ, используемых в качестве постоянного места жительства для зажиточной прослойки;

3. политические факторы, предполагая для гето-дакийского общества на уровне военной демократии повышенную экспансивность с целью расширения своих территорий или обогащения. Предметом их экспансии, по мнению автора, могли быть как инородные племена, так и соседние или более отдаленные гето-дакийские племена (Zanoci 1998: 104—105).

Что касается вопроса о назначении укрепленных поселений, А. Заноч, так же как в свое время И. Т. Никулицэ (1977: 43—45), делит их на две категории:

1. городища-убежища, для чисто военных целей;

2. постоянно используемые городища, которые совмещали в себе функции политических или административных центров (для определенных категорий населения), либо экономических или религиозных центров, а также одновременно экономических, религиозных и политико-административных центров (Zanoci 1998: 106—110).

Среди причин исчезновения (прекращения использования) укрепленных поселений, которое произошло, по мнению автора, где-то в конце III — начале II вв. до н. э., перечисляются как внешние факторы — вторжение инородных племен (бастарнов) и ослабление скифского прессинга, так и внутренние — моральная и физическая изношенность оборонительных систем еще гальштатских традиций (Zanoci 1998: 110—111).

Среди других значительных работ этого последнего периода в изучении гетской проблематики следует приветствовать инициативу введения в научный оборот материалов археологических раскопок послевоенных лет, проведенных на Днестре, которые были обобщены в монографии «*Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu*» (Kašuba, Haheu, Levițki 2000), а также монографическая публикация материалов раскопок на укрепленном комплексе Бутученского мыса в виде технического отчета (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002) и монографический отчет об археологических раскопках на памятниках зоны Сахарна «*Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu*» (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008). Кроме этого, можно упомянуть и обзор гетских древностей второй эпохи железа в междуречье Прута и Днестра (Arnăut, Ursu Naniu 1996), а также обзор разнообразных, с точки зрения этнокультурной принадлежности, археологических древностей VII—III вв. до н. э., известных на территории к востоку от Карпат (Arnăut 2003). Обе работы представляют интерес лишь в качестве библиографических источников. В этом смысле, также как библиографический источник, отметим и работу, посвященную находкам греческих амфор в варварской среде Северо-Западного Причерноморья (Mateevici 2007), среди которых фигурируют и найденные на гетских памятниках.

Среди исследователей, занимающихся гетской проблематикой в этом третьем периоде, присутствует и автор этой работы, который дебютирует небольшой статьей, посвященной анализу монетного клада, обнаруженного на окраине посада укрепленного поселения Столничень, района Хынчешть, позволившего поместить серебряные тетрадрахмы типа Хушь-Вовриешть в рамках третьей четверти IV в. до н. э. (Levinschi 1997: 319—324; Левинский 1999: 92—99), после чего последовали археологические раскопки на территории небольшого укрепленного поселения гетов Сахарна «Ла Ревекин». На протяжении 1998—2002 годов здесь было исследовано более четверти площади памят-

ника, а также структура его оборонительных сооружений. В результате проведенных исследований стало возможным приступить к рассмотрению целого ряда вопросов, касающихся присутствию исторических гетов на территории между Днестром и Прутом, в том числе реконструкции системы оборонительных сооружений и внутренней планировки этих укрепленных поселений, вопросов появления гетских племен в этом регионе, периода их обитания и их истори-

ческих судеб и многих других. Кроме того, автором были проведены многочисленные полевые разведки с целью обследования или проверки многих сомнительных памятников или даже целых зон (Нижний Днестр), как и с целью обнаружения новых памятников в малоисследованных микрорайонах. Материалы, полученные в результате проведенных археологических раскопок и разведок, и стали тем толчком, который заставил взяться за данную работу.

II. Появление гетского населения в лесостепи Молдовы

II.1. Два подхода к решению вопроса

Вопрос об археологическом «появлении» гетского населения в лесостепной части Днестровско-Прутского междуречья и о формировании их материальной культуры в современной историографии был поставлен на довольно позднем этапе исследования этих древностей. Дело в том, что присутствие гетов и в этом регионе с незапамятных времен даже не ставилось под сомнение, потому что именно так утверждал В. Пырван в своей «Getica» еще в начале XX века. Основываясь на более поздних письменных источниках, истоки которых доходили до IV в. до н.э. — Страбон, Диодор Сицилийский, Арриан, — В. Пырван постарался воссоздать этнополитическую ситуацию, по крайней мере, V в. до н.э. Согласно его мнению, «дако-гетские племена, со своими характерными поселениями, называемыми “davae”, еще с незапамятных времен распространились к северу, до Силезии, Познани, Галиции и Подолии, а на юго-запад, атакова фракийцев, до Родоп и долины Марицы, и даже через Геллеспонт, до Малой Азии. Во времена Геродота этот процесс экспансии к северу и югу из карпато-дунайского центра был завершен» (Pârvan 1926: 42). Что касается Восточно-Карпатского региона, В. Пырван, ссылаясь на В. Томашека (1894: 108), писал: «Относительно дакийских костобоков, то есть тоже гетских, которых мы встречаем в римское время в Северной Дакии, обитающими на севере Молдовы и на Буковине; были ли они там и в V в. до н.э. — мы не можем уточнить, однако это возможно, так как мы не видим никакой причины, чтобы это было не так. Во всяком случае, достаточно того, что к западу от Днестра гетские племена были задолго до Геродота» (Pârvan 1926: 40—41).

Несмотря на утверждения, высказанные В. Пырваном, первая обобщающая работа по гетам Днестровско-Карпатского регио-

на охватывает лишь небольшой период их истории — IV—III вв. до н.э. Как пишет сам автор, ранняя хронологическая граница — IV в. до н.э. — обосновывается тем, что памятники V в. до н.э. очень мало известны. Памятники же IV в. до н.э. встречаются почти во всех областях рассматриваемой территории, и притом они довольно многочисленны (Никулицэ 1977: 4). Столь острая проблема, как вопрос о происхождении гетов или формировании их культуры, была оставлена за пределами работы. Правда, в параграфе, посвященном истории исследования, И. Т. Никулицэ отмечает, что предположение В. Пырвана об автохтонности гетов представляется весьма перспективным и получило широкое распространение не только в румынской, но и в западноевропейской историографии, хотя ему не дано пока реального обоснования (Никулицэ 1977: 15).

В том же 1977 году были опубликованы краткие результаты исследований 1976 года на обширном могильнике у села Дэнчень, среди захоронений которого были выявлены 14 погребений V—IV вв. до н.э., которым был придан статус комплексов переходного типа от культуры фракийского гальштата к раннегетской культуре (Рафалович, Лапушнян, Бейлекчи, Дергачев 1977: 458). Два года спустя, в обобщающей монографии В.Л. Лапушняна, посвященной ранним фракийцам X — начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии, продолжительность существования раннегетской культуры была определена серединой VI—V вв. до н.э., на основании находок из могильников Пыржолтень и Дэнчень (Лапушнян 1979: 18). С другой стороны, проводя анализ керамического материала из памятников региона начала — середины I тысячелетия до н.э., автор прослеживает процесс постепенного автохтонного развития керамических форм на местной основе, которое только к концу VI в. привело к формированию раннегетской посуды. Вывод автора был

однозначным: наличие единой фракийской гальштатской подосновы и сходных процессов экономического, культурного и социального развития привело к тому, что к концу VI — началу IV в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии, а также и Карпато-Днестровских земель, сложилась раннегетская керамика. Она сходна в своих основных чертах с керамикой гетской культуры всего Карпатского и Северобалканского регионов (Лапушнян 1979: 96—97).

Эти выводы были сразу взяты за основу и другими советскими исследователями того периода. Однако А. И. Мелюкова — ответственный редактор работы В. Л. Лапушняна — при изучении памятников предшествующего шолданештского типа в Молдавии не могла не отметить, что в керамическом комплексе распространились новые, привнесенные черты. Это позволило предполагать появление (т. е. миграцию) в Днестровско-Прутском междуречье новой волны фракийского населения, видимо, родственного тем племенам, которым принадлежат памятники кишиневского и корлэтенского типов. Именно с этими памятниками шолданештского типа непосредственно связана по происхождению культура гетских племен лесостепной Молдавии (Мелюкова 1979: 18—19). Допуская «наплыв» (т. е. миграцию — А. Л.) новой волны фракийского населения в VIII—VII вв. до н. э., И. Т. Никулицэ отмечает, что для этого периода фракийские племена лесостепной Молдавии, придунайской Румынской равнины, Пруто-Сиретского междуречья и других регионов составляли отдельные культурные группы (Никулицэ 1987: 18—19). Однако в VI—V вв. до н. э. в жизни всех северных фракийцев происходят значительные перемены, которые были обусловлены всем ходом их внутреннего развития на протяжении ряда столетий — консолидацией северофракийских племен и формированием гетского этноса. Изменения были ускорены внешними факторами — воздействием эллинской цивилизации, влиянием южных фракийцев и скифов, — и эти перемены нашли отражение во всех сферах жизни, и, прежде всего, в материальной культуре (Никулицэ 1987: 40). Эти последние разработки были возведены автором в ранг неоспоримой истины и введены им во все школьные учебники.

Однако решение вопроса о происхождении гетов посредством метода, предложенного В. Л. Лапушняном, ни в коей мере не соответствовало археологическим реалиям региона. Дело в том, что верхняя хронологическая граница древностей типа Шолдэнешть была ис-

кусственно растянута до VI в. до н. э. Таким образом, была создана возможность соединить культуры так называемого фракийского гальштата с классическими гетскими древностями IV—III вв. до н. э. посредством находок из Данченского могильника и Пыржолтгенского комплекса. С другой стороны, керамический материал, представленный в сводных таблицах (Лапушнян 1979: 63—65), вряд ли создает впечатление наличия эволюции диагностических типологических рядов.

Тем временем в лесостепи начали появляться первые раннескифские погребальные комплексы конца VII в. до н. э. (Дергачев 1979: 241), хотя отдельные находки скифской архаики были известны и ранее (Рикман 1967: 29). При специальном рассмотрении древностей раннескифской культуры в Карпато-Днестровских землях на территории между Днестром и Прутом было выделено 5 погребальных комплексов и 8 отдельных находок — большей частью это бронзовые наконечники стрел, датируемые в пределах середины VII — первой половины VI вв. до н. э. (Левицкий, Демченко 1995: 41—53). Соотношение находок скифской архаики с синхронными культурными образованиями позднегальштатского периода позволило засвидетельствовать факт, что территория, интенсивно заселенная создателями шолдэнештской группы памятников, в середине VII в. до н. э. подверглась нападению во время раннескифского нашествия. Судьба фракийского населения осталась неясной, хотя предполагалось очень краткосрочное сосуществование этих двух народов в течение начала второй половины VII в. до н. э. (Levițki 1998: 45).

С другой стороны, с момента выхода монографии В. Л. Лапушняна все больше исследователей приходило к выводу, что фракийские древности типа Шолдэнешть, или Басарабь-Шолдэнешть, прекращают свое существование к середине VII в. до н. э. (Vulpe 1979: 2271—2280; László 1985: 10; Levițki 1996: 29—41). Судя по всему, это результат уже отмеченного скифского нашествия.

В-третьих, одновременно с прекращением существования в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья фракийских древностей типа Шолдэнешть, в связи с раннескифским нашествием в середине VII в. до н. э., на Среднем Днестре возникает синкретическое культурное образование, так называемая западноподольская группа памятников с явными восточно-кочевническими традициями архаических скифов (Levițki 1998: 45).

В свете вышеизложенных фактов процесс постепенного автохтонного развития фракий-

ского населения в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья дал, пожалуй, очень большую трещину, длиною более одного столетия — с середины VII до второй половины VI в. до н.э., до времени, когда в регионе засвидетельствованы достоверно археологические древности, относимые к племенам исторических гетов. Казалось бы, что под давлением фактов пора было бы отказаться от идеи непрерывности обитания фракийцев на территории Молдовы.

Осознав, однако не признав прерывность «непрерывного» процесса, сторонники этой идеи стали усиленно искать выход из положения, чтобы закрыть создавшуюся брешь и оживить идею «континуитета» (непрерывности) еще на дальних подступах, в самом начале пути.

Поскольку датировка древностей типа Шолдэнешть-Басарабь — середина VII в. до н.э. — хорошо обоснована, «непрерывники», в качестве выхода из положения, пошли по пути «растягивания» уже нижней хронологической границы гетских древностей Днестровско-Прутского междуречья, опуская их начало до злополучной середины VII в. до н.э.

Инициаторами такого решения перекрытия столетней хронологической лакуны между «двумя генетически связанными археологическими культурами» выступили соавторы коллективного труда «Та самая Гетика или... четвертая?» (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 120—127). Логика такого пересмотра для них состояла в том, что многие авторы предлагали датировку раннегетской культуры в регионе на основе четких хроноиндикаторов — греческий импорт и предметы скифского (раннескифского) происхождения. Так как греческий импорт начал появляться в междуречье не ранее середины VI в. до н.э. (Банару 1997: 177—179), по их мнению, он «искусственно придерживал» отнесение местного материала (т.е. раннегетской лепной керамики) к более ранним хронологическим нишам (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123). Появление же скифов в регионе Среднего Днестра приходится на вторую четверть-середину VII в. до н.э. (Смирнова 1993: 108), а в Молдавскую лесостепь они проникают, скорее всего, в середине (Брюяко 2005: 149), а не во второй половине того же века (Левицкий, Демченко 1995: 41—53). Однако и в этом случае авторы вынуждены констатировать, что в рассматриваемой ими южной зоне Среднего Днестра и раннескифские древности как таковые пока не обнаружены (Кашуба, Хахеу, Левицкий

1999: 123). Априори, будучи уверены в своей правоте, они отмечают «факт бытования местной лепной керамики в условиях отсутствия четких хроноиндикаторов и возможность ее бытования в более раннее время, когда она выступает в качестве главного артефакта и основного аргумента археологических реалий раннегетской культуры южной зоны Среднего Днестра» (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123).

Проводя анализ лепной керамики позднегалыштатского времени из *многослойных памятников* (курсив мой — А.Л.) южной зоны Среднего Днестра (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 123—125), часть из которых содержала и скифские (раннескифские лесостепные) элементы, мои коллеги сочли эту керамику единым комплексом, имеющим гибридный характер и составляющим некое новообразование. Присутствие раннескифских элементов, по их мнению, подтверждает датировку выделенного керамического комплекса второй половиной VII—V вв. до н.э. (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 125) — искомое недостающее звено, смыкающее цепь «непрерывного развития».

Возможность наличия такого сценария образования недостающего звена заимствована у Я. Хохоровского (1991: 153—155), объясняющего изменения, происходящие на территории Средней Европы в конце эпохи бронзы и в начале железного века, проникновением в эту среду населения восточного происхождения. Вдоль Дуная и Тисы оно вытесняет местное население и прерывает преемственность заселения, в результате чего в местной среде начинаются аккультурационные процессы, лежащие в основе галыштатской культуры. Что касается территории Закарпатья, то изменения были столь радикальными, что их он связывает напрямую с процессами, происходящими под давлением скифской среды, ход которых напоминает цепную реакцию (Хохоровский 1991: 154—155).

По мнению моих коллег, эта цепная реакция и породила в южной зоне Среднего Днестра недостающее звено цепи непрерывности, «сыграв особую роль в культурных трансформациях региона середины I тыс. до н.э. Именно здесь, на восточной периферии фракийского мира в лице носителей культуры Басарабь-Шолдэнешть, при контактах и взаимосвязях со скифизированным населением лесостепи Западной Подолии, Побужья и Правобережного Поднепровья, произошел генезис раннегетской культуры во второй половине-конце VII в. до н.э., обусловленный и давлением кочевого скифского

фактора (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 127).

«Гетика... четвертая» — почему? В свете наличия «цепной реакции» авторы допускают возможность существования нескольких очагов формирования гетской культуры, один из которых породил Гетику южной зоны Среднего Днестра, со своей типологической спецификой и приоритетами внешних связей (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 127).

Столь пространные цитаты приведены из-за того, что данные тезисы, как пишут сами авторы, являются резюме монографии, вышедшей в следующем, 2000 году (Kašuba, Haheu, Levički 2000), а впоследствии и в русской версии (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2002: 118—223). В ней приведен очень детальный анализ керамического материала и находок, привлеченных для аргументации своей концепции формирования раннегетской культуры.

Несмотря на столь развернутое обоснование процесса формирования гетской культуры и «растягивания» ее нижней хронологической границы до середины VII в. до н.э., эта точка зрения уже подвергалась критике. Слабыми местами этой концепции, пишет И. В. Бруяко, является отсутствие более или менее надежных хроноиндикаторов, сопровождающих эту керамику, а также облик самой керамики, которую весьма трудно представить в качестве типологического ряда, способного объединить среднегалльштатский и гетский керамический комплексы (Бруяко 2003: 24). Анализируя типологические таблицы с кухонной и столовой посудой, составленные авторами монографии (Kašuba, Haheu, Levički 2000: pl. LVIII—LIX), И. В. Бруяко отмечает, что среди кухонной керамики преобладают формы, характерные для лесостепных памятников раннескифского времени, в частности — западноподольской группы, в которой присутствуют и фракийские формы. Что касается столовой керамики, то представленный комплекс нельзя связать ни с одной из известных для второй половины VII—VI вв. фракийских групп Карпато-Подунавья (Бруяко 2003: 24).

Соглашаясь полностью с кратким изложением критических замечаний И. В. Бруяко по поводу развернутой концепции формирования раннегетской культуры, обратим особое внимание на следующее.

Во-первых, горизонт обитания с керамикой VII—VI вв. до н.э. был выделен авторами концепции на материалах раскопок 8 *многослойных* (курсив мой — А.Л.) памятников. По их мнению (Кашуба, Хахеу, Левицкий

1999: 121), на них в общей сложности представлена вся культурно-хронологическая колонка раннего железного века (вторая половина X—III вв. до н.э.).

На самом деле городища Офатинць (Выхватинцы), Матеуць и Алчедар «Ла Кордон» являются чисто гетскими *однослойными* памятниками. На двух других городищах — Большая Сахарна и Малая Сахарна, представлены только сахарна-солонченские и гетские древности. На поселениях Солончень-Хлиная и Матеуць «Ла Башне», кроме того, присутствует и среднегалльштатский слой типа Шолдэнешть-Басарабь, и только на городище Хлижень II «Ла Шанц» присутствует слой с материалами VII—VI вв. раннескифского лесостепного облика, т.е. характерными, в частности, для западно-подольской группы памятников.

Во-вторых, все материалы раннескифского облика, привлеченные в таблицах для обоснования «позднегалльштатского (=раннегетского)» керамического комплекса, происходят исключительно из культурного слоя. К ним примешаны материалы чисто гетского облика с разных памятников, в том числе и раннего, и классического периодов (конца VI—IV вв. до н.э.). Достоверных комплексов, сочетающих в себе материалы раннескифского и раннегетского облика, нет. Городище Хлижень «Ла Шанц» лишь содержит, среди прочих, и материалы этих двух горизонтов обитания.

В-третьих, и, пожалуй, самое главное, это результаты исследований на гетском городище Сахарна «Ла Ревекин», которое расположено в центре южной зоны Среднего Днестра. Среди многочисленных жилых и хозяйственных сооружений, выявленных на цитадели, были выделены четыре ранних *комплекса* (курсив мой — А.Л.) с представительным набором лепной керамики, самый поздний из которых датируется греческим импортом в пределах первой четверти V в. до н.э. (Levinschi 2001: 109—110). Что касается времени основания городища, то по фрагментам греческих амфор из слоя и некоторым формам лепной керамики из упомянутых комплексов можно заключить, что геты обосновались в зоне к концу VI в. до н.э. (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: 67). Очень краткие выводы, которые можно сделать на основании многолетних раскопок на памятнике, сводятся к следующему:

1. Укрепленное поселение Сахарна «Ла Ревекин» было основано гетами не позже конца VI в. до н.э.

2. Ко времени обоснования гетов в этой зоне облик их материальной культуры был четко определен, они обладали собственным

строго индивидуализированным керамическим комплексом.

3. В их керамическом комплексе нет ни единого признака, который можно было бы связать с раннескифскими древностями лесостепи, в частности, с западно-подольской группой памятников.

4. Все достоверные аналогии для сахарнянского керамического комплекса мы находим среди позднегалльских древностей Нижнего Дуная и Южной Добруджи, датированных второй половиной VI — началом V в. до н.э.

Таким образом, краткие выводы, продиктованные исследованиями на городище Сахарна «Ла Ревекин», ставят под большое сомнение достоверность концепции, согласно которой южная зона Среднего Днестра являлась одним из очагов генезиса и кристаллизации культуры гетов. Наоборот, именно в эпицентре зоны, в конце VI в. до н.э., мы сталкиваемся с полностью сформированной культурой гетских племен, без какой-либо культурно-хронологической преемственности с раннескифскими или западноподольскими древностями региона, не говоря уже о среднегалльских — типа Шолдэнешть-Басарабь. Все это, несомненно, свидетельствует в пользу того, что «сепаратистские» тенденции создания своей — «четвертой Гетики» для восстановления жизнеспособности идеи континуитета в лесостепи Молдовы вряд ли правомерны.

«Сепаратистские» тенденции воссоздания процесса непрерывности и кристаллизации гетского этноса в южной зоне Среднего Днестра, судя по всему, не удовлетворили всех приверженцев автохтонного континуитета. Свидетельством тому является «новая» версия формирования гетского этноса, начиная со злополучной середины VII в. до н.э. (Arnăut 2003). Чтобы не вводить в заблуждение, укажем, что «новая» версия является точной копией вышеизложенной, только расширенной пространственно, в связи с чем мы и назвали ее условно «глобалистской». Согласно этой версии, «стратиграфические наблюдения, проведенные на серии памятников, упорядоченных относительно-хронологически (т.е. *многослойных*: курсив мой — А.Л.), удостоверяют присутствие автохтонного населения на большей части географических подразделений всего Восточно-Карпатского региона» (Arnăut 2003: 161). Под этим подразумевается, что, «с точки зрения относительной хронологии, раннегетская культура Восточно-Карпатского региона стратиграфически перекрывает древности типа Басарабь-Шолдэнешть и рас-

пространяется во времени, подразделяясь на три фазы. Эти три фазы характеризуются, прежде всего, эволюцией культуры, соотносясь хронологически с группами памятников Фериджиле-Бырсешть, Добрина-Равна, Бейдауд-Тариверде и т.д. Эволюция культуры в абсолютных датах, скорее всего, выглядит следующим образом:

I. Середина VII в. — первая половина VI в. до Р.Х.;

II. Вторая половина VI в. — первая половина V в. до Р.Х.;

III. Конец V в. — III в. до Р.Х.

Можем утверждать с уверенностью, пишет далее автор, что действительный процесс униформизации (перехода к единообразию) гетской культуры протекает по ходу развития первой фазы и что позднегалльский культурный горизонт Восточно-Карпатского региона, со всеми своими характерными особенностями, вписывается, наряду с прилегающими зонами бассейна Нижнего Дуная, в ареал культурогенеза ранних гетов» (Arnăut 2003: 166).

Цитата слишком длинная, но ее стоило привести полностью, так как, судя по уверенности изложения, автором была выявлена и аргументирована фаза униформизации (перехода к единообразию) культуры гетов и, тем самым, ликвидирован вековой (середина VII — первая половина VI в. до н.э.) хронологический разрыв в процессе автохтонного развития фракийского населения в регионе.

Каковы аргументы? Никаких достоверных комплексов переходного периода нет. Для хронологической аргументации первой фазы — униформизации — привлечены, в первую очередь, бронзовые фибулы типа Гласинак, обнаруженные в погребении у села Трестиана, недалеко от Бырлада (Ponișoi 1969: 87—89) и на могильнике у села Джурджулешть на Дунае (Levițki, Naheu 1999: 122). Оба комплекса, по обряду ингумации, относятся к позднегалльскому фракийскому горизонту и датированы второй половиной VII—VI в. до н.э. (Levițki, Naheu 1999: 128), но они явно не гетские.

Нет смысла, пожалуй, комментировать случайные находки раннескифских наконечников стрел, датированных VII—VI вв. до н.э. и привлеченных автором в качестве хронологического аргумента — они лишь подтверждают, наряду с погребальными комплексами, присутствие ранних скифов в регионе. Наконечники стрел являются, большей частью, случайными находками или появляются в разных культурных контекстах, даже на черняховском поселении (Левинский 1990: 177). Что касается серебряной пряжки от конской

сбруи с гетского поселения Алчедар «Ла Кордон» (Haheu 1998: 116, fig. 4/12—13), которую Т. Арнэут усиленно «толкает» во вторую половину VII в. до н.э., то следует отметить, что их классификация еще не разработана. Как тип они появляются среди раннескифских древностей еще середины VII в. до н.э. Однако близкие серебряные аналогии из скифского кургана Толстая Могила, на которых ссылается автор раскопок В. Хахеу, датируются, как и весь курган, не ранее IV в. до н.э. (Степи... 1989: 96, таб. 36/19), а точнее, серединой — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 362—364).

Для ранней датировки гетских древностей еще началом VI в. до н.э. Т. Арнэут приводит керамические импорты из гальштатской ямы на поселении Куртень-Валя Мерилор, где были выявлены фрагменты амфор конца VII — начала VI в. до н.э. из малоазийских центров, а также амфор Самоса и Лесбоса, датированных в пределах второй-третьей четверти VI в. до н.э. (Iscopu 1978—1979: 219). Детальное изучение опубликованных К. Иконому находок из культурного слоя и ямы позволяет предположить смещение в этом комплексе материалов двух культурно-хронологических горизонтов. Это собственно гетский горизонт, представленный большей частью лепной керамикой, которая укладывается в рамки IV в. до н.э. Более ранний горизонт, которому принадлежит основная часть греческого импорта и серая гончарная керамика западнопонтийских центров, относится к позднегальштатским древностям Восточно-Карпатского региона и датируется в пределах конца VII — третьей четверти VI в. до н.э. Кроме комплекса лощеной лепной керамики — миски с отогнутым и скругленным вовнутрь краем, кружки с высокой петельчатой ручкой и другие, — к этому горизонту, несомненно, относится и трехдырчатый псалий из кости, орнаментированный в зверином стиле (Iscopu 1978—1979: 227, pl. XXXVII/1), столь характерный для раннескифских древностей украинской лесостепи на всем протяжении VI в. до н.э. (Степи... 1989: 96, таб. 39/9). Хотя И. В. Бруяко в недавно вышедшей монографии для этого псалия не исключает датировку еще в пределах VII в. до н.э. (Бруяко 2005: 157).

Что касается лепной керамики, которую привлек Т. Арнэут для заполнения своей первой фазы униформизации культуры гетов, то обратим внимание, что при создании типологии были сведены воедино отдельные формы керамики (не комплексы!) следую-

щих памятников: Ханска «Ла Маткэ», раннегальштатское поселение без гетского горизонта, многослойные поселения Хлинжень II (Глинжены), Солончень-Хлиноая, Куртень-Валя Мерилор, о которых уже упоминалось и на которых присутствует и гетский горизонт. С другой стороны, в типологию включены материалы чисто гетских памятников — городищ Сахарна «Ла Ревекин» и Бутучень, раннего горизонта, т.е. конца VI — начала V в. до н.э. В такой ситуации вряд ли есть смысл приводить какие-то комментарии — методически это абсолютно неправильный подход.

Таким образом, вся первая фаза униформизации культуры гетов соткана из разрозненных и разноцветных лоскутков — картины не видно. Есть ли она?

Вернемся к результатам исследований на гетском городище Сахарна «Ла Ревекин». При анализе форм лепных сосудов из ранних комплексов было установлено, что для большей части из них мы находим аналогии среди древностей Нижнего Дуная и Добруджи.

В связи с этим уместно вспомнить, что еще в 1880 году Григоре Точилеску, анализируя на основании письменных источников степень родства между гетами и даками и не ставя под сомнение наличие определенных общих корней, отмечает, что у тех и у других своя отдельная история. Что касается гетов, упомянутых впервые Геродотом к югу от Дуная, на северном склоне гор Гема (северо-восток Болгарии), то они переселились на другой берег только после 339 года, когда Филипп Македонский разрушил скифское царство Атея (Tocilescu 1880: 149—150).

И на фоне вышеизложенного уместно вспомнить подвергаемую усиленной критике точку зрения М. Ткачука, согласно которой процесс генезиса и кристаллизации культуры исторических гетов происходил в районе Южной Добруджи (Tkaciuk 1994: 227). Его доводы основаны исключительно на детальном анализе археологических данных. В качестве аргумента послужила лепная керамика, характерная для фрако-гетских древностей типа Канлия (уезд Констанца), которая, как считал Е. Москалу, является самым ярким экспонентом материальной культуры гетов. Хронологически эти древности укладываются между 550—450 гг. до н.э. (Moscalu 1983: 184—185).

Е. Москалу считал, что на территории Молдовы древности типа Канлия оставлены носителями традиций типа Трестиана-Чимбала VI—V вв. до н.э. и сахарна-солонченских VII—VI вв. до н.э. Однако в настоящее время датировки этих послед-

них древностей радикально пересмотрены. Соответственно, VII век — верхняя хронологическая граница для памятников типа Трестиана-Чимбала (László 1985: 22), и первая половина VIII в. до н.э. — для древностей типа Сахарна-Солончень (Смирнова 1985: 36—41). Кроме того, в свое время Е. Москалу не учел абсолютные несоответствия в погребальных обрядах носителей этих традиций.

В отличие от Е. Москалу, самые ранние серийные проявления форм керамики, относимые к древностям типа Канлия, Марк Ткачук находит среди материалов второго горизонта могильника Равна в Южной Добрудже (Мирчев 1962: 97—164), комплексы которого датируются в пределах VI—V вв. до н.э. (Hänsel 1974: 212). В хронологическом аспекте оба горизонта Равны проявляются как две фазы непрерывного функционирования могильника, причем первая, более ранняя фаза имеет параллели среди древностей типа Добриня с гальштатскими пост-басарабскими традициями (Ткасиук 1994: 227). Уместно напомнить, что существуют соответствия и в погребальном обряде — трупосожжения. Согласно точке зрения Е. Москалу, древности первого горизонта могильника Равна были сменены комплексами второго горизонта где-то в пределах середины-конца VI в. до н.э. (Moscalu 1983: 184). Учитывая изложенные выше факты, комплексы второго горизонта могильника Равна, по М. Ткачуку, являются самыми ранними и достоверными проявлениями материальной культуры исторических гетов. И эти древности выявлены к югу от Нижнего Дуная, там, где гетов отмечал и Геродот (IV, 93) и откуда впоследствии эти древности проникли и в Днестровско-Прутское междуречье (Ткасиук 1994: 227—228).

Материалы, которыми располагал М. Ткачук ко времени публикации своего исследования, позволяли ему допустить проникновение на северо-восток, в междуречье, только отдельных гетских элементов — процесс, который развивался в три этапа, начиная с конца VI в. до н.э. Сам процесс формирования культуры гетов между Днестром и Прутом, по его мнению, имел место на последнем, третьем этапе — в конце V — начале IV в. до н.э., когда наблюдается их массовое проникновение в этот регион (Ткасиук 1994: 228).

В связи с этим еще раз напомним о наших исследованиях в зоне Сахарна, согласно которым геты, с окончательно сформированной материальной культурой, появились на Днестре в конце VI в. до н.э., и в это же время они начали воздвигать свои первые укрепленные поселения. Детальный анализ

находок из ранних комплексов городища Сахарна «Ла Ревекин» позволяет нам сделать вывод о том, что этот комплекс не является единственным столь ранним укреплением гетов во всем регионе. В конце VI века, скорее всего, был заселен и Бутученский мыс, на городище которого были обнаружены фрагментированные хиосские пухлогорлые амфоры, датируемые 480—470 гг. до н.э. (Arnaut 2003: 90). В Бутученах, однако, отсутствуют комплексы с лепной керамикой, которая бы соответствовала этому раннему периоду. Такие комплексы, в том числе и раннегреческие амфоры, отсутствуют на городище Хлижень «Ла Шанц» (Глинжены II) и поселении Алчедар «Ла Кордон», однако лепной керамический комплекс из их культурного слоя включает и формы, характерные для раннего периода. В то же время полевые исследования последних лет позволили локализовать небольшой хуторок гетов раннего периода и в окрестностях Кишинева. Среди материалов, собранных протоиереем Эмануилом Брихунцом на поселении Милештий Миць-Шипот, фигурируют и фрагменты самосской амфоры конца VI — начала V в. до н.э. (Brihuneț 2005: 102). Это самый южный гетский памятник с материалами раннего периода, который расположен в абсолютно атипичных рельефных условиях, на границе лесостепи со степью. Можем быть достаточно уверенными, что вышеназванными пунктами не ограничено число гетских памятников раннего периода. Они являются лишь достоверными реперными точками.

Таким образом, раз мы уже не можем ставить под сомнение раннее проникновение гетов в лесостепь Молдовы, то, несомненно, возникает следующий вопрос. Чем вызвано перемещение столь ощутимой массы гетского населения в конце VI века из Южной Добруджи в Пруто-Днестровскую лесостепь и, пожалуй, не только в эту зону? Уместно подчеркнуть, что в таком радикальном виде вопрос миграции гетов из мест своего обитания в другие регионы еще не ставился в историографии, само слово «миграция» считается несовместимым с историей наших предков.

Вернемся, однако, к проблеме и уточним, что процесс миграции был вызван определенными событиями конца VI в. до н.э. Что касается толчка, который послужил отправной точкой процесса, тут мы можем оперировать только рассуждениями логического характера. Ведь для того, чтобы заставить передвигаться большие массы людей, должны быть очень веские, масштабные причины — перенаселение, войны или резкие изменения климатических условий и т.д.

Перенаселение северо-восточной части Балканского полуострова в позднегалльштатское время можно было бы взять за отправную точку в разгадке причин миграции из этого региона, так как, согласно Геродоту (V, 3), «*племена фракийцев являются самыми многочисленными в мире, после индов...*». Взяв, однако, за основу этот фактор, логично было бы предположить, что в процесс переселения должны были быть вовлечены и другие фракийские племена, о чем археологические реалии этого времени не дают ни малейших намеков. С другой стороны, в Карпато-Балканском регионе в позднегалльштатский период не отмечены и какие-либо резкие колебания климатических условий, которые могли бы изменить образ жизни населения черноморско-балканской зоны. Из всего этого следует, что в качестве определяющего фактора процесса переселения очень даже могли бы послужить и масштабные военные события.

В таком контексте очень уместно вспомнить Геродота, который, с многочисленными реальными и анекдотичными деталями, описывает поход персидского царя Дария I против скифов. Это событие произошло где-то между 514 и 512 г. до н.э. А ведь это конец VI в. до н.э., и это время самых ранних проявлений присутствия гетов в молдавской лесостепи.

Не возвращаясь полностью к тексту Геродота, мы лишь напомним, что, согласно «отцу истории», геты были единственными среди фракийцев, которые оказали сопротивление Дарию, но, «...будучи покорены персами, последовали за остальной армией» (IV, 96). Геродот больше ничего не сообщает о гетах после их присоединения к огромной армии персов, и нам неизвестна их дальнейшая судьба. Примерно в это же время, однако, археологически мы улавливаем их присутствие далеко от первоначальных мест обитания, в молдавской лесостепи. Это дает нам возможность предположить, что геты каким-то образом, откололись или отделились от армии Дария, когда она пересекала Буджакскую степь. Тот факт, что они укрылись в лесостепи и начали возводить небольшие сильно укрепленные поселки (Сахарна «Ла Ревекин», Бутучены-цитадель и др.) или создавали небольшие хуторки, укрытые в глубине долин, покрытых лесом (Милештий Мичь-Шипот), несомненно, свидетельствует о том, что геты попали в чуждую и опасную среду.

Кажется вполне логичным, что опасность не исходила от персов. Их присутствие в регионе было недолгим. Под напором скифов

Дарий еле успел спастись за Дунаем. И в этом случае тоже вполне логично, что геты скрывались от скифов, которые контролировали и этот регион.

Опять загадка. Почему геты, покоренные персами и присоединенные к армии Дария, в походе против скифов откололись от этой армии и остались в краю, подвластном тем, против которых они были вынуждены воевать и кого они боялись? У Геродота, как мы уже упоминали, нет даже намека, за который можно было бы зацепиться, однако четверть века спустя после кончины Геродота, в сохранившихся фрагментах «Истории Персии» Ктесий Книдский, попавший в плен к персам и проведенный в Персии 17 лет в качестве придворного врача, писал по поводу похода и спасения персов: «...*Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и поспешно разрушил их прежде, чем переправилось все войско. Оставленные в Европе 80000 были перебиты Скифарбом... (Иданфирсом, у Геродота)*» (Латышев 1947: 299). Несмотря на то, что приведенные цифры явно сильно преувеличены, информация Ктесия Книдского выглядит весьма любопытной и, кажется, дает нам ключ к разгадке дальнейшей судьбы гетов, которые «*последовали за остальной армией*».

В своем стремлении спастись и сохранить боеспособную часть армии Дарию при обратной переправе через Дунай наверняка пришлось пожертвовать частью своих обозов, в составе которых покоренные геты и следовали за персидской армией, и даже разрушить мост. Судя по фразе Геродота: «*Так персы были спасены. Скифы же в поисках персов потерпели неудачу*» (IV, 142), — мост был разрушен, не дожидаясь появления скифов, которые еще искали Дария по степи. Также, не дожидаясь скифов, оставленным на произвол судьбы обозникам и, возможно, примкнувшим к армии персов колонистам, торговцам и всякому обслуживающему армию люду пришлось искать спасение на севере, укрыться в лесах. Больше персы о них ничего не слышали, поэтому не мудрено было считать, что они «*были перебиты Скифарбом*» (т.е. скифами). Комментируя этот отрывок, Е. В. Черненко пишет, что подобные действия персов можно объяснить только тем, что к мосту подходили скифы, и Дарий, боясь, что на плечах его бегущего войска скифы перейдут за Дунай, был вынужден бросить часть войск (Черненко 1984: 106). Так он поступал и ранее, если вспомнить эпизод похода, когда при отступлении персов в лагере были оставлены раненые и немощные воины (Геродот IV, 135).

Даже без длинных рассуждений и ссылок на современные армейские уставы для нас должно быть очевидным, что даже при спешном отходе персов за Дунай в первую очередь через мост была переправлена боеспособная часть войска, и только после этого очередь доходила до вспомогательных частей и обоза. Кажется вполне допустимым, что этими последними контингентами и пожертвовал Дарий, оставив их на том берегу, и вполне логично, что именно в составе этих частей геты, «покоренные персами, последовали за остальной армией» (Геродот IV, 96).

Таким образом, оставленные волею судьбы на левом берегу Дуная группы гетов, судя по всему, укрылись в лесных массивах лесостепи, где и основали те небольшие укрепленные поселки или запряганные среди долин хуторки, о которых мы уже упоминали. Если же взять за основу пользующуюся все большим признанием версию «краткого» похода персов, завершившегося в «гетской пустыне» междуречья Днестра и Дуная (Полин 1987: 50), то высказанная версия выглядит достаточно правдоподобно.

II.2. Поход Дария I против скифов и появление гетов в лесах Юго-Восточной Европы (конец VI в. до н.э.)

Такую возможность разворачивания событий мы высказывали ранее (Levinschi 2005: 68—69; Левинский 2005а: 262—263), опираясь на информацию Ктесия Книдского и высказывая недоумение, что Геродот об этом ничего не сообщает. Сейчас же, по прошествии времени, нам все больше и больше кажется странной монолитность и однородность гетских памятников (в материальной культуре и в погребальном обряде), которую мы наблюдаем, по крайней мере, в лесистой зоне междуречья Днестра и Прута.

Если исходить из информации Ктесия, на северном берегу Дуная должна была остаться разношерстная масса людей — обоз, в составе которого находились и геты. Эти последние вряд ли составляли абсолютное большинство, однако в материальной культуре гетов мы не наблюдаем «вавилонского столпотворения». Лепная керамика раннего периода обитания гетов в лесистой зоне Молдовы, к примеру, очень однородна и аналогична материалам из юго-восточной Добруджи (могильник Равна). Никаких дополнительных культурных примесей на памятниках лесостепи мы не наблюдаем. Это во-первых.

Во-вторых, опять же исходя из информации Ктесия Книдского, упомянутые «оставленные в Европе 80 000» были покинуты Дарием на берегу Дуная, у переправы (Орловка?). Для того чтобы укрыться от скифов, ближе всего были расположены леса Тигечской возвышенности между Прутом и Ялпугом. В настоящее время почти полностью лишенная лесов, много времени спустя она еще сохраняла свою растительность под названием «Тигечские Кодры». Однако, при такой явной логике вещей, как ни странно, в Тигечских Кодрах не обнаружено ни одного гетского памятника. Самая южная концентрация древностей гетов пока отмечена в окрестностях сел Чигырлень, района Яловень, на южных отрогах Центральной Молдавской возвышенности, в долине реки Ботна с притоками (Levinschi, Covalenco, Vodean 2006: 34—39). Добираться до этих лесов беженцам пришлось бы очень долго, но именно отсюда к северу и расположены гетские древности.

Не ставя под сомнение связь между скифским походом Дария и появлением гетского населения в нашем регионе, мы продолжили поиски фактов, позволяющих установить момент, когда произошло отделение именно гетов от основной персидской армии. В связи с этим нам показалась весьма любопытной информация Геродота относительно завершающей фазы похода Дария против скифов. Заманив персов как можно дальше вглубь своей территории, не вступая в открытое сражение, скифы измотали вконец силы противника. Когда, наконец, Дарий понял, что попал в ловушку, и скифы прислали ему свой своеобразный ультиматум-послание в виде птицы, мыши, лягушки и пяти стрел (Геродот, IV, 131—132), он, собрав своих самых близких советников, сказал: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой» (Геродот IV, 134).

Дарий послушал слова того же мудрого Гобрия, который высказал следующее: «... Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь губельного для нас решения» (Геродот IV, 134). Далее Геродот пишет, что «...как только стемнело, Дарий последовал его (Гобрия) совету. Он оставил в лагере всех ослабленных людей и тех,

потеря которых меньше всего его беспокоила (выделено мною — А.Л.), *а также всех ослов, которых привязали, ... и... двинулся насколько можно быстро к Истру»* (IV, 135). Когда и где разворачивались эти события?

Судя по контексту всего повествования Геродота, эти события произошли после долгих перипетий преследования скифов персами в то время, когда те и другие не были допущены агафирсами к своим границам, и скифы заманили персов на юг, из страны невров (западно-подольская группа памятников? — А.Л.) в свою землю, где и стали лагерем оба войска. Пожалуй, здесь и произошел обмен глашатаями. Дарий первым отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с посланием, в котором он советовал тому оставить бегство и, неся в дар своему владыке землю и воду (знак повиновения), вступить с ним в переговоры (Геродот IV, 122—126). Возмущенные посланием, скифы сразу послали часть войска — савроматов под начальством Скопасиса — к мосту через Истру для переговоров с ионянами. Оставшиеся же скифы, отправив к Дарию глашатая с дарами — птицей, мышью, лягушкой и пятью стрелами, — выступили в боевом порядке — пехота и конница — для сражения с персами (Геродот IV, 128—134).

Где стали персы своим лагерем? На этот счет Геродот не дает абсолютно никакой информации. Возможно, единственной к этому привязкой может служить добавленная, между делом, информация Страбона в его географическом «Описании земли гетов и Европейской Скифии», книга седьмая: «*Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире (реке) лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел Истру для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад...*» (VII, 3, 14).

Возможно, Страбон в чем-то прав. Имеется в виду указание на Гетскую пустыню. Вызванные в связи с этим дискуссии относительно реконструкции «длинного» или «краткого» похода Дария против скифов (Полин 1987: 50—53) мы не будем обсуждать. Однако над тем, где в пределах Гетской пустыни могло бы это происходить, — следует поразмыслить. Ведь от моста на Истре и до реки Тира, исходя из принятых Геродотом единиц измерения (IV, 101), по прямой линии расстояние составляет более 5 дневных переходов (около 1100 стадий, или до 200 км). Сопутствующей

информации, однако, ни Геродот, ни Страбон не дает.

В создавшейся ситуации нам кажется уместным вспомнить об абсолютно неопровержимом факте. Самая южная концентрация гетских памятников, как мы уже вскользь упомянули, достоверно зафиксирована на юго-восточных отрогах Центрального Молдавского плато, на его восточных склонах, в окрестностях села Чигырлень, района Яловень (несколько поселений и городище). Совсем недавно новый памятник был документирован еще южнее, у села Кэрбуна близ Кайнар и мы не удивимся, если древности гетов будут выявлены и ниже, вплоть до Тараклии.

На фоне этих фактов уместно вернуться опять к Геродоту в переводе Ф. Ванта (1961), а именно к последнему упомянутому лагерю Дария, в котором, кроме привязанных ослов и всех ослабленных людей, он оставил «...и тех, потеря которых меньше всего его беспокоила...» (IV, 135). Исходя из всего контекста описания похода против скифов, Дария меньше всего могла беспокоить только судьба оказавших сопротивление гетов, которые, «*покоренные персами, последовали за остальной армией*» (Геродот IV, 96).

Связав в единую логическую линию эти два источника — археологический и письменный, мы получаем возможность ответить сразу на два уже поставленных вопроса. Хотя ответы напрашиваются сами по себе и вытекают из сопоставления этих источников. В пределах Гетской пустыни единственной водной артерией, связанной с восточными склонами юго-восточных отрогов покрытого лесом Центрального Молдавского плато и не пересыхающей в летнее время, является река Чага, левый приток реки Когылник. При остановке лагерем такой большой армии Дарий не мог пренебрегать таким источником воды, тем более вблизи должны были быть и леса — топливо для приготовления пищи и горящих всю ночь костров, а также хотя бы какая-то растительность в качестве фуража для животных. Судя по современному состоянию вещей, это могла быть, скорее всего, местность чуть севернее современного украинского поселения с многозначительным наименованием Бородино (Юрьевка-Украинка-Петровка). Из лагеря, расположенного в этих местах, те (геты), судьба которых «меньше всего беспокоила» Дария, не дожидаясь подхода скифов, наверняка укрылись в ближайших лесах. Отсюда на юг, до моста на Истре, расстояние около 4 дневных переходов (до 150 км). Отсюда же на север, до ближайшего извест-

ного гетского поселения, расстояние всего в один дневной переход.

Единственное уточнение, связанное с походом Дария против скифов, на котором мы хотели бы остановиться вскользь, — это мера длины в один дневной переход, равный 200 стадиям (37 км). Геродот не дает никаких дополнительных объяснений, однако, если учесть, что речь идет о Скифии, нам кажется рациональным уточнение: «[Конный] дневной переход я принимаю в 200 стадий...» (Геродот IV, 101). К такой версии мы пришли, ознакомившись с различными учебниками и пособиями по военному делу. Что касается пеших дневных переходов армий на марше с обозами, по бездорожью, с сохранением боеспособности войска — длина дневного перехода вряд ли превышала половину конного (т.е. до 100 стадий). Именно исходя из этой и многих других деталей передвижения пеших войск, следует оценивать упомянутые версии реконструкции «длинного» или «короткого» похода Дария против скифов. Но это совсем другая история.

Что касается гетов, потеря которых меньше всего беспокоила Дария, им так и не суждено было вернуться на родину, так как после неудачного похода персов в Скифию «... кочевники-скифы, раздраженные Дарием, пошли походом и дошли до этого Херсонеса (Фракийского)» (Геродот VI, 40). Это событие произошло, по некоторым мнениям, немного времени спустя после бегства персов из Скифии (Фол 1975: 163), или, по другим, сразу после того, как Дарий перешел Дунай (Черненко 1984: 107). Высказаться более

определенно по этому поводу пока трудно. Над этим еще стоит поразмышлять.

Более достоверным является факт, что Дарий, вернувшись к себе в Азию, оставил в Европе своего полководца, перса Мегабаз, который покорил все еще не подвластные персам города на Геллеспонте (Геродот IV, 143—144). «После завоевания Перинфа Мегабаз повел свою армию через Фракию, приведя в повиновение царя каждую крепость и каждый народ, живший в этой стране, потому что так приказал ему царь, покорить Фракию» (Геродот V, 2). Она была включена в состав империи как сатрапия Скудра, просуществовав где-то до 480 г. до н.э. После этого Фракия попадает под власть царства одрисов во главе с Тересом, набравшего силу в период между 480 и 470 гг. до н.э., с естественной границей на Дунае (Vulpe 2001: 401—402).

Скифы, изгнавшие Дария, еще долгое время контролировали всю степь, опять-таки, до Дуная, и, кроме упомянутого Геродотом похода до Херсонеса Фракийского (VI, 40), неоднократно совершали вылазки к югу от реки. Для того чтобы обезопасить дунайскую границу царь одрисов Терес выдал замуж одну из своих дочерей за Ариапифа, сына и наследника скифского царя Иданфирса, прогнавшего Дария из Скифии (Vulpe 2000: 76—82).

Оторванным же от своих очагов гетам, которые были вынуждены следовать за покорившими их персами, пришлось приобрести себе новую родину, создав небольшие поселки и даже укрепленные поселения в лесных массивах, возможно, во многом схожих с теми, где они родились.

III. Геты конца VI — второй половины IV вв. до н.э. в лесах Молдавской лесостепи

III.1. Ареал и процесс заселения

Действительно, если внимательно взглянуть на физико-географическую карту современной Республики Молдова с нанесенными на ней археологическими находками, которые можно отнести к древностям гетов, то без труда можно обнаружить, каким местам обитания отдавали они предпочтение. Несомненно, это лесостепь. Однако геты заселили ее не полностью. Большая часть их поселений сконцентрирована в области лесной возвышенности Кодр, а остальные растянулись цепочками и группами в области лесостепных возвышенностей и плато вдоль Днестра. Обширная область Бельцких лугово-степных равнин и возвышенностей не была ими востребова-

на. В ней полностью отсутствуют какие-либо признаки заселенности в позднегальштатское время. Судя по всему, геты, будучи вынуждены остаться в районах левобережья нижнего Дуная, предпочли затеряться в лесных массивах, некогда покрывавших большую часть лесостепной зоны Восточно-Карпатского региона, в которых впоследствии стали обживать.

Что касается Днестровско-Прутского междуречья, по тем очень скудным археологическим данным, накопленным в течение длительного времени, мы можем предположить, что вследствие неудачного похода Дария против скифов геты разбрелись малыми группами на большей части той территории, на которой мы их впоследствии достоверно фиксируем. Признаки присутствия гетов в конце VI века

до нашей эры мы находим во многих местах (Levinschi 2005: 67). Они отмечены на южном пограничье лесов, в окрестностях Кишинева на поселении Милештий Мичь «Шипот» и в районе нижнего течения Реута на городище Бутучень. Их обнаружили на кромке высокого коренного берега Среднего Днестра, где они основали небольшой укрепленный поселок Сахарна «Ла Ревекин», а в последнее время — и на давно известном городище Большая Сахарна (Levinschi 2007: 276—277). Обжили геты также верховья излучин каньонов речушки Черна, основав городище Глинжень, и окрестности современного села Алчедар, района Шолдэнешть, однако мы не знаем, как далеко на север проникли они в столь раннее время и добрались ли до окрестностей современного села Рудь, района Дондушень, и далее на север.

Результаты обширных археологических раскопок, проведенных М. А. Романовской в 70-х годах XX столетия на городище Рудь «Ла Шанцурь», так и остались неопубликованными, а раскопки М. Е. Ткачука (Tcasius, Zasărcchin 2000) в конце того же столетия пока выявили только материалы IV века (Levinschi 2003a: 275—277). В общем-то, сейчас практически невозможно определить, сколько из тех более чем 260 укрепленных и неукрепленных поселений гетов, известных в междуречье Днестра и Прута, основали на новом месте покоренные персами и отрезанные от своих очагов «самые мужественные и справедливые среди фракийцев». Раскопкам подвергалось лишь ничтожное количество памятников, а доброкачественное освещение в литературе получило и того меньше. Неоспоримым, однако, остается факт их расселения на довольно обширном пространстве лесов междуречья — от окрестностей Кишинева и далеко на север, почти до Каменки. В раннее время или чуть позже они основали несколько укрепленных поселков и на левом берегу Днестра — ниже Каменки и вплоть до южной границы среднего течения реки.

III.2. Места обитания и типы поселений

Первые поселенцы очень тщательно выбирали место для основания поселка. Интересно то, что, в отличие от всех народов древности, населявших территорию междуречья в разное время, будь то носители трипольской культуры или племена поздней бронзы культуры Ноуа, бастарны, племена позднеримского времени или славяне, — геты только в очень редких случаях закладывали поселения в нижней

части склонов долин, используя в качестве источника воды русла рек, а точнее, низинные родники. Основная часть поселений, как укрепленных, так и неукрепленных, привязана к действующим до настоящего времени родникам, расположенным в верхней части высоких склонов долин или близко к водоразделу. Классическим примером такой взаимосвязи можно считать гетские памятники микрозоны Сахарна, будь то городища или неукрепленные поселения (рис. 3), расположенные исключительно на высоком коренном берегу Днестра. У всех этих памятников в радиусе до 300 м есть на плато родники.

Не менее показательным является расположение новооткрытых поселений у села Милештий Мичь (Brihuneț 2005: 101—104, fig. 1). Самый ранний небольшой хуторок в радиусе этой местности был основан прямо возле родников, на очень неудобном склоне, после чего селение было перемещено в верхнюю, более пологую часть долины, почти на водораздел.

Этот список взаимосвязей можно продолжить ради обоснования правила, однако уместно упомянуть и некоторые исключения. Примером последних может послужить микрозона Ханска (Никулицэ 1987: 110, рис. 30). Там, наряду с поселениями, расположенными согласно правилу, то есть на высоком плато (Ханска «Толоакэ») и в верхней части склона долины (Ханска «Пидашкэ»), обширным раскопкам подвергалось и поселение (Ханска «Кэпрэрие»), занимающее верхнюю часть склона небольшого возвышения на правом пологом берегу речушки Большой Каникиш (Никулицэ 1977: 43). Правда, этот поселок был основан довольно поздно, так как он фигурирует только в списке древностей IV—III вв. до н. э. (Никулицэ 1987: 87, № 123).

Подытоживая вышеизложенное, можем себе позволить еще одно соображение. Судя по всему, наблюдаемое исследователями расположение гетских памятников группами или одиночно во многом может быть предопределено наличием и количеством родников в верхней части склонов долин в определенной местности. Никакие соображения военного порядка, патриархальные, социальные или хозяйственные отношения не могут диктовать гнездовое расположение поселений, если в округе отсутствует жизнеопределяющий элемент — родники. Ярким тому примером служит одиноко расположенное городище Столничень. Ближайшие поселения находятся в окрестностях села Хорodka, а это расстояние не менее 10 км. Жизнедеятельность этого крупного укрепленного поселка связа-

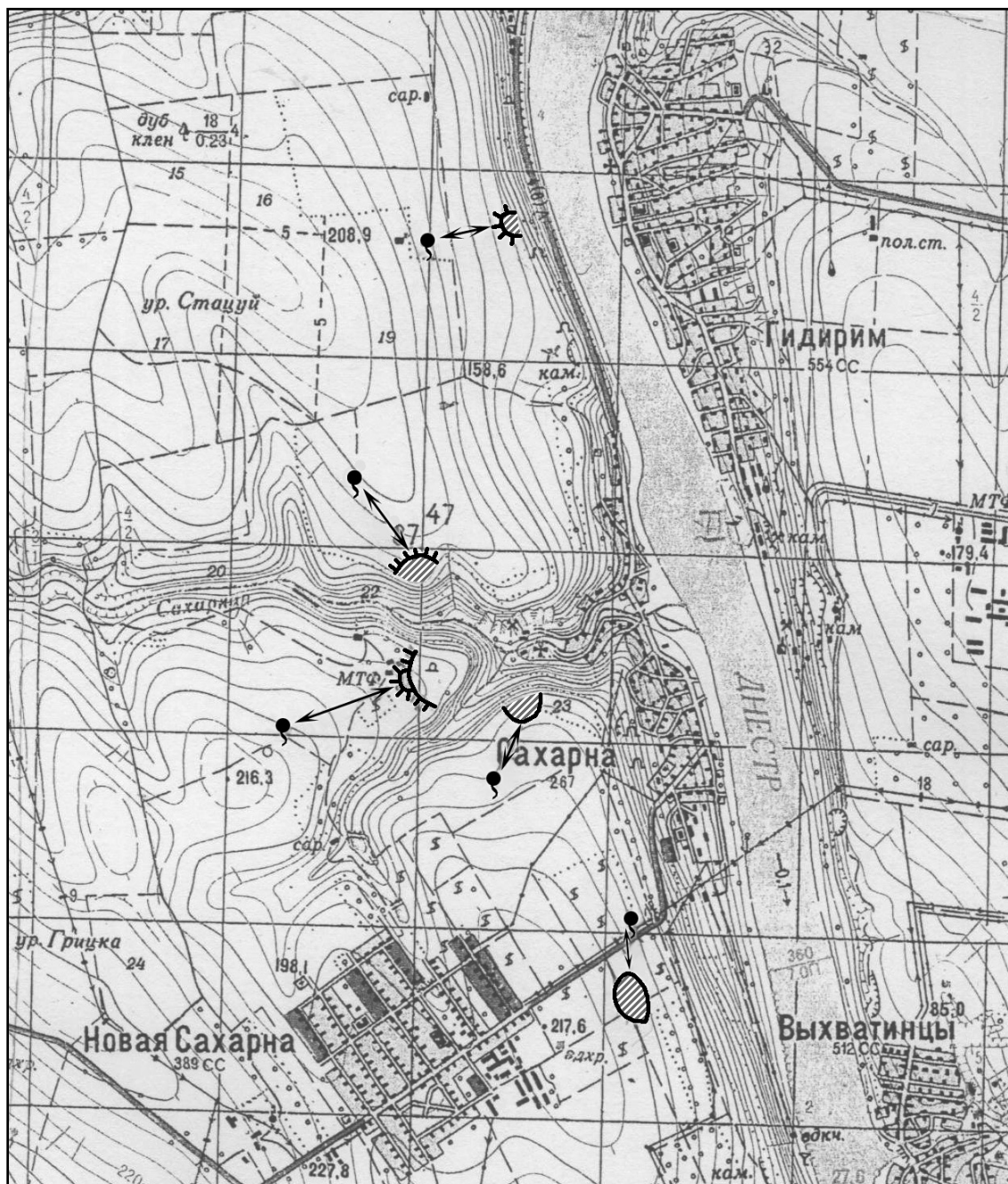

Рис. 3. Гетские памятники окрестностей Сахарны и их взаимосвязь с высотными родниками.

на с единственным родником в радиусе более 2 км, действующим близ гребня водораздела, на котором и было основано это мощное укрепленное поселение. Таким образом, только при наличии близко расположенных источников мы можем себе позволить рассуждать о групповом расположении гетских поселений и городищ из соображений военного или иного порядка, как это принято считать у некоторых исследователей (Никулицэ 1977: 44).

Уяснив для себя вопрос о взаимосвязи между гетскими памятниками и рельефом местности, уместно еще раз подчеркнуть, что от этого народа античности сохранились остатки как обычных поселений, так и хорошо

укрепленных поселков. Этим последним всегда отдавалось и отдается предпочтение в процессе исследования, поэтому неудивительно, что этого рода древностям в последнее время было посвящено целых два монографических издания (Zanosci 1998; Naheu 2008).

Городища, от больших ареалов (Днестровско-Карпатские земли) и до ограниченных регионов (южная зона Среднего Днестра), неоднократно фигурировали в различных типологических схемах, в зависимости от основных критериев их классификации. Как правило, за основу брались ландшафтное расположение на местности (возвышенность, мыс или высокий крутой

берег реки), форма и размеры (треугольник, круг, полукруг).

Если за основу классификации бралась функциональность (места постоянного жительства, временные убежища), то в обязательном порядке в схему включались сложность фортификационных систем (дополнительные бастионы) и количество оборонительных линий (до четырех-пяти) и т. д.

Самый комплексный подход для такого рода формальной типологии был использован при рассмотрении укрепленных поселений, расположенных в зоне Среднего Днестра (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 199—205). Не ставя под сомнение правильность и необходимость разработки таких проблем, основанных на констатации определенных фактов, мы нигде не найдем ответа на вопрос, с чем связано появление в междуречье укрепленных поселков. Ответ на этот вопрос тем более важен, что все очевидней становится факт: из всех известных народов древности, населявших территорию Молдовы в разное время, только у гетов мы можем достаточно уверенно констатировать наличие укрепленных поселков (исключение, возможно, составляли трипольские племена).

В литературе уже укоренилось мнение, что оборонительные сооружения воздвигались на месте уже существующих поселений, а это значит, что речь идет о естественном развитии гетского общества, когда большие поселки со временем укреплялись на случай опасности. В связи с этим даже утверждается, что городища были расположены или возле судоходных в то время рек, или в гуще неукрепленных поселений. Сосредоточение нескольких укрепленных поселков вокруг более крупного центра (Бутучень) наводит некоторых исследователей на мысль, что эти центры играли особую роль в экономической и политической жизни близлежащих укрепленных и неукрепленных поселков (Никулицэ 1977: 40—41). Не отрицая полностью последний постулат, осмелимся подчеркнуть, что такого рода рассуждениями делается акцент на мощь и политическую сплоченность гетов не только этого региона, но всего ареала их расселения. Возможно, с течением времени, так оно и было, однако вернемся к началам.

Мы уже рассматривали вопрос о времени и причинах появления этих фракийских племен в регионе, довольно далеком от первоначальных мест обитания. Отколовшись от многочисленной армии Дария I, или отторгнутые и брошенные на произвол судьбы бегущими персами на северном берегу Дуная, спасаясь от скифских отрядов, геты находи-

ли убежище в гуще лесов. «Оставленные в Европе 80000...» — возможно, сильно преувеличенная цифра, однако в леса просочилось немалое количество беженцев, многие из которых были предводимы старейшинами или вождями.

Прогнав Дария, скифы не спешили вернуться домой, и, немного погодя, переправились через Дунай «и дошли до этого Херсонеса (Фракийского)». Для гетов путь на родину был закрыт, а в степи еще рыскали скифские отряды или, даже, появились первые кочевья пастухов со своими стадами, в качестве провианта для армии. Нужно было выживать, нужно было от них защищаться. Скорее всего, именно эти условия и послужили основной причиной создания в регионе укрепленных поселков.

В связи с этим очень уместно задуматься над вопросом, откуда у гетов появилась идея возведения укрепленных поселков или цитаделей на случай опасности. Очень даже странно, что до сих пор никто из исследователей, кроме констатации факта наличия городищ, не задавался таким вопросом. Видимо, все кажется само собой разумеющимся и простым. Однако если иметь в виду, что самые ранние городища на Дунае начали функционировать только к середине IV века (Зимнича), а в Добрудже (Бештепе) — в IV—III вв. до н. э. (Simion 2003b: 137) или, в основном, в III веке, хотя и предполагается их основание во второй половине предыдущего столетия (Irimia, Conovici 1990: 81—96), то над этим стоит поразмышлять. Вопрос оказывается тем более странным, если учесть, что в местах первоначального обитания — Южная Добруджа — в VI в. до н. э., да и позже, нам не известно никаких гетских укрепленных поселков.

Оказывается, что самые ранние из достоверно гетских городищ появляются изначально в лесистой полосе Восточно-Карпатского региона (Стынчешть) и вплоть до берегов Днестра (Сахарна и др.), чтобы только спустя более полутора столетий появиться на Дунае, где со второй половины IV века письменные источники довольно часто упоминают гетов.

Каким образом такие довольно сложные инженерные сооружения стали возводить варвары в местах, очень отдаленных от центров цивилизации и в столь раннее время, при полном отсутствии какой-либо традиции у предшественников им народов региона?

Логическое, но, к сожалению, не фактологическое объяснение этому феномену можно найти, если учесть, что первоначальной родиной гетов была Южная Добруджа, на западном побережье Ἰαξείνου Πόντος (Негосте-

приимного Понта). Сейчас общепринято считать, что ἄξεινος было фонетическим толкованием и фольклорным изложением иранского слова ахшаёна, означающего «черный». Согласно традиции, только после того, как греки колонизировали весь черноморский регион, Понт стал ἐῦξεινος, *гостеприимным* (Avram, Poenaru Bordea 2001: 533).

Нет смысла вдаваться сейчас в подробности относительно происхождения или толкования слов и названий. Несомненным остается факт, что и по сегодняшний день всякий процесс колонизации встречает отпор со стороны колонизируемых народов. Так было и будет всегда и везде. Именно поэтому для греков первоначально Понт был негостеприимным, а нужды расширения торговли заставляли их закрепляться именно в местах, заселенных варварами. Для защиты от неминуемых нападений и набегов колонисты, естественно, строили небольшие крепости или цитадели, которые, скорее всего, изначально были деревянными. Возможно, к строительным работам привлекалось и местное население, и таким образом происходил процесс передачи новых традиций и технологий.

Ко времени похода персов против скифов большая часть западного побережья Понта уже была колонизирована греками, в том числе и территория, подвластная гетам. В VI в. до н.э. серая греческая гончарная керамика использовалась местным населением и в качестве погребальных урн, о чем свидетельствуют находки на могильнике Добрина (Мирчев 1965: 33, таб. 3/10—12). Геты привыкали к быту колонистов, однако при продвижении огромной армии Дария I через их земли они осмелились оказать сопротивление, но были сразу покорены и «последовали за остальной армией».

Как разворачивались дальнейшие события, мы уже говорили, и, упомянув еще раз о первоначальной родине гетов, мы находим ответ на вопрос, откуда они, попав в совершенно иные условия, вдали от привычных мест, получили навыки возведения столь мощных для тех времен оборонительных сооружений — городищ. В связи с походом Дария мы не исключаем и версию, что к обозу огромной персидской армии были присоединены или присоединились и многие колонисты, в том числе мастеровые или ремесленники, которых постигла та же участь, что и гетов. Как бы там ни было, непосредственно или косвенно, греческие колонии изначально внесли свой вклад в дальнейшую судьбу этих фракийских племен, обосновавшихся в лесах Пруто-Днестровья.

Уяснив, таким образом, истоки идеи возведения мощных оборонительных сооружений народом, который ранее их не строил, вернемся к типологическим разработкам городищ междуречья. Первое, на что хотим мы обратить внимание при рассмотрении этого рода памятников, это их функциональность, т.е. служили ли они постоянным местом жительства, или это просто городища-убежища (Никулицэ 1977: 39—43).

Изначально следует оговориться, что мы не знаем достоверно, какое из известных оборонительных сооружений и когда точно было возведено. Раскопкам подвергались немногие памятники, а качественное освещение в литературе получили и того меньше. Благодаря, однако, моим коллегам, в нашем распоряжении есть сравнительно полная формальная типология городищ всего Восточно-Карпатского региона (Никулицэ 1977: 26—42, таб. I) и отдельно по южной зоне Среднего Днестра (Кашуба, Хахей, Левицкий 2001—2002: 199—205, таб. 1). Не будем их привлекать в качестве образца, так как попробуем посмотреть на эти сооружения с точки зрения не формальной типологии, а логики их строительства.

Из 18 городищ, известных в южной зоне Среднего Днестра, исследования проводились на 7 памятниках, к которым в последнее время добавился восьмой — Сахарна «Ла Ревекин». Все они были обитаемы, но о времени основания этих укреплений мы пока не можем высказаться однозначно. По крайней мере на трех из них были выделены ранние материалы конца VI в. до н.э. (Levinschi 2005: 67). По местоположению, конфигурации и занимаемой площади все они разные. Хотя в зоне преобладают мысовые городища (72,2%), и из общего числа комплексов большинство имеет небольшие размеры (до одного гектара), вряд ли можно проследить какую-либо зависимость между указанными параметрами формальной типологии. Среди ранних фигурируют как мысовое городище Хлижень II «Ла Шанц», площадью 12 га, так и маленькое полукруглое городище на высоком берегу реки, Сахарна «Ла Ревекин», площадью 0,4 га. Если ко всему еще учесть условия, которые продиктовали гетам строительство укрепленных поселков, то не исключено, что основная масса обитаемых городищ была основана именно в конце VI века, когда существовала непосредственная опасность со стороны воинственных скифов.

Что касается искусного приспособления рельефа местности при основании поселка,

хотя эта тенденция доминирует, она не является решающей при выборе места. Как мы уже говорили, одним из основных условий должно было быть наличие близкого источника воды — высотного родника, а существование городищ, не связанных с труднодоступным рельефом местности (Матеуць), предполагает в качестве критерия для выбора просто более безопасное и благоприятное для проживания место — поляну с источником в глубине лесного массива. Кстати, лес представлял собой прекрасное труднодоступное пространство, в котором, кроме всего прочего, можно было легче скрываться.

Одним из основных критериев для разработки формальной типологии укрепленных поселений является занимаемая ими площадь, которая колеблется от 0,07 га (Хородиште) до 12 га (Хлижень II «Ла Шанц»). Если исходить из того, что гетские городища представляют собой резиденции или места пребывания некоторых местных династов, обеспечивая в то же время убежище и защиту подконтрольным близлежащим общинам, то их размеры являются показателем зажиточности «хозяина» и численности подвластных ему людей (Florescu 1971: 103—118). По нашему мнению, такая логика продиктована средневековыми аналогиями, то есть крепостями, по поводу которых вряд ли можно что-то возразить. Вполне возможно, что такие функции со временем приобрели и некоторые гетские городища. Однако, если внимательно просмотреть карту распространения памятников интересующего нас времени (рис. 1), то легко можно заметить, что на небольшой территории южной зоны Среднего Днестра, можно сказать, преобладают укрепленные поселки. Если следовать логике приведенного выше постулата, то на этой маленькой площади сконцентрировалось неимоверное количество резиденций. Не на каждую из них приходится хотя бы по одному подконтрольному поселку. Настоящая «пасека» осиних гнезд.

Судя по всему, средневековые аналогии вряд ли применимы по отношению к гетским городищам, даже несмотря на то, что существует все-таки определенная взаимосвязь между площадью укрепленного поселка и людскими ресурсами. В чем она выражается?

Просматривая таблицы формальной типологии памятников, о которых мы уже упоминали, можно констатировать, что среди самых крупных городищ фигурируют в основном мысовые. Для сравнения по занимаемой площади возьмем два близлежащих памятника — мысовое городище Большая Сахарна,

площадью 7 га, и расположенное на высоком коренном берегу Днестра полукруглое городище Сахарна «Ла Ревекин», площадью 0,4 га. Первое из них занимает площадь в 17,5 раз больше второго. Казалось бы, что и разница в людских ресурсах должна колебаться в этих пределах. Так ли обстоят дела на самом деле — практически невозможно определить. Большую Сахарну можно тщательно исследовать только за несколько десятков лет, и это вряд ли будет решением вопроса.

Попробуем подойти к разгадке с другой стороны, учитывая условия, в которых основывались укрепленные поселки. На строительство укреплений, в условиях постоянной опасности, наверняка привлекались все трудоспособные члены общины. Если следовать такой логике, то выходит, что основатели городища Большая Сахарна построили оборонительную стену длиной в 388 м (Niculiță, Zanosi 2004: 105), а для небольшого поселка Сахарна «Ла Ревекин» была возведена стена длиной до 180 метров. При разнице площади более чем в 17 раз сил потрачено примерно только в 2 раза больше. Из этого следует, что при основании укрепленных поселков геты старались, при минимальной затрате сил, огородить максимально полезную и удобную для обороны площадь. Такая логика вещей вполне оправдана, так как ни одно из крупных городищ не имеет двойных или тройных оборонительных линий. Численный рост их населения умещался в пределах занимаемой площади, чего нельзя сказать о малых городищах. Для этих последних «жилищный вопрос» решался за счет выхода части семей за пределы укрепления: таким образом возникали небольшие неукрепленные посады в радиусе до 50—100 м от стен цитадели (Малая Сахарна, Сахарна «Ла Ревекин» и др.). В других случаях посады огораживались следующей полноценной линией обороны (Чигырлень, Потырка, Исакова и др.), и так поступали каждый раз при росте численности населения поселка и создании нового посада (Рудь, Бутучень).

Уяснив, таким образом, некоторые нюансы, связанные с гетскими городищами лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, можем сделать вывод, что основная их часть возникла как хорошо защищенные и укрепленные поселки. Лишь с течением времени, при удобном расположении поселка, а значит, и быстром росте его населения, при авторитетных старейшинах или вождях, управляющих ими, некоторые укрепленные поселки стали играть и определенную военно-административную или иную роль. Чисто теоретически такой

функцией мы могли бы наделить, к примеру, городище Рудь «Ла Шанцурь», с четырьмя оборонительными линиями, въезд на которое был дополнительно защищен двумя башнями-бастионами. Не менее вероятно, что такую же роль играло и городище Большая Сахарна, для обороны которого были возведены три внешних бастиона — по центру и на флангах.

Совсем иное назначение предполагаем для фортификационного комплекса на Бутученском мысу. Возникнув как чисто гетский укрепленный поселок еще в конце VI века, к IV в. до н.э. он стал оживленным посредническим центром торговли с греческими городами Причерноморья (Никулицэ 1987: 102—103). Мы можем предположить для него даже роль греческой фактории, с наличием высокого процента выходцев из так называемых греко-варварских поселений Нижнего Днестра или греческих купцов. Они строили себе каменные дома, подобно каменным строениям греческих городов Северного Причерноморья, они же возвели в восточной части перешейка каменную стену с башнями. Таких строений больше нигде на памятниках лесостепи не обнаружено.

Что касается вопроса о функциональности гетских городищ, очень уместно вспомнить, что в этой категории древностей фигурируют и так называемые городища-убежища, сооруженные, как считают некоторые исследователи (Никулицэ 1977: 39—40), специально в качестве временных убежищ (рефугиум) для жителей близлежащих неукрепленных поселков. По другим мнениям (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 203), относительно городища-убежища считается, что, сверх того, это был небольшой укрепленный объект с военными целями, для которого «...предполагается и наличие немногочисленного военного гарнизона. Служил для приостановления (на короткий срок) передвижения противника в глубь “жизненного пространства” в случае военных действий. Являлся форпостом городища-центра ...».

Выделение такого рода городищ во многом условно, поскольку степень их исследования не всегда вполне достаточна (Никулицэ 1977: 148, сн. 49). К ним, с некоей долей уверенности, отнесены памятники Рашков, Катериновка, Курэтура, Паркань, Хулбоака, Хородиште и, в центральной зоне, Ханска и Пожэрэнь. Такая функциональность определяется отсутствием на их площади долговременных сооружений при очень бедном находками культурном слое.

Осторожность при их выделении действительно не является излишней, так как из пере-

численных выше пунктов ограниченным раскопкам подвергалось только сомнительное городище у села Ханска (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 50). Остальные были включены в эту категорию исключительно на основании визуального осмотра и собранного с поверхности материала.

И все же, даже при использовании таких сомнительных критериев для выделения такого рода древностей, городища с очень бедным культурным слоем действительно существуют. Это может быть объяснено тем, что они использовались только как временные убежища, на чем настаивают некоторые исследователи (см., напр.: Никулицэ 1977: 39—40), однако это может быть и потому, что они просуществовали очень короткий промежуток времени. Мы даже склонны полагать, что из приведенного списка большая часть памятников не относится к числу так называемых городищ-убежищ, зато есть другие, которые, по перечисленным критериям, несомненно, к ним относятся. Речь идет о сильно укрепленном городище Косэуць на Днестре, на котором, по последним уточнениям, было зафиксировано 6 оборонительных линий (Munteanu 2004a: 82; 2007: 295—310), и новооткрытом памятнике у села Табэра, в глубине Северных Кодр, с довольно внушительными остатками оборонительных сооружений (Levinschi 2005a: 1—4; Levinschi, Covalenco, Bodean 2006: 39—40). На первом из них археологические находки представлены довольно большим числом кальцинированных костей и очень ограниченным количеством фрагментов гетской керамики. Памятник датирован, в очень общих чертах, периодом V—III вв. до н.э. (Munteanu 2004: 91). На втором, мысовом городище, возле вала, на площади 18 м² было обнаружено всего 8 фрагментов керамики, среди которых и фрагмент гетской миски из серии, характерной для IV века, а также фрагмент гераклеиской амфоры того же периода.

Чем все же можно объяснить почти полное отсутствие культурных остатков на некоторых укрепленных гетских поселениях региона?

Вернемся к официальной версии формулы определения и назначения «городищ с военными целями (убежища)».

Из числа гетских городищ некоторые были специально сооружены как временные убежища (Никулицэ 1977: 39). Интересно, пишет И. Т. Никулицэ, что они расположены в основном в центральной части рассматриваемого района, хотя встречаются вблизи границ. Это, прежде всего, свидетельствует о частых набегах, совершающихся на эти земли, но не исключается и то, что эти временные

фортификационные сооружения могли быть плодом частых межплеменных споров (Никулицэ 1977: 40).

Другие исследователи придают им более масштабное значение, то есть считают, что они служили для приостановления (на короткий срок) передвижения противника в глубь жизненного пространства в случае военных действий, поэтому для них предполагается наличие немногочисленного военного гарнизона (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 203).

Вроде бы все правильно. Во-первых, по первой версии, каждый раз в случае опасности люди бегут вместе со скарбом и прячутся за стенами укреплений, и во-вторых, по второй версии, кроме того, эти цитадели хорошо вписываются в требования современной стратегии и тактики ведения боевых действий.

Смущают, однако, в таких случаях некоторые недоразумения.

Во-первых, какой смысл в том, чтобы строить столь трудоемкое сооружение только для того, чтобы иногда бежать к нему и прятаться в случае нападения противника или соседа-разбойника? Ведь намного безопаснее жить там постоянно, тем более что защитное сооружение построено, и его нужно только обжить, как и все остальные укрепленные поселки — места постоянного жительства. Кроме того, при внезапных атаках или, как утверждается, набегах неприятеля (проходящих очень динамично), вряд ли многие жители близлежащих поселков смогут добежать до убежища, тем более со скарбом и скотом. Даже в случае военной угрозы за стенами таких небольших укреплений много народу вряд ли поместится.

Во-вторых, руководствуясь картой распространения гетских древностей (рис. 1), давайте попробуем внимательно проанализировать местоположение двух достоверных, на наш взгляд, городищ-убежищ — Косэуць и Табэра, на предмет их стратегического назначения, то есть приостановления передвижения противника в глубь «жизненного пространства». Как видим, первое из них стоит одиноко и далеко на северо-запад от ближайшей (!) крупной группировки укрепленных поселений южной зоны Среднего Днестра. За ним, на почетительном расстоянии, расположены только памятники окрестностей села Рудь. Второе, Табэра, расположено почти на западной окраине Бутученского «гнезда». За ним находятся только два укрепленных поселка — Мелешень и Гиличень.

Вполне очевидно, что как в первом, так и во втором случае основное обитаемое пространство расположено *до них*, до этих

городищ-убежищ, а не за ними. Кроме того, небольшие гарнизоны, которые якобы могут располагаться в таких укреплениях, всегда проще обойти или блокировать. При крупном передвижении войск они не представляют опасности для противника.

Таким образом, приведенные в литературе аргументы, объясняющие назначение городищ со слабонасыщенным культурным слоем как временные убежища, малоубедительны.

В создавшейся ситуации может выглядеть более достоверным предположение, что так называемые городища-убежища — это не что иное, как те же самые укрепленные поселки. Просто их стали возводить, когда уже существовала непосредственная опасность, однако продвижение противника было столь быстрым, что их не успели обжить. Кстати, напомним, что и в Косэуць, и на городище Табэра оборонительные сооружения погибли в результате мощного пожара.

Время, когда все это произошло, трудно определить. Отсутствуют какие-либо диагностирующие находки. Единственное, чем мы располагаем в данном случае, — это немногочисленные фрагменты керамики, которые для Косэуць были датированы в широком диапазоне V—III вв. до н. э., а на городище Табэра — в пределах IV века. Это пока все, что можно сказать об укрепленных поселках такого рода, но о них нам придется вспомнить чуть позже.

III.3. Укрепленные поселки и их обустройство

В научной и научно-популярной историко-археологической литературе уже укоренилось мнение, что наиболее распространенным способом защиты укрепленных гетских поселков является земляной вал со рвом. Такой системой защиты, пишет И. Т. Никулицэ, были снабжены три четверти всех известных городищ. Она не представляла собой большой сложности и не нуждалась в дорогом строительном материале. Грунт изымался рядом, и на выбранном месте образовывался ров, как правило, перед валом, небольшой глубины — до 2,5—3 м, а на Большой Сахарне — 5 метров. Для укрепления насыпи, как утверждается, использовали дополнительные консолидирующие примеси, в том числе обмазку или обожженную прослойку глины, рваный камень, дерево-земляную основу с использованием поперечных крепежных балок и т. д. (Никулицэ 1977: 34—39).

На основании этих разработок были выполнены графические реконструкции большей

части известных гетских городищ, где на каждом валу возвышаются частоколы (Хынку 1990: 18—39). Даже предприняты очень сложные математические расчеты для определения объема камня и дерева, использованных при строительстве оборонительных сооружений на отдельно взятом памятнике (Matveev 2004: 116—117).

Все эти разработки и реконструкции имеют в качестве основы археологические раскопки, в ходе которых были произведены и разрезы (траншеями 2-метровой ширины) оборонительных сооружений — валов со рвами, контуры которых до настоящего времени заметны на месте бывших укрепленных поселков. Получился большой разбой в данных, каждый памятник со своей спецификой, и почти никаких общих закономерностей.

Многолетние исследования на небольшом городище Сахарна «Ла Ревекин» позволили и нам предложить свой вариант реконструкции оборонительных сооружений этого укрепленного поселка, основанного в конце VI века до н.э. (Левинский, Коваленко 2004: 90—91). Выяснилось (рис. 4), что вал представляет собой не что иное, как остатки мощной оборонительной стены, толщиной до 3,5 метра и высотой до 8 м. Стена была построена из двух рядов бревен (частоколов), вкопанных с уровня древней поверхности, пространство между ними было заполнено глинистым грунтом, изъятым из рва. Внешний частокол (до 8 м высоты) под напором грунта удерживался в вертикальном положении дополнительным рядом бревен, расположенных под углом (контрфорс), а внутренний (до 6 м высоты) — мощной пачкой сильно утрамбованного глинистого грунта (схоже с каменными стенами античных городов). Во внешнем ряду частокола, как подсказывает логика, были устроены бойницы, а к внутренней стороне стены примыкали постоянные жилища обитателей поселка. Ров имел ширину до 8 м и глубину до 5,5 м от уровня древней поверхности. При его сооружении глина использовалась для заполнения стены, а песчаные отложения (выявленные в вертикальной структуре грунта) сбрасывались в обрыв.

Не вникая в отдельные детали, подобная реконструкция выглядит намного логичнее и правдоподобнее всех предложенных ранее. Недавно проведенный детальный анализ всех разрезов оборонительных сооружений гетских городищ (Левинский 2005: 98—107) позволил сделать несколько основополагающих выводов:

1. Несмотря на разноречивость представленных в публикациях фактов, становится ясным, что

в основе оборонительных сооружений большинства городищ находится не земляной вал, а мощная стена из двух параллельных рядов вертикально вкопанных бревен или деревянные клетки. Нынешние валы с многочисленными напластованиями, в том числе и камень, являются не чем иным, как развалившимися остатками заполнения деревянной стены, которая сгорела, была разобрана или сгнила со временем.

2. Ров, который образовался, как считают некоторые, в результате выемки грунта для сооружения вала, в основном имел оборонительные функции, хотя мы склонны считать такого рода назначение обязательным для него всегда. В большинстве случаев, когда отмечена небольшая глубина рва и однородное его заполнение, можно быть уверенным, что в процессе исследования он не был докопан и из него был изъят только затечный грунт. Глинистое или щебневое заполнение рва часто воспринимали и воспринимают как стерильный грунт, которым представлен реальный материк на этих памятниках.

3. Судя по не всегда точным рисункам разрезов оборонительных сооружений, во многих случаях с внутренней стороны стены угадывается наличие жилых конструкций, примыкающих к ней. Кстати, это вполне логично, ведь это самое безопасное место при обстреле и, кроме того, во многом экономит огороженную площадь, а также силы и средства при сооружении жилья. Для малых городищ такое расположение жилых комплексов является закономерностью.

Все изложенное выше относится к оборонительным сооружениям, от которых сохранились валы и рвы. Такими мощными стенами огораживались доступные со всех сторон городища (округлые) или расположенные на обрывистых берегах рек (полукольцевые), такие же стены защищали мысовые укрепленные поселки, закрывая подход к ним крупных сил противника с наиболее доступных для штурма сторон — плато (для всех) и очень покатой оконечности мыса (Чигырлень и др.).

Существует, однако, и другая сторона вопроса. Суть в том, что если внутри округлых и полукольцевых городищ можно было проникнуть только через специально устроенные входы (ворота), то иначе обстоят дела с мысовыми укреплениями. В литературе укоренилось мнение, что мысы, как правило, представляли удобные в стратегическом отношении места и не нуждались в сложных оборонительных сооружениях, ограничиваясь системой прямых фортификаций поперек перешейки (Никулицэ 1977: 26—27; Кашуба,

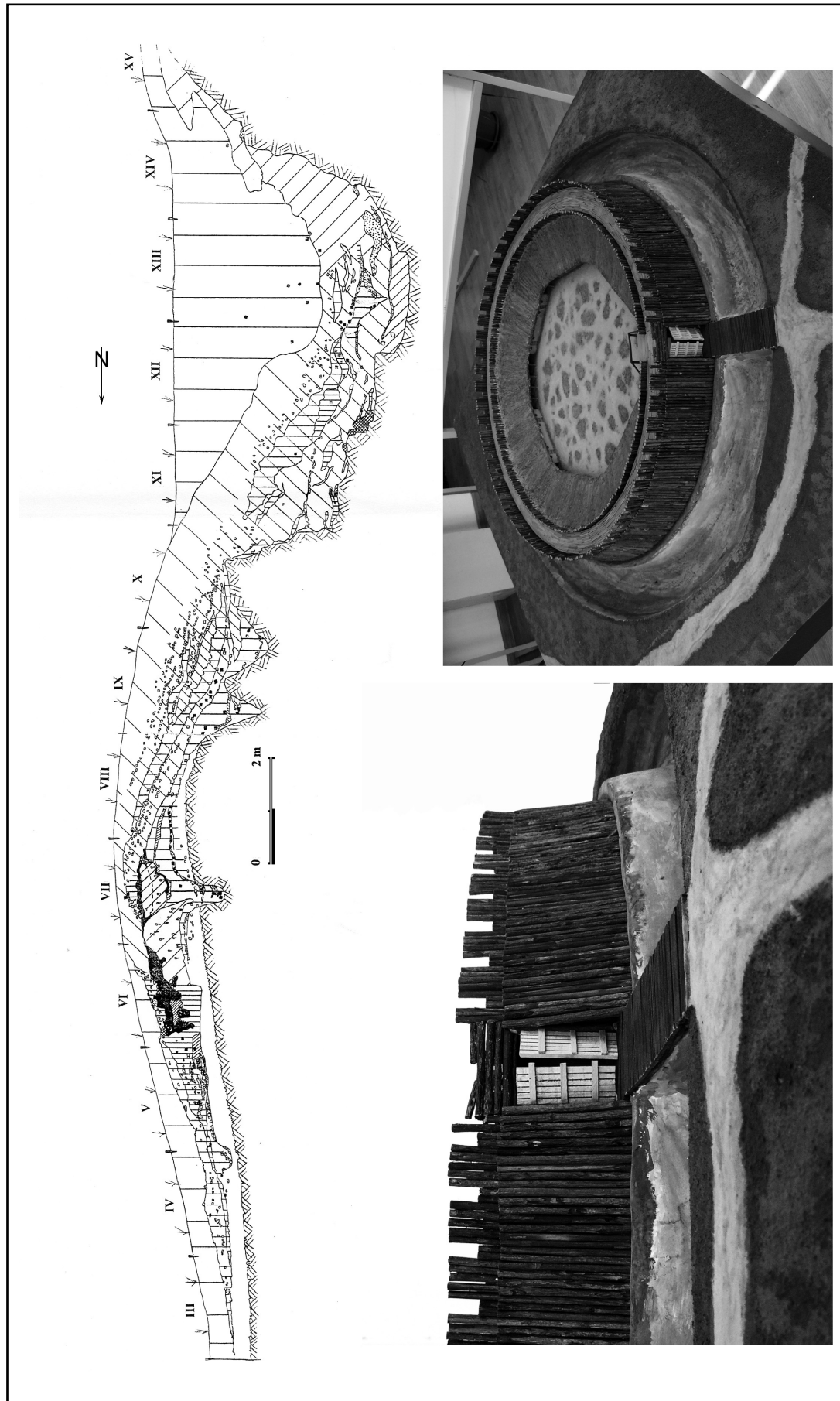

Рис. 4. Сахарна «Ла Ревенин». Разрез остатков оборонительных сооружений и их реконструкция.

Хахеу, Левицкий 2001—2002: 200—201). Однако, независимо от крутизны склона (за исключением обрывистого), при отсутствии дополнительных защитных сооружений на нем, всегда существует реальная возможность проникновения на территорию таких поселков. Так ли это?

Детальное обследование двух мысовых гетских городищ, зафиксированных совсем недавно и находящихся в лесу (Levinschi 2005a: 1—7), позволило установить, что на первом из них — у села Табэра, у южного окончания вала, перпендикулярно к нему, вдоль склона четко видна не очень широкая впадина-ступенька. На втором городище, у села Чигырлень, такие более широкие впадины соединяют по боковым склонам оборонительные системы на гребне удлиненного мыса, как первичных, внутренних сооружений, так и дополнительных внешних линий защиты.

Наверняка в обоих случаях речь идет о круговой системе оборонительных сооружений, и деревянная стена или частокол с эскарпом строились на всех возможно доступных участках склонов. Кстати, эскарп, в качестве конструктивного дополнительного элемента, отмечен на городище Олишкань, расположенном среди ответвлений каньонов реки Черна на среднем Днестре (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 204). Мы даже не исключаем, что круговой защитой была обеспечена основная часть мысовых городищ, и только интенсивный размыв склонов с течением времени уничтожил следы этих сооружений. В связи с исследованиями на упомянутом городище Чигырлень (Яловень) вновь всплыли в памяти раскопки 25-летней давности (будучи студентом, автор руководил этим раскопом) на известном гетском поселении Ханска «Толоакэ», где было частично исследовано сооружение 1 — траншея со ступенчатым дном, шириной 4,65—6,8 м, вскрытая по длине до 25 м (Никулицэ 1985: 113—117). На основании раскопок автор публикации предположил наличие на поселении системы фортификационных сооружений в виде глубокого рва, так как земляной вал выявить не удалось, хотя, как он пишет, окончательного заключения из-за небольшого объема проведенных раскопок дать невозможно, тем более что эти сооружения, по его мнению, уходят под лес.

Дело в том, что еще тогда, во время раскопок, вдоль открытой части склона, в продолжении так называемого сооружения 1 была хорошо заметна впадина-ступенька, опоясывающая верхнюю часть всего холма, на котором было расположено поселение. В ямках под

посадку леса, в пределах впадины, мы везде отметили культурные остатки. Таким образом, рассмотрение этих неучтенных данных в свете предложенных выше разработок позволяет отнести поселение Ханска «Толоакэ» к числу укрепленных гетских поселков. Для любителей формальной типологии это будет, пока, единственным городищем, которое расположено на макушке высокого холма, с круговой системой обороны в виде облегченной стены или частокола с эскарпом. Подход к нему был затруднен со всех сторон довольно крутыми склонами местности.

Исходя из этих же изложенных выше соображений, такой же «облегченный» вариант оборонительной стены (безо рва и меньшей толщины) защищал с южной стороны цитадель городища Бутучень (2-я оборонительная линия), а также опоясывал большую часть Бутученского мыса, от ущелья Мороя к западу — так называемое восточное городище (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 32—38).

Одна из очень важных составных частей оборонительной системы укрепленных поселков — это, несомненно, сам вход на их территорию. Кстати, он является и самым уязвимым местом во всей системе защиты. Несмотря на то, что по логике вещей вход или въезд должен быть обустроен на каждом городище, при их осмотре или обследовании этой конструктивной особенности укрепленных поселков очень редко уделяется должное внимание. К примеру, кажется даже странным, что отмеченный в 1947 году Т.С. Пассек вход на городище Малая Хорodka или Городка II (Пассек 1949: 59) не упоминается больше в последующих сводах гетских памятников (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 49; Arnăuț 2003: 224). Всего лишь одной фразой сказано о входе на городище Матеуць, что он, вероятно, был расположен на востоке, где высота вала резко понижается (Златковская, Полевой 1969: 39).

В кратких публикациях о раскопках в Руде упомянут центральный въезд на городище с двумя предвратными оборонительными сооружениями (овальные башни), еще сохраняющими высоту более 2-х метров (Романовская 1975: 446). Письменных упоминаний относительно въезда на территорию укрепленного поселка у нас больше нет, однако на топографическом плане этого же городища Рудь «Ла Шанцурь» (Sava și al. 1995: 312) на первых трех оборонительных линиях, ближе к северному их окончанию, четко обозначены перерывы вала и рва. Такая же ситуация зафиксирована и на соответствующем плане городища Потырка. Почти по центру обе оборонительные линии прерываются (Niculiță,

Matveev, Potângă 1999: 319), хотя в тексте ничего об этом не сказано. Наверняка в обоих случаях перерывами обозначены места въезда на территорию этих укрепленных поселений.

На очень сложном комплексе Бутученского мыса ров третьей оборонительной линии сужался ближе к его гребню, поэтому автор раскопок предположил, что в этом месте находился въезд в цитадель и через ров был перекинут подъемный деревянный мост (Никулицэ 1987: 92). При расширении площади к востоку, на перешейке мыса была сооружена новая система фортификаций. Сохранился ров, а на площадке перед ним Г.Д. Смирнов обнаружил остатки четырехугольного сооружения, подобного башне, которое, как предполагает И.Т. Никулицэ, вместе с валом и рвом накрепко закрывало вход в поселок (Никулицэ 1987: 94). Позже наличие входа на западную цитадель городища Бутучень было подтверждено раскопками. Там, в восточном секторе второй (изменена нумерация) оборонительной линии (палисада), по мнению авторов раскопок, были устроены двойные ворота, от которых сохранились восьмеркообразные ямы. Внешние ворота, шириной 2,62 м, составляли одно целое с внешней стеной палисады. Внутренние ворота, шириной 3,3 м, были обустроены на расстоянии 1,45—1,88 м от внешних (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 32). В этом же секторе, кроме того, ров, расположенный в 3 м к востоку от палисады и составляющий, как они считают, отдельную оборонительную линию (седьмую), напротив ворот прерывался на ширину 4,6 м, образуя въезд в крепость (Niculiță, Teodor; Zanoci 2002: 36).

На городище Хлижень II «Ла Шанц» (Глинжень II) упомянуты вал и ров с напольной стороны, которые прерываются входом на цитадель городища с западной стороны, а к СЗ от входа, за рвом, насыпана курганообразная насыпь высотой до 3,5 м, вокруг которой прослеживается небольшой ровик (Гольцева, Кашуба 1995: 6). И на кольцевом городище Пожэрэнь южные окончания вала и рва не соединены, там предполагается вход на территорию укрепления (Agnăit 2003: 249).

На этом, пожалуй, фактологический материал как бы исчерпан, и к нему можем добавить лишь наши собственные наблюдения.

На небольшом кольцевом городище Дурлешть под Кишиневом, расположенном на мысу и не подверженном ежегодным вспашкам, вал и ров прерываются с напольной стороны, по гребню мыса. Несомненно, здесь был обустроен вход на цитадель, так как других признаков его наличия нет.

Совсем иначе, однако, обстоят дела на новооткрытом городище Табэра в Северных Кодрах. Оно было возведено на удлиненном мысу с очень крутыми склонами. Проход на мыс был перегорожен мощными оборонительными сооружениями, от которых сохранился земляной вал и ров перед ним. Въезд на городище, судя по всему, осуществлялся по южной оконечности оборонительных сооружений, на склоне, где и сейчас он наблюдается в виде широкого возвышения в конце рва, а вал заканчивается в начале этого возвышения. От въезда, под прямым углом вдоль склона, видны остатки эскарпа или частокола (Levinschi 2005a: 2).

Казалось бы, что в этом нет ничего особого, просто удалось проследить вход, который расположен не по центру с напольной стороны, а сбоку, на склоне. Однако это наблюдение наталкивает на мысль, что такое расположение входа-въезда, скорее всего, было характерно для многих городищ, на которых он не прослеживается в виде перерыва на остатках оборонительных сооружений.

Вряд ли можно назвать это аномалией, но все-таки неудобно. Хотя, если вдуматься, в неудобстве, скорее всего, и состоит весь смысл обустройства въезда на большинство укрепленных поселков, если иметь в виду, что он является самым уязвимым звеном в системе защиты. Брать приступом высокие стены укреплений, защищенные широким и глубоким рвом (Левинский 2005: 99), вряд ли в то время было возможным, поэтому при осаде городищ основной удар приходился на ворота. Наверняка в то время для пробивания ворот уже использовался таран, который достоверно известен еще с начала I тыс. до н.э., будучи изображен на ассирийских барельефах первой половины IX в. до н.э. из дворца Ашшурнацирапала (Конноли 2001: 276). Учитывая такие вещи, часто геты, для защиты ворот своих городищ, строили их именно «неудобно», для того чтобы затруднить подвоз тарана к ним. Во-вторых (или даже в основном), при осаде укреплений они старались гасить мощь удара наступающих за счет его отвода в сторону, и при боковом подходе противника к воротам его было легче поразить со стен укрепления.

Если следовать такой логике интерпретации «неудобного» бокового входа городища Табэра, то приобретают смысл многие дополнительные комплексы, отмеченные или раскопанные в процессе исследования оборонительных сооружений гетских городищ. Речь идет об упомянутых остатках каменного четырехугольного сооружения, исследованно-

го Г.Д. Смирновым перед входом в цитадель на Бутученском мысу. Это была, скорее всего, стена или башня, возведенная поперек узкого перешейка, для того чтобы погасить мощь прямого удара наступающих и сделать «неудобным» подвоз тарана к воротам. С другой стороны, узкое пространство между башней и воротами, всего 13 м, должно было сильно ограничивать действия противника при осаде. Такое обустройство входа-въезда очень напоминает старые микенские типы ворот, которые использовались в материковой Греции вплоть до начала IV в. до н.э., а именно ворота с «коридором смерти», часто охраняемые башней на внешнем конце стены (Конноли 2001: 276).

Судя по всему, сходным образом были обустроены ворота и на городище Малая Сахарна. Там, с напольной стороны, не наблюдается прерывание оборонительных сооружений для обустройства ворот, и они защищены дополнительно выступающим бастионом, однако на их восточной оконечности, перед ними, Г.Д. Смирнов исследовал курганообразное сооружение, сложенное из камня и выходящее за пределы вала (Смирнов 1949: 195). Ворота, скорее всего, находились ниже кургана по склону и, таким образом, при штурме ворот противник был вынужден подставлять под удар правый бок, не прикрытый щитом, да и подвоз тарана был очень «неудобным».

Труднее определить обустройство въезда на, сильно укрепленном поселении Большая Сахарна. Явное прерывание оборонительной стены за центральным бастионом указывает на то, что ворота были именно в этом месте и что мощная выступающая башня прикрывала подход к ним. Исходя из того, что с восточного, напольного направления к бастиону наблюдается понижение местности, въезд осуществлялся именно здесь. Как и на Малой Сахарне, противник при штурме был вынужден подставлять под удар с башни свой правый неприкрытый бок. Два других боковых бастиона усиливали оборону стены на изгибах. Следует отметить, что выступающие за линию стен башни были характерным нововведением для греческих городов-государств в VI в. до н.э., и поначалу они ставились только в слабых местах и у ворот. Начиная с V века, их уже располагали через равные промежутки, и выступающие двухэтажные башни позволяли гуще осаждающих стрелами и снарядами (Конноли 2001: 274).

Одной выступающей башней перед входом были защищены ворота городища Хлижень II «Ла Шанц» и двумя башнями по сторонам — ворота городища Рудь «Ла Шанцурь». И эти

типы обустройства ворот были характерны для греческого мира классического периода. Не вдаваясь далее в подробности, осмелимся утверждать, что на всех городищах региона ворота обустроивались таким образом, чтобы они имели естественную защиту или оборонялись дополнительными защитными сооружениями. Как правило, перед воротами ров прерывался нешироким перешейком, видимым до настоящего времени на многих упомянутых городищах. Что касается использования подъемного деревянного моста, наличие которого предполагается на третьей оборонительной линии Бутученского комплекса (Никулицэ 1987: 92), с этим трудно согласиться. Разумнее, с большой осторожностью, допустить использование фиксированных деревянных мостов, которые при осаде можно было бы поджечь и, таким образом, затруднить доступ противника к воротам. Вместо них мы наблюдаем перед входом-въездом уже упомянутые земляные перешейки.

Выяснение внутреннего обустройства укрепленных поселений хоть и является конечной целью исследований на любом археологическом памятнике, еще не стало объектом дискуссии в специальной литературе. Несмотря на то, что раскопки проводились на довольно значительном количестве городищ, данных для разработки этой проблемы явно недостаточно. Как правило, раскопкам подвергались оборонительные сооружения или исследовались небольшие площади в различных частях внутреннего «двора». Хотя исследователи комплекса на Бутученском мысу считают, что он был полностью изучен (4864 м²), и были получены очень ценные данные относительно общего обустройства поселения и его оборонительной системы (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 25, fig. 2), на общем плане памятника начерчено только более 40 контуров небольших раскопов и траншей. Общего плана открытых комплексов, их расположения и взаимосвязи нет. Пять жилищ и так называемое «культовое сооружение», открытые на территории цитадели, существовали как бы сами по себе, без какой-либо взаимосвязи.

На городище Большая Сахарна раскопками Г.Д. Смирнова в 1946 году была вскрыта общая площадь в 253 кв. м. (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 189). Это были два небольших раскопа и траншея, прорезавшая вал и ров. Масштабные работы были возобновлены с 2001 года и ведутся по настоящее время, цифра общей вскрытой площади является довольно внушительной. Однако это всего лишь траншеи (Niculiță, Nicic 2002: 66—67), которые испещрили площадь памятника

вдоль и поперек, а также прорезали остатки бастионов (Niculiță, Zapoci 2004: 105—107). Никаких данных о внутренней организации поселка нет.

На так называемом городище Алчедар «Ла Кордон», которое идентифицируется с укрепленным поселением (63×57 м), исследованным Г.Б. Федоровым в начале 50-х годов, в 1986—1987 гг. была вскрыта сплошная площадь в 1260 кв.м. (Haheu 1998: 111; Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 49). Хотя открытые комплексы и материалы довольно любопытны, этот памятник вряд ли можно привлечь для анализа. Дело в том, что вскрытая площадь по длине (82 м) намного превышает соответствующие размеры городища, описанного Г.Б. Федоровым (67 м), и, несмотря на это, никаких следов оборонительных сооружений здесь так и не было отмечено. Судя по всему, на этом месте был обычный неукрепленный гетский поселок, который был основан в начальном периоде заселения зоны, а поиски городища нужно продолжить.

На городище Рудь «Ла Шанцурь» хотя и велись многолетние планомерные раскопки М.А. Романовской и, кроме исследования оборонительных сооружений, было вскрыто и 12 жилищ, общей картины так и нет, да и материалы, к сожалению, остались неопубликованными. Несмотря на это, при описании расположения оборонительных линий автор раскопок отметила одну немаловажную особенность: «Внешняя стена (городища) далеко отстоит от трех внутренних. Пространство между ней и внутренними стенами было занято жилыми сооружениями, а не служило загонем для скота, как предполагалось в аналогичном случае при исследовании Бутученского городища» (Романовская 1975а: 83).

Довольно значительные дополнительные исследования сплошной площадью, проведенные на этом памятнике после 1995 года (Tscaciuc, Zsâpchin 1999: 101—111), дают некоторое представление о взаиморасположении жилых или так называемых «погребальных комплексов» (Pavlov 1999: 115, fig. 1) на территории первоначальной цитадели. В северо-восточном секторе городища были устроены углубленные в скальную породу прямоугольные комплексы, которые располагались тремя рядами, ориентированными по линии запад-восток, на расстоянии 3—4 метра друг от друга. Вокруг каждого из них из необтесанного камня крупных и средних размеров возводилась круглая в плане ограда, камни которой частично перекрывали и сам комплекс (Tscaciuc, Zsâpchin 1999: 101). Все эти соору-

жения функционировали и прекратили свое существование одновременно (Levinschi 2003а: 275—278).

В районе городища Большая Сахарна, к северу от него, с 1998 года, в течение пяти лет проводились планомерные спасательные раскопки на уже неоднократно упомянутом небольшом городище Сахарна «Ла Ревекин». Общая сплошная площадь, подвергнутая исследованию (в том числе оборонительные сооружения), достигла 1204 кв.м. (Levinschi 2004: 64), при общей внутренней площади памятника около 4000 кв.м. Сопоставив эти две цифры, получаем, что городище уже исследовано более чем на одну четверть. Кроме того, учитывая временной диапазон обитания гетов на этом месте — с конца VI и по вторую половину IV века до н.э., а также разнообразие вскрытых комплексов, мы можем хотя бы приблизительно воссоздать былую жизнь поселка.

Первые поселенцы появились в зоне, судя по исторической ситуации, где-то в 514 или 512 году до н.э. (Levinschi 2005: 68) и недалеко от источника, вдоль обрывистого берега, построили свои первые временные жилища. Это были подпрямоугольно-квадратные полуземлянки площадью 22—23 кв.м., с центральным опорным столбом и выходом в сторону берега, врытые в материковый грунт перпендикулярно кромке, на расстоянии до 10 м (в настоящее время 1—5 м) от края. Их основание было опущено в землю на глубину до 0,8 м от уровня древней поверхности, пол у них был земляной, горизонтальный и хорошо утопанный. В одной из них (№6) полом служило каменное основание скалы, выровненное тонким слоем земли. Вполне логично будет предположить, что на высоте до 0,5 м от пола по периметру стен полуземлянки были обустроены земляные уступы-лавки для отдыха, которые невозможно проследить в черноземном слое. В полуземлянке №3, справа от входа на полу, был засыпан пришедший в негодность большой сосуд-корчага, в котором хранилась питьевая вода, а также нижний камень-зернотерка. Также пришедшая в негодность зернотерка осталась на полу другой полуземлянки (№11), возле центрального опорного столба (Levinschi, Șcipachin, Negură 2000: 87—92; Levinschi 2004: 66).

Не исключено, что для временного проживания на новом месте были устроены и шалаши, так как вдоль линии берега обнаружены всего 3 полуземлянки, отстоящие на 15—30 м друг от друга. Отсутствие каких-либо отопительных сооружений в них свидетельствует о том, что эти жилища были сооружены для

проживания в теплое время года и укрытия от непогоды.

Основное жилье строилось вместе с оборонительной стеной. Это были наземные секционные жилища, расположенные вдоль внутренней стены палисада, с общими промежуточными стенами, а задней стеной им служила сама стена палисада. Крыша у них, покрытая, скорее всего, камышом, была односкатная и верхним краем упиралась в оборонительную стену. Вход в жилища отстоял от этой стены на расстояние более 8 м, а что касается ширины — ее пока трудно определить. По крайней мере, она превышала 4 метра. Пол у них был земляной, утоптаный, в центральной части помещения, возможно, ближе к одной из стен, располагался глинобитный, чаще всего на каменной основе, очаг, хотя огонь могли разводить прямо на полу, без дополнительного обустройства. Возле очага иногда находилась небольшая приочажная яма, в которой скапливалась зола, кроме того, внутри помещения могли быть оборудованы и ямы-хранилища. В глубине помещений, в глинистом грунте, подпирающем внутренний ряд столбов оборонительной стены, прорезались лавки и обустроивалось место для сна (Levinschi 2004: 70—72). Они возвышались над уровнем пола до 1 м, при их длине не менее 2 м, а для того чтобы на них взобраться, прорезался неширокий уступ, высотой до 0,4 метра. В южном секторе, в первом исследованном секционном жилище, на таком уступчике был обнаружен раздавленный горшок, а фрагменты другого сосуда были разбросаны в глубине лавки и на полу.

Такое расположение жилищ, кроме безопасности, экономии времени на сооружение и полезной площади, служило также дополнительной опорой для самой оборонительной стены. Судя по всему, они сооружались по мере необходимости и использовались несколькими поколениями жителей поселка. В одном из них, которое удалось исследовать, земляной пол был пересыпан, по крайней мере, четыре раза (оседал или выметался), и каждый раз очаг оборудовался на другом месте (Levinschi 2004: 70—71).

Временные полуземлянки, однако, еще использовались длительное время в качестве хозяйственных вспомогательных помещений, о чем свидетельствует их сильно утоптаный пол, да и обнаруженный в них комплекс керамики указывает на то, что они были засыпаны в разное время, два-три десятилетия спустя (Levinschi 2001: 109—110). Основная часть внутреннего двора пока оставалась незанятой под застройку.

По мере развития общины, основавшей укрепленный поселок, разрасталось и хозяйство. В нижней части двора строились более легкие постройки — навесы-кухни для приготовления пищи в теплое время года. Их форму и размеры практически невозможно определить. От них сохранились глинобитные очаги с каменной или выложенной из крупных фрагментов керамики основой. В юго-восточной части двора, возле одного из очагов, в специальной оградке, был зарыт крупный сосуд (до 10 литров) для хранения воды (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: 54—57). В другой такой легкой постройке на северной окраине двора, кроме очага, были обнаружены крупная овальная зернотерка (весом до 40 кг) и одна заготовка, а также большое количество кремневых отбойников-молотков (Levinschi 2004: 68—69).

Со временем на городище появился и кузнец. На самой кромке высокого берега, в центральной части двора, где постоянно присутствуют воздушные потоки со стороны реки, обеспечивающие хорошую тягу для огня, были построены и жилища-мастерские со специальными печами для прогрева железа или плавки бронзы. Вдоль берега были обнаружены мастерская с двумя печами и еще две отдельно стоящие печи. Можно предположить, что первоначально кузнец обустроивал свою мастерскую с печью под таким же легким навесом, как и «летние» кухни (печь №1 и 4). По крайней мере, следов какой-либо дополнительной конструкции проследить не удалось. Только спустя время новая мастерская (№9) приобрела вид более основательного комплекса. Это было прямоугольное сооружение (7,5×5,5 м), также расположенное близко к кромке, вдоль, с купольной печью, основание которой было опущено ниже уровня пола, а топочный канал выходил к берегу (Levinschi 2003: 49—51). Действовала мастерская, видимо, недолго и была приспособлена под жилье. Недолго функционировавшая печь была засыпана, и в бывшей мастерской были оборудованы две ямы-хранилища. Некоторое время спустя, судя по всему, жилище опять было переоборудовано под мастерскую. Обломки переносного глинобитного очага на ножках и крупные обломки посуды были сброшены в ямы для их засыпки, причем фрагменты одного и того же сосуда попали в обе ямы. Туда же были сброшены пряслица и, вместе с мусором, попал небольшой слиток бронзы и железный штырь для перемешивания углей или для прочистки сопла кузнечных мехов. В земляном полу жилища остался втоптаным костяной трубчатый игольник. Буквально

рядом с засыпанной печью была оборудована новая, идентичная прежней, купольная двухкамерная печь, и мастерская возобновила свою деятельность. Прожженность пода и стенок печи была более основательной.

Трудно сказать, выделился ли первоначально мастер-кузнец из местной среды или был выходцем из греческих причерноморских колоний. Что касается технологии металлообработки, наверняка она привнесена, и скорее всего, из греческого мира. Относительно сырья можно сказать, что, скорее всего, из специализированных центров по добыче и обогащению руды металлические крицы, содержащие до 99,96% железа (Iaroslavschi 1997: 89), а также небольшие слитки бронзы (серебра), попадали и в некоторые отдаленные гетские поселки уже начиная с V в. до н. э. (Levinschi 2003: 53).

Почти столетие спустя после основания укрепленного поселка, видимо, начал проявляться и «жилищный вопрос». По крайней мере, нижнюю часть двора стали использовать под застройку (жилище 7, а позже и 5). Не исключено, однако, что и эти комплексы, как и жилище-мастерская кузнеца, как-то связаны с ремесленниками. По крайней мере, в одном из них (№5), сгоревшем при осаде городища, было обнаружено большое количество битой посуды. Вполне возможно связать этот жилой комплекс с деятельностью гончара в пределах общины. В пользу наличия такого ремесла свидетельствует определенная стандартизация форм и объемов посуды, видоизменяющейся во времени, которую мы наблюдаем при исследовании различных комплексов (Levinschi 2001: 109—110; Levinschi 2004b: 73—74). Все это ни в коей мере не означает, что жилище 5 было мастерской гончара. Нет никаких вещественных оснований для такого утверждения. Кроме того, гончарство было сезонным ремеслом и не столь «стратегическим», как металлообработка, поэтому мастерская и печь для обжига посуды вполне могли быть оборудованы за пределами оборонительной стены, поближе к источнику воды и топливу. В своем доме гончар мог хранить лишь запасы готовой посуды.

Неотъемлемой частью внутреннего обустройства двора были многочисленные ямы-хранилища или ямы-погребя, обустроенные в жилищах или за их пределами, при навесах и мастерских. Копали их без определенной системы, по необходимости. Их было не так уж много, они были цилиндрическими, недолговечными, при необходимости их быстро засыпали, предварительно сбросив туда близле-

жащий мусор, золу с прогоревшими зернами, битую посуду и, в буквальном смысле, зарывали собаку. На выровненной площадке возводилась новая постройка, а возле нее, в удобном месте, копалась новая яма.

Предприняты и попытки типолого-метрического анализа этой категории археологических комплексов. Так, в ареале проживания гетов были выделены, кроме обычных, колоколовидные и бочонкообразные ямы (Arnăut 2003: 41—43). На нашем дворе из более 40 исследованных ям почти добрая половина представлена колоколовидными. Их очень трудно зачищать, и, думается, было бы еще труднее специально копать яму такой формы, да и стены получились бы не такими уж прочными. Задумавшись над этим, мы стали внимательно анализировать залегание культурных остатков в них и делать тщательные промеры. Оказалось, что у большей части из них верхний диаметр расположен асимметрично по отношению к нижнему, будучи смещен по склону. Кроме этого, грунт возле стенок такой ямы всегда оказывается намного плотнее, а находки вдавлены в них. Единственным логическим объяснением отмеченных фактов может быть то, что в большинстве случаев заполнение ям оказывалось более рыхлым, чем окружающий грунт, который своей тяжестью уравнивал разреженную плотность, сдавливая стенки и горловину ямы. Все просто, в природе все уравновешено, и в этом, пожалуй, разгадка колоколовидных ям, а бочонкообразные первоначально были ямами, сужающимися ко дну. Именно такой формы в одном из секционных жилищ оказалась яма, засыпанная крупными камнями (Levinschi 2004: 73).

Это почти вся информация о внутренней организации, которую мы смогли извлечь, раскопав около трети внутренней площади небольшого городища. Было бы неверно настаивать, что так были организованы все городища, в особенности крупные. Однако было бы также неправильным отрицать наличие каких-то общих принципов и закономерностей во внутреннем обустройстве таких укрепленных поселков. К примеру, закономерным было сооружение секционных жилищ, примыкающих к оборонительной стене (Левинский 2005: 107—108), и постройка навесов для приготовления пищи в теплое время года, кроме того, в удобных местах должны были располагаться ремесленные мастерские и другие вспомогательные постройки и т. д.

В случаях, когда огороженная площадь поселка была довольно значительной, под

жилому застройку использовался и двор, но выявить закономерность взаиморасположения таких жилищ вряд ли возможно на современном уровне исследований. К вышеизложенному, правда, можно добавить еще один немаловажный момент: места для погребения усопших всегда обустроивались за пределами оборонительных стен. Это логично и практично. Только при расширении площади городища и возведении новых оборонительных линий могильники могли бы попасть в границы жилой зоны поселка, однако такие случаи нам пока не известны.

III.4. Неукрепленные поселки гетов, их обустройство и быт населения

Остатки неукрепленных поселений — села и хуторки — составляют большую часть (более 80%) древностей гетов, известных в настоящее время в зоне лесов Молдовы. Мы уже говорили об общей закономерности ландшафтного расположения гетских памятников, однако мы позволим себе некоторые уточнения по отношению к обычным, неукрепленным поселкам. В литературе укоренилось мнение, что расположены они главным образом, как и поселения предшествующего периода, на мысах по берегам рек, плато, в долинах, на склонах и т.д. Во всех случаях селища создавались вблизи источников воды, в окружении плодородных земель, лесов и обширных пойменных лугов (Никулицэ 1977: 43; Никулицэ 1987: 110). Все перечисленные условия, несомненно, отражают жизненные и хозяйственные потребности населения региона любой исторической эпохи, поэтому, не отрицая этот явный постулат, попробуем внести некоторую ясность.

Проведенные за последнее время более тщательные обследования земельных владений, отведенных некоторым селам, на предмет наличия археологических древностей (методом опроса местных жителей), для пополнения истории этих населенных пунктов (Милештий Мичь, Чигырлень), позволили выявить более 10 новых памятников. И это несмотря на то, что в этих зонах уже проводились планомерные разведки (Дергачев 1966: 244—250; Полевой 1969: 209—210). Абсолютное большинство всех вновь открытых древностей оказались чисто гетскими (Brihuneț 2005: 101—104; Bodean 2003: 98; Levinschi, Covalenco, Bodean 2006: 34—38), и они были обнаружены совсем не в тех ландшафтных условиях, что «и поселения предшествующего периода».

Обследование известных и новооткрытых памятников позволило констатировать, что гетские поселки располагались в основном в верхней части склонов нешироких долин рек и речушек или на выступающих мысах в верхней и средней части этих же склонов. Очень редко такие поселения можно обнаружить и на мысах, расположенных чуть ниже средней части склона, в глубине небольших долин. Гетские памятники Днестра и Реута, с высокими обрывистыми берегами, находятся близко к кромке или выше по склону. Именно в таких условиях были обнаружены и новые памятники в зоне Сахарна (работы автора в 1993, 2000—2002 гг.), там, где проводили интенсивные исследования и Г. Д. Смирнов (1949: 195—196), и Т. С. Пассек (1949: 67), и другие.

Гетские поселения совершенно отсутствуют в средней и нижней части склонов широких долин и возвышающихся над поймой мысах, где обычно мы встречаем трипольские, позднебронзовые, гальштатские и черняховские памятники, поселения бастарнов, славян и других народов средневековья. В очень редких случаях обнаружение культурных остатков этого времени в нижней части склонов небольших притоков или в низинах, скорее всего, нужно связывать с временными загонами для скота, которые располагались вблизи пастбищ, но недалеко от поселков (Чигырлень, Рашков).

Геты избегали селиться возле обширных пойменных лугов и, судя по всему, предпочитали лесные поляны на солнечной стороне верхней части склонов и мысов нешироких долин небольших рек, а также облесенные террасы Днестра и Реута. Во всех случаях непременным условием должен был быть *близко расположенный родник*. У нас нет абсолютно никаких данных, да и раскопано на большой площади лишь одно поселение (Ханска «Лимбарь»). Однако, будучи хорошо знакомы с топографией некоторых памятников, вблизи которых в настоящее время нет родников, мы осмелимся предположить, что гетам могли быть знакомы и колодцы. Это лишь очень осторожное предположение, но ни в коем случае не лишенное логики, если учесть, что они строили столь мощные оборонительные системы на укрепленных поселках.

Рассматривая карту обнаруженных в лесной зоне гетских поселений, можно заметить, что они могут образовывать более компактные группы или растягиваться цепочками по водоразделам и долинам рек, хотя есть и отдельно стоящие пункты. Групповое расположение

поселков, как мы уже упоминали, некоторые исследователи связывают с соображениями военного порядка, и прежде всего, как они считают, это диктовалось патриархальными, социальными и хозяйственными отношениями гетов (Никулицэ 1977: 44). Учитывая ситуацию, в которой заселялся регион, в этом есть своя правда, хотя не последнюю роль играли и географические условия — места удобные и благоприятные для основания поселений. Что касается отдельно расположенных пунктов, то это связано, скорее всего, с недостаточной изученностью окружающей местности, как это было в случае с памятниками из окрестностей села Милештий Мичь или Чигырлень. С другой стороны, многие участки Кодринской лесной возвышенности, в верхней части склонов долин, где обычно расположены поселения, еще покрыты лесом, и это делает невозможным обнаружение многих памятников.

Неукрепленные поселки гетов обычно небольшие, редко превышающие площадь 200—250×100—150 м. Среди них встречаются и такие, которые даже можно назвать небольшими хуторками (Милештий Мичь «Ла Шипот», 100×100 м). Есть, однако, и пункты, которые могли быть и какими-то временными местами обитания или жизнедеятельности гетов, будь то расположенные вне поселений, вблизи пастбищ, загоны для скота или овчарни, с очень ограниченным радиусом находок (Чигырлень X).

Такое подразделение находок гетских древностей является интуитивным и вполне логичным, подсказанным современными организациями сельских общин. Так ли это и где что есть, — вряд ли мы сможем проверить или доказать. На сегодняшний день незначительным раскопкам подвергалось ничтожное количество неукрепленных поселений. Кроме «гнезда» древностей в окрестностях села Ханска, района Яловень, можно упомянуть смещенное нами в разряд неукрепленных поселений «городище» Алчедар «Ла Кордон» (Haheu 1998: 111—135), немногочисленные материалы с многослойных поселений Солончень-Хлиная (Мелюкова 1955: 67; Kašuba, Haheu, Levițki 2000: 33—41) и Холеркань (Пассек 1956: 22—23; Кашуба 2006: 334—347). В последние годы добавились незначительные раскопки разведочного характера на гетских памятниках Мэшкэуць «Дялул чел Маре» (Zanoci, Matveev 2002: 85—98) и Сахарна «Ла Шанц» (Zanoci, Moldovan 2004: 130—138).

Исходя из вышеизложенной констатации, единственным источником для изучения

неукрепленных поселений являются гетские древности окрестностей села Ханска. Кроме памятника Ханска «Толоакэ» (Рикман, Никулицэ 1985: 118—124; Никулицэ 1985: 113—116), который мы отнесли к укрепленным поселкам с круговой системой обороны, раскопкам подвергались еще два поселения — Ханска «Пидашкэ» и Ханска «Лимбарь», с ответвлением в урочище Кэпрэрие (Мелюкова 1963: 64; Никулицэ, Татаренко 1973: 129—133; Никулицэ 1973: 95—109; Никулицэ, Рафалович 1974: 79—87; Никулицэ 1985: 95—113). На последнем из них была вскрыта внушительная часть площади, что позволило автору раскопок сделать реконструкцию внутренней организации гетской сельской общины. В отсутствие какой-либо другой информации воспроизведем предложенные выводы. «Дома в поселке, как видно из плана расположения жилых и хозяйственных комплексов (рис. 31), строились близко друг от друга, вдоль склона, группами по две-три постройки с системой подземных кладовых (ям), как вблизи, так и в самих жилищах. Расстояние между домами в пределах группы — от 4 до 8 м, а между группами — от 10 до 15 м. В поселке, как правило, имелись и мастерские (металлообрабатывающие — А.Л.), которые размещались в специальных, земляночного типа помещениях, наподобие мастерских из Ханска «Лимбарь»» (Никулицэ 1987: 111, рис. 30—33).

Такая интерпретация внутренней организации неукрепленных поселков была подведена автором раскопок под разработки М. Косвена относительно семейной общины и патронимии. Согласно этим разработкам, кучевая планировка жилищ в поселке указывает на то, что они складывались из нескольких семей, связанных между собой не только хозяйственной, социальной и идеологической общностью, но и родственными узами (Косвен 1963: 100). В таком случае, резюмирует И. Т. Никулицэ задолго до публикации плана раскопок, каждый гетский поселок представлял собой патронимию (Никулицэ 1977: 45—46).

Трудно что-либо возразить по поводу предложенных выводов, кроме того, что на опубликованном плане поселения Ханска «Лимбарь» вряд ли можно разглядеть кучевую планировку жилищ. Есть остатки наземных построек жилого (с очагом) и хозяйственного характера, без обозначения системы подземных кладовых, расстояние между жилыми комплексами, судя по масштабу, от 8 до 23 м (а не 4—8 м), и это при том условии, что они существовали одновременно. Для какого-то сравнения можно привести и данные с по-

селения Алчедар «Ла Кордон», где расстояние между наземным и углубленным жилищем составляет 8 м, а между ближайшими углубленными — 40 м (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 158, рис. XXII).

Пожалуй, на современном уровне и состоянии источников делать какие-то обобщения по поводу внутренней организации сельских общин еще рано. Немногочисленные археологические данные, на основании которых можно было бы сделать какие-то выводы, являются неполными, и кроме того, они были приспособлены под существующие теории, которые, возможно, и не соответствуют реальному положению вещей.

Обитали жители неукрепленных поселков, как правило, в наземных жилищах. Развалы таких сооружений в виде скоплений кусочков обожженной глины, фрагментов керамики и других находок являются основной характеристикой большей части отмеченных при разведках поселений, кроме того, при исследовании памятников, для верности, раскопы закладывались в пределах именно таких скоплений (Ханска «Пидашкэ», в урочище Кэпрэрие). Не столь уж многочисленными раскопками на некоторых памятниках обнаружены и углубленные в землю комплексы жилого или подсобного назначения. Вполне естественно, что очень ограниченный круг источников также вряд ли позволяет нам делать какие-то обобщающие выводы и относительно преобладания того или иного типа жилищ в одном или другом регионе, в зависимости, к примеру, от характера или рельефа местности.

В отсутствие таких данных рассмотрим ситуацию на двух поселениях, на которых вскрыта довольно значительная сплошная площадь. Это Алчедар «Ла Кордон», тяготеющее к группе древностей Среднего Днестра (Наheu 1998: 111—135; Kašuba, Naheu, Levički 2000: 49—64; Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 157—175), и уже упомянутое Ханска «Лимбарь», в южной части Центральных Кодр, на самой границе со степью (Никулицэ 1977: 46—61; Никулицэ 1987: 111—117).

На первом из них, при спасательных работах, было исследовано четыре комплекса, отнесенные автором раскопок к категории жилых — три углубленных и один наземный. Углубленные жилища однотипны — небольшие (14—21 кв.м.) прямоугольные полуземлянки с округленными углами, длинной стороной ориентированные в направлении север-юг. Пол у них горизонтальный и утрамбованный. В двух из них отсутствовали ото-

пительные сооружения, а в третьей, в глубине помещения, был обнаружен небольшой очаг в виде золистого прожога пола, диаметром до 50 см и мощностью до 3—4 см, с предочажной ямой. Это последнее сооружение, кроме того, было глубже других и, в противоположной стороне от очага, имело земляные ступеньки (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 161—162).

Судя по описанию, первые две полуземлянки имеют некоторые характерные сходства с упомянутыми углубленными комплексами городища Сахарна «Ла Ревекин», по отношению к которым мы определились однозначно, что они представляли собой временные жилые постройки, сооруженные при основании поселения и начале строительства оборонительной стены с примыкающими к ней секционными наземными жилищами. Конечно, в случае с комплексами поселения Алчедар «Ла Кордон» невозможно определить хронологическое соотношение между наземными и углубленными жилищами, однако, скорее всего, на этом памятнике наблюдается аналогичная ситуация. Дело в том, что в его керамическом комплексе (не расчлененном по сооружениям) присутствует очень много ранних форм, характерных для конца VI — начала V в. до н.э., что признают и сами авторы исследования (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 174—175). Кроме того, когда уже были готовы наземные жилища, углубленные использовались как подсобные помещения, а на месте полуземлянки 2 была устроена свалка для мусора (а не культовое место — зольник), подальше от «дома». Даже полуземлянка 1 с очагом была использована как временное жилище. Об этом свидетельствуют небольшие размеры очага и очень небольшая мощность прожога пола. Людям, видимо, пришлось в ней перезимовать, пока достраивался их «дом».

Из наземных жилищ на этом поселении исследовано только одно, расположенное немного в стороне от полуземлянки 3 и на приличном расстоянии от места свалки мусора. Судя по описанию (рисунки очень низкого качества и неполны), это почти квадратная (7,8 × 7 м) однокамерная постройка с плетневой конструкцией стен, обмазанных глиной, на каменном фундаменте, сохранившемся только вдоль северной части жилища. Пол был глинобитным, утрамбованным, в центральной части размещался глинобитный очаг, а в северо-западном углу — яма с обожженным дном, которая также служила в качестве отопительного устройства (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 160). В отсутствие других деталей, относящихся к внутреннему обустройству жилища, мы мо-

жем добавить лишь собственные размышления по поводу «ямы-очага». Это, скорее всего, яма-кладовая для хранения зерновых и других припасов, которая была упрочнена и просушена способом прожога. На такую мысль наводит и ее угловое местоположение.

На поселении Ханска «Лимбарь», судя по опубликованным скудным выдержкам о результатах многолетних раскопок, были обнаружены только остатки наземных построек (исключая «мастерские» из урочища Кэпрэрие) жилого и хозяйственного характера (Никулицэ 1977: 46). Все постройки глинобитные на деревянном каркасе, в основном прямоугольные, ориентированные по склону и возведенные на выровненной площадке. Крыша у них, скорее всего, была двускатной, из камыша, соломы или веток.

Все известные у гетов жилища И. Т. Никулицэ подразделяет на два типа: большие, площадью 60—70 кв. м, и малые — 12—24 кв. м. (Никулицэ 1987: 112—113), однако обнаруженные на поселении наземные дома не вполне вписываются в предложенную типологию. Судя по опубликованной неполной и разбросанной информации о вскрытых на поселении комплексах (Никулицэ 1977: 50—58), шесть наземных построек жилого характера имели площадь: 17,5 кв. м, 24, 40, 64, 70 и 72 кв. м. Из этого вполне явно следует, что дома по площади были абсолютно разные, скорее всего, исходя из нужд и возможностей. В таком случае, появление «среднего звена» делает необоснованной предложенную типологию жилищ гетов и особенно выводы, основанные на этой типологии.

Что касается ориентировки — из упомянутых на поселении комплексов три жилища были ориентированы по линии восток-запад и три — север-юг. Кроме предпоследнего, фигурирующего в таблице 3 с наличием двух очагов (описание отсутствует), все они однокамерные, с не всегда понятным расположением очага. В жилище 2 (5×3,5 м), ориентированном по линии восток-запад, очаг расположен где-то в северной части (?), в то же время в жилище 4 (6×4 м), с той же ориентировкой — в юго-восточной части (Никулицэ 1977: 58).

Более детального описания удостоился только так называемый «большой дом» (Никулицэ 1977: 53—56), на основании чего можно сделать осторожный вывод, что даже большие дома в основном были однокамерными, с земляным, хорошо утрамбованным полом. Перед входом они могли иметь четырехугольные сени. Отапливались такие дома, пожалуй, как и все остальные, расположенным ближе к одному из углов стационарным глинобит-

ным очагом, с обустроенной рядом предпочажной ямой, хотя на соседнем поселении Ханска «Пидашкэ» такое же большое жилище обогревалось глиняным переносным, большого диаметра, очагом-жаровней (Никулицэ 1985: 102—103).

Внутри дома или рядом с ним иногда обустроивались и подземные ямы-кладовые, однако для таких целей, скорее всего, использовались и глинобитные постройки хозяйственного назначения, расположенные в непосредственной близости от жилищ. Их подсобный характер определен по отсутствию в них отопительных конструкций. Такая постройка, площадью около 16 кв. м, упоминается только рядом с «большим домом» (Никулицэ 1977: 56), хотя, судя по общему плану поселения, на каждое жилище приходится по одному или по два подсобных наземных сооружения (Никулицэ 1987: 111), которые могли иметь самое разнообразное хозяйственное назначение.

Возле домов или поблизости от них иногда обустроивались и легкие навесы-кухни для приготовления пищи в теплое время года. Остатки такого наземного каркасного сооружения в виде выносного глинобитного очага (1×0,4 м) были выявлены в 3 м к югу от жилища 2 (Никулицэ 1977: 58). Кроме того, возможно, легкие наземные глинобитно-каркасные конструкции предохраняли от непогоды и более внушительных размеров погреба, над которыми сохранились слабые развалы кусочков обмазки и керамики. Речь идет о двух земляночного типа постройках, исследованных в западной части поселения — прямоугольной (9×6 м) и овальной (3×2,8 м), глубина которых превышала 2 м.

На основании бронзовых, железных, косяных, глиняных и других находок из заполнения, среди которых фигурируют и фрагменты каменных литейных форм, автор раскопок очень категорично интерпретировал их как мастерские, где занимались отливкой и обработкой различных металлических изделий (Никулицэ 1987: 113—116). Однако среди «веских» доводов исследователя полностью отсутствуют упоминания о конструктивных особенностях этих комплексов, и даже по рисункам не видно, чтобы в них были отмечены хотя бы примитивные печи или другие конструкции, в которых можно было бы прогреть или плавить металл — только голые стены и пол. С другой стороны, какой «мастер» будет забегать с расплавленным металлом или прокаленной добела заготовкой в землянку, для того чтобы работать в потемках и травить себя удушливыми газами в глубокой яме?

Единственное, о чем можно судить по находкам из заполнения указанных углубленных сооружений, — это то, что поблизости, несомненно, действовала мастерская по обработке металла (которую не обнаружили), а вышедшие из употребления погребя были засыпаны скопившимся рядом мусором еще в период обитания на поселении.

Последняя категория комплексов, выявленных на поселении, — это ямы-кладовые или хозяйственные ямы. Их форму и размеры мы уже обсуждали, когда речь шла о внутреннем обустройстве укрепленных поселков. Нет смысла повторяться. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на другой аспект, связанный с этими сооружениями. Как заметил И. Т. Никулицэ, на некоторых поселениях ямы-хранилища находятся иногда прямо под развалом жилища (т.е. в самом помещении) или в непосредственной близости от него, а на других — ямы расположены несколько отдаленно от жилых помещений (Никулицэ 1977: 59).

По этому поводу уместно высказать некоторые соображения.

Почему-то сложился стереотип, что раз яма или система ям была обнаружена под развалом, значит, она в обязательном порядке синхронна ему и связана с функционированием данного комплекса. Такой взгляд на вещи приводит во многом к противоречивым выводам. В качестве яркого примера может служить комплекс, состоящий из 13 ям, выявленный под развалом жилища 3 на поселении Ханска «Пидашкэ», соседствующий или граничащий с обсуждаемым. Цитируем: «Особый интерес представляет стратиграфия заполнения ям. Во всех ямах из-под развала, на дне или в придонной части, найдены фрагменты керамики, кости животных, а иногда просто чернозем вперемешку с древесным углем. Однако ни в одной из ям на дне или в донной части не встретилась обмазка — как правило, куски обожженной глины залегают в верхней части ям. Значит, ко времени пожара дом был покинут жильцами. От момента, когда жилище было покинуто, и до пожара, вероятно, прошло н е м а л о (разрядка наша — А.Л.) времени, ибо в хозяйственных ямах успел отложиться слой выветренного чернозема. Поэтому куски обмазки, образовавшиеся при пожаре постройки, никак не могли оказаться на дне ямы» (Никулицэ 1985: 107).

Исходя из высказанных наблюдений, вывод выглядит вполне логично. Однако в таком случае абсолютно непонятно, почему в длительно пустующем жилище было оставлено, как выражается автор раскопок, «значитель-

ное количество инвентаря из металла, глины и камня», абсолютно целого и пригодного, среди которого бронзовый браслет, несколько глиняных сосудов и погремушка и всякие другие предметы, о которых упоминает автор (Никулицэ 1985: 103—104). Кроме того, абсолютно непонятно, зачем в доме необходимо такое большое количество хозяйственных ям, наличие которых, по выражению автора, не оставляло места для жильцов.

Не исключая все-таки принадлежность некоторых ям к этому жилищу, в качестве ямы-кладовой или столбовой ямы, было бы логичнее допустить, что большая часть из них относится к периоду, предшествовавшему строительству дома, и они были засыпаны, скорее всего, во время планировки площадки под новое здание. Этим и объясняется малое количество находок в некоторых из них и наличие прослоек из так называемого выветренного чернозема. С другой стороны, при наличии многочисленных подсобных наземных глинобитных построек на поселении Ханска «Лимбарь», а также глубоких погребов, вряд ли выглядит рациональным хранить припасы в земле, в самом жилище.

Проведенный анализ жилых и других комплексов, выявленных на двух единственных гетских поселениях, на которых были исследованы сравнительно большие сплошные площади, показывает, что на первом из них, Алчедар «Ла Кордон», в качестве жилых можно определить и углубленные, и наземный комплекс. Правда, по определенной серии признаков и по аналогии с укрепленным поселением Сахарна «Ла Ревекин», мы пришли к выводу, что углубленные комплексы служили временным укрытием или жильем в начальный период заселения региона. Обнаруженные на поселении материалы указывают на то, что поселок был основан в конце VI — начале V в. до н.э. Впоследствии эти полуземлянки использовались в качестве подсобных сооружений, пока не приходили в негодность. В качестве постоянного жилья служили наземные глинобитные на деревянном каркасе дома.

На поселении Ханска «Лимбарь» все выявленные жилые комплексы и большая часть подсобных построек являются наземными. Здесь полностью отсутствуют углубленные сооружения, которые, согласно изложенным доводам, должны присутствовать на поселениях в качестве временного жилья, в начальный период основания поселка. Такое противоречие вполне может быть объяснено тем, что это поселение было основано довольно поздно. Несмотря на то, что материа-

лы так и не были полностью опубликованы, среди датирующих вещей этого памятника автор раскопок перечисляет бронзовые трехлопастные наконечники стрел скифского типа, характерные для IV—III вв. до н. э., и фрагменты фасосских амфор 350—270 гг. до н. э., по Б.Н. Гракову (Никулицэ 1977: 23—25). С другой стороны, этот поселок, скорее всего, был основан выходцами с близлежащего поселка Ханска «Пидашкэ», который располагался через речку, на противоположном склоне (до 300—400 м), или даже выходцами с городища Ханска «Толоакэ» (до 1 км). Само собой разумеется, что в таком случае не было никакой нужды сооружать полуземлянки в качестве временного жилья.

Таким образом, вполне определенно можно констатировать факт, что для гетских племен, заселивших лесистую зону лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, характерным и основным типом жилища были наземные дома малых, средних и больших размеров, в которых обитали, возможно, отдельные семьи. Что касается больших домов гетов (до 60—70 кв. м), И. Т. Никулицэ считает, что они служили местом обитания крупных коллективов, то есть большой патриархальной семьи. Малые семьи (обитающие в малых и, упущенных, средних размеров жилищах) и большие объединялись, как он предполагает, в патронимии, которые, в свою очередь, составляли разлагающуюся первобытную соседско-большесемейную общину (Никулицэ 1987: 191).

При полном отсутствии хорошо документированных жилых комплексов, происходящих с разных памятников (с возможным хронологическим сопоставлением), трудно что-либо возразить по поводу выводов, сделанных на основании открытия на гетских поселениях больших домов. Такие комплексы исследованы только в Ханске (Лимбарь и Пидашка). Первое поселение, как мы уже отмечали, было основано не ранее IV в. до н. э. (возможно, в начале). Хотя местоположение обсуждаемого сооружения в системе поселка нигде не оговаривается, судя по общему схематичному плану, мы предполагаем, что оно находилось на его восточной окраине. Материалы из большого жилища второго поселения хронологически полностью укладываются в рамки этого же столетия и, если память не изменяет (будучи студентом, руководил одним из раскопок на этом памятнике), этот комплекс располагался почти на самой северной окраине поселка.

Эти немногочисленные косвенные данные дают возможность высказать очень заманчивое

предположение, что дома большой площади, не исключая высказанную И. Т. Никулицэ версию, для гетских поселений явление хронологическое, позднего характера и, кроме того, наверняка, они могут представлять собой одно из проявлений расслоения общества по признаку имущественной дифференциации.

III.5. «Жизнь» гетов после смерти

Жизнь и смерть — это неразделимые категории бытия. Смерть является неперенным и существенным моментом жизни, ее завершением. Исходя из этого, в каждом обществе существовали и существуют определенные социальные формы общения с умершим, равно как и традиционные способы захоронения тела усопшего (Фролов 1987: 431—432). Чем дальше от современности в глубь веков, тем сложнее, при отсутствии письменных источников, определить эти «социальные формы общения». Для гетов, заселявших лесистую зону междуречья Днестра и Прута с конца VI по IV в. до н. э., это практически невозможно. До нас дошли только их материальные остатки — способы захоронения тела, в виде могильников, которые должны быть при каждом поселке, и отдельных погребений вне всякой связи с определенным поселением или вообще вне зоны расселения.

Несмотря на то, что по логике вещей при каждом поселке должен быть отведен специальный участок для захоронения усопших, до настоящего времени на большой площади исследовались только два таких могильника на южном пограничье лесостепи — Дэнчень и Ханска «Лутэрие», хотя мест расположения таких памятников известно больше. Кроме этого, с большой долей вероятности, к гетским древностям можно отнести и отдельные погребения: Пыржолтень, района Кэлэрашь, в Кодрах; Спя, на левобережье Днестра, выше Тирасполя; Олонешть, района Штефан-Водэ, в низовьях Днестра. К так называемым раннегетским комплексам многие исследователи относят и погребение с труположением из Суручень, района Яловень (Лапушнян 1979: 51; Никулицэ 1987: 54; Tkasiuk 1994: 226), несмотря на то, что опубликовавший этот комплекс Г.П. Сергеев определил его как погребение скифского воина (Сергеев 1961: 137—140). К числу скифских древностей, с чем мы не можем не согласиться, это грунтовое погребение было отнесено и А.И. Мелюковой (1979: 144).

С открытием и исследованием первого в регионе могильника, отнесенного к древностям

гетов IV—III вв. до н.э. — Ханска «Лутэрие», из 48 или 68 погребений которого опубликованы только 13 комплексов (Никулицэ 1969: 134—145), в литературе укоренилось мнение, что для этих племен был характерен биритуализм. При этом уточнялось, что обряд трупоположения, при преобладании трупосожжений, по всей вероятности, является продолжением более древних традиций, сохранившихся не только у гетов, но и у южных фракийцев (Никулицэ 1972: 120—121). При выделении на многослойном могильнике Дэнчень горизонта раннего железного века, к которому были отнесены 42 комплекса, «материалы которых позволили сомкнуть культуру фракийского гальштата и гетскую IV—III вв. до н.э. и выявить памятники раннегетской культуры VI—V вв. до н.э.» (Лапушнян 1979: 18), этот тезис получил дополнительную аргументацию. Именно на основании этого могильника был обоснован не только биритуализм у гетов, но и выделен горизонт памятников, схожих между собой своей неоднородностью. Этот горизонт гето-скифских древностей, по мнению М.Е. Ткачука, представляет собой первый этап проникновения гетских элементов из Южно-Дунайского региона в Карпато-Днестровские земли (Ткасиук 1994: 226—228). Вопрос этот мы уже обсуждали, нет смысла повторяться, так что вернемся к погребальному обряду гетов.

На фоне изложенных соображений видно, что из более 250 гипотетических могильников исследовались только два и, по странному стечению обстоятельств, один из них (Дэнчень) общепризнанно относится к ранней поре (VI—V вв. до н.э.) присутствия гетов в регионе, а второй (Ханска «Лутэрие») — к так называемому классическому периоду. Материалами обоих памятников интенсивно оперируют в литературе, хотя детальной публикации каждого комплекса (кроме 13-ти из второго) не существует. Именно такая ситуация и позволяет каждому исследователю, затрагивающему вопрос погребального обряда гетов, выдергивать из общей массы нужные ему материалы и манипулировать ими. Нам ничего не остается, как последовать их примеру, попробовав при этом восстановить всю информацию и соотнести вещи с комплексами.

Информация о могильнике Дэнчень нам доступна только из монографической работы В.Л. Лапушнян (1979), где она разбросана почти по всем главам. Однако основная информация о погребальном обряде, выдержки из которой мы приведем ниже, сконцентрирована в соответствующем параграфе (Ла-

пушнян 1979: 50—60). Из него мы узнаем, что могильник расположен на высоком плато коренного правого берега р. Ишновэц, возвышающемся над поймой на 10—12 м. Что касается его планировки, автор предполагает существование компактных групп погребений, расположенных на некотором расстоянии одна от другой.

Могильник биритуальный, из 42 захоронений 27 совершены по обряду сожжения в простых ямах округлых или прямоугольных в плане очертаний. В одной из таких ям (погр. 86) было устроено коллективное захоронение четырех индивидов, сожженные останки которых были помещены в отдельных неглубоких ямках на дне погребения. Относительно способа помещения кремированных останков в захоронениях отметим, что в большинстве случаев (22 из 27) кальцинированные кости ссыпались непосредственно на дно погребальной ямы или камеры (погр. 42, 80, 83, 85 и др.). Оставшиеся 5 погребений — урновые, остатки кремации помещались в крупных глиняных сосудах, иногда накрытых крышкой — использовались крупные фрагменты сосудов или даже горшки. Изредка в тех и других погребениях встречаются сопровождающие сосуды — миски, кувшины, небольшие горшки и чарки, и лишь в отдельных случаях среди остатков сожжений найдены бронзовые наконечники стрел.

По отношению к сожжениям автор делает вывод, что этот обряд в гетских древностях конца VI — начала IV в. до н.э. не претерпел сколько-нибудь существенных изменений и сохранил основные черты культур фракийского гальштата.

Захоронения по обряду трупоположения на могильнике Дэнчень (15 погребений) в большинстве случаев ограблены, что иногда затрудняет определение ориентировки и положения погребенных. Хоронили в основном в простых прямоугольных ямах (9 погребений), однако в четырех случаях захоронения были совершены в больших глубоких камерах с дерево-глинобитным перекрытием, которое иногда опиралось на столбы, располагавшиеся по углам камеры. В двух случаях захоронения были совершены в ямах с подбойной погребальной камерой, вырытой в северной стене. Из 12 погребенных, ориентировку которых можно определить (только два целых, п. 73 и 180), 7 были уложены головой на юго-восток, 3 — на восток (в том числе п. 180), 1 — на запад, 1 — на северо-запад (п. 73). Положение усопших — лежа на спине с вытянутыми вдоль тела руками. В качестве сопровождающего погребально-

го инвентаря, о котором трудно судить из-за ограбления могил, чаще всего встречаются бронзовые наконечники стрел. В неразрушенном 73-м комплексе их было 7 бронзовых базисных и один костяной пулевидный, а также железный нож с горбатой спинкой и пластинчатой рукоятью. Такие же бронзовые наконечники (5 экз.?) и усеченно-коническая восьмигранная ворворка обнаружены в другом неограбленном погребении. И в большей части разграбленных погребений были обнаружены аналогичные наконечники стрел, а в 43-м захоронении, кроме того, в западном углу, куда грабители не добрались, найдена и гончарная серолощенная миска. В двух других разрушенных комплексах (п. 211 и 346) сохранилось по одному крупному железному наконечнику копья с железным втоком (не уточняется, но, видимо, они были уложены возле стенки, и до них не добрались).

Для труположений Дэнченского могильника, заключает В.Л. Лапушнян, устройство погребальных камер обнаруживает некоторое сходство с конструкцией подкурганых могильных ям скифских погребений Поднепровья. Кроме того, набор находок из этих комплексов близок к ассортименту инвентаря скифских погребений того же Поднепровья и также отражает сильное влияние скифской культуры (Лапушнян 1979: 58—59).

Не вдаваясь в некоторые подробности, которые можно еще собрать в упомянутой монографии, попробуем уточнить хронологические рамки отдельно для могильника Дэнчень. Для отнесения этого памятника к концу VI—V вв. до н. э. существенное значение имеют находки в культурном слое фрагментов чернолощенной керамики с отчетливо выраженными каннелюрами. Она происходит из распаханых трупосожжений и не встречается в более поздних гетских комплек-

сах. К этому же времени относятся и миски с наколами по внутренней стороне венчика. Они имеют аналогии в керамике курганов скифского времени VI—V вв. до н. э., где также встречаются совместно с базисными и широкими опорновтульчатыми бронзовыми наконечниками стрел, основное время господства которых, по А.И. Мелюковой (1964: 22), падает на V в. до н. э. Поздний рубеж определен по характерным для гетской посуды горшкам и мискам и удлиненным базисным башнеобразным бронзовым наконечникам стрел, время бытования которых, опять-таки по А.И. Мелюковой (1964: 24), приходится на V—IV вв. до н. э. Наиболее поздние материалы могильника, уточняет автор, относятся к концу V — началу IV вв. до н. э. (Лапушнян 1979: 20—23). Таково фактологическое изложение материалов и выводов по могильнику Дэнчень, которые были взяты за основу при выделении горизонта памятников типа Пыржолтень-Дэнчень, связанных между собой своей неоднородностью и представляющих, по некоторым мнениям, гето-скифский симбиоз первого этапа проникновения в этот регион гетских элементов (Ткасиук 1994: 226—228; Бруяко 2003: 19—20).

Все это выглядит довольно логично и правдоподобно, если бы не одна деталь. И.В. Бруяко в своем автореферате пишет: «Некоторая корректировка хронологии могильника (Дэнчень — А. Л.), предпринятая в [диссертационной] работе, заключается в удревнении его начальной даты до первой пол. VI в.» (Бруяко 2003: 20). Казалось бы, такое положение вещей должно свести на нет всю нашу концепцию относительно времени и условий появления гетов в регионе (Levinschi 2005: 66—69). Однако, даже не вдаваясь в подробности аргументов автора, в чьей правоте мы несколько не сомнева-

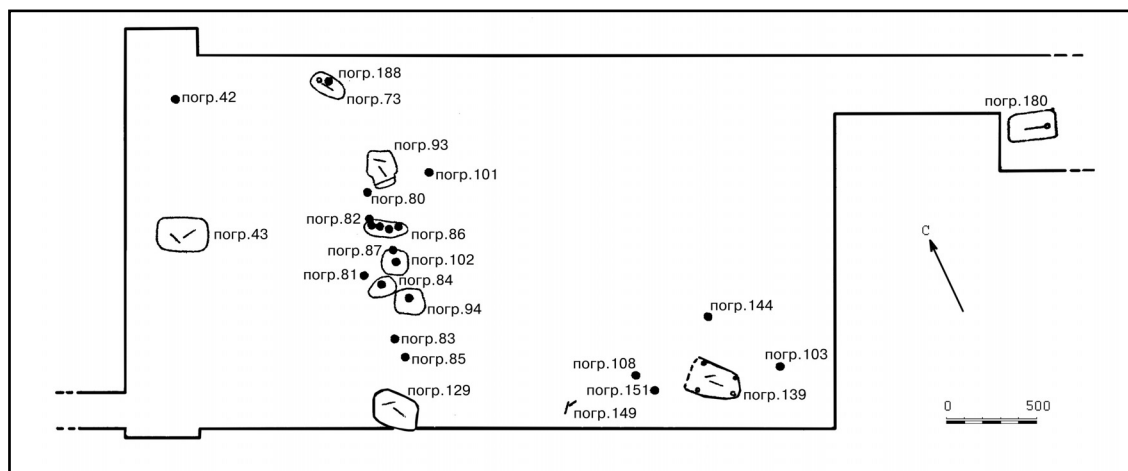

Рис. 5. План могильника VI—V вв. до н. э., Дэнчень, 1975 г. (по: Лапушнян 1979: 52, рис.13).

емся, такой вывод можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу наших наблюдений и умозаключений, сделанных на основании доступной информации о могильнике Дэнчень. В чем тут суть?

Чтобы разобраться в этом, приступим и мы к «манипуляции» комплексами и находками этого памятника.

Судя по плану раскопок 1975 г. (Лапушнян 1979: 52, рис. 13), на могильнике выделяются две компактные группы комплексов и три отдельно расположенных погребения (рис. 5). Группы включают как сожжения, так и трупоположения. В одной из них (А) комплексы расположены неширокой полосой, вытянутой по направлению север-юг, а во второй (В) — по линии восток-запад. Основная часть сожжений в группе А сконцентрирована между двумя разрушенными трупоположениями (93 и 129), а в группе В — вокруг разрушенного погребения 139. Групповое расположение захоронений указывает на то, что комплексы могут быть синхронными или оставлены одной группой населения.

Вопреки этому логичному выводу из текста, мы узнаем, что основная часть трупоположений разрушена, в то время как сожжения этому процессу не подвергались (Лапушнян 1979: 58). Ненарушенными оказались лишь отдельно расположенное погребение 180 и находящееся чуть в стороне, в крайнем северном положении группы А, погребение 73. Однако этот последний комплекс, судя по плану (в тексте не уточняется), перекрыт погребением 188 по обряду сожжения. По нашей логике, эти последние факты свидетельствуют в пользу того, что эти две категории погребений все-таки одновременные, и трупоположения предшествуют сожжениям. По большому счету, в таком случае может идти речь о двух отдельных могильниках. Разница во времени между ними, судя по всему, не такая уж большая. К моменту начала функционирования второго могильника, по обряду сожжения, от предыдущего еще большей частью были видны могильные холмики или не дошедшие до нас деревянные знаки неизвестной нам формы.

Только таким образом можно объяснить групповое расположение погребений, разрушение трупоположений или их перекрытие сожжениями и оставшиеся ненарушенными погребения по обряду сожжения. Кстати, захоронения первого могильника были разрушены, скорее всего, носителями обряда кремации. В пользу такого предположения свидетельствуют, в частности, фрагменты типично скифского горшка (Лапушнян 1979:

рис. 30, 1) из коллективного сожжения 86. Вопреки тому, что этот же горшок использован для аргументации скифо-гетского синкретизма могильника (Ткасиук 1994: 226), к этому сожжению он имеет лишь косвенное отношение и ритуально не связан каким-либо образом с носителями обряда сожжения. Во-первых, все четыре захоронения погребения 86 являются безурновыми (Лапушнян 1979: 53—54, рис. 14, 5) и, во-вторых, нигде в тексте не упоминается о наличии при каком-либо из этих захоронений сопровождающих жертвенных сосудов. Логично сделать вывод, что фрагменты скифского горшка происходят, скорее всего, из заполнения, куда они попали в процессе засыпки, будучи выброшены на поверхность земли при разрушении, к примеру, близлежащего трупоположения 93.

О одновременности разнообрядовых комплексов на памятнике Дэнчень можно судить также по типологически и хронологически разным наконечникам стрел, обнаруженным в тех и других захоронениях. Так, если внимательно просматривать информацию по комплексам и находкам, легко заметить, что в погребениях с трупоположением найдены небольшие колчаны с базисными и широкими опорновтульчатыми наконечниками стрел (Лапушнян 1979: 23) пятого типа по А. И. Мелюковой (1964: 21—22). Такие же наконечники характерны для колчанного набора из расположенного по соседству погребения скифского воина у с. Суручень (Сергеев 1961: 137—138) и для отдельно расположенного сожжения из Пыржолтень (Лапушнян 1979: рис. 3). Они широко распространены в VI—V вв. до н.э. и значительно реже встречаются в комплексах V — начала IV в. до н.э. (Мелюкова 1964: 21—22, табл. 7). Правда, позже С. В. Полин предложил удревнить время появления указанных типов наконечников стрел (опорновтульчатых) до первой пол. VI века (Полін 1987: 28). С другой стороны, расположение опорновтульчатых наконечников стрел скифского типа в контексте средневропейских древностей NaD₁ или еще раньше, как это заметил И. В. Бруяко, должно означать, что скифские комплексы с базисными наконечниками стрел могут датироваться, в том числе, и первой половиной VI в. до н.э. (Бруяко 2005: 239).

Что касается сожжений, в них найдены отдельные удлиненные базисные башнеобразные наконечники стрел (Лапушнян 1979: рис. 6,10—11; 7), для большей части которых нет никакой информации об условиях нахождения, однако в подписи к рисунку

они фигурируют как инвентарь могильника Дэнчень. По классификации А. И. Мелюковой такие наконечники относятся к 9 типу, время бытования которых приходится на V—IV вв. до н.э. (Мелюкова 1964: 24, рис. 1).

Последнее, на что хотелось бы еще обратить внимание, — это немногочисленная типично гетская лепная керамика, которая обнаружена только в некоторых сожжениях и абсолютно отсутствует в труположениях. Пожалуй, и это можно считать аргументом в пользу одновременности комплексов по обряду ингумации и кремации; первые предшествуют вторым.

Таким образом, феномен могильника Дэнчень, выражающийся в сочетании в его погребальной обрядности фракийских и скифских черт, которые и определяют тот своеобразный скифо-фракийский культурный синкретизм (Бруяко 2003: 19), на самом деле включает в себя два одновременных и разнотнических памятника — раннескифский и гетский. Не вдаваясь в хронологические разработки, которые в данном контексте не настолько важны, отметим, что удревнение начальной даты могильника до первой половины VI в. до н.э., предложенное И. В. Бруяко (2003: 20), вполне правомерно и основано, скорее всего, на материалах раннескифского могильника Дэнчень. Датировку последних захоронений на нем вряд ли следует растянуть и за пределы конца этого же столетия.

Что касается гетского могильника Дэнчень с сожжениями, он также небольшой, всего 27 погребений. Концом V — началом IV в. до н.э. датируются наиболее поздние его находки (Лапушнян 1979: 23), и у нас пока нет особых оснований продлить сильно вниз за обозначенные пределы время существования этого памятника. Что касается его характеристики, то мы не будем повторяться, так как она полностью соответствует описанным выше погребениям по обряду кремации, выделенным В. Л. Лапушняном. К выдержкам из его работы мы добавим лишь некоторые наши соображения.

В первую очередь обращает внимание наличие на гетском могильнике большого количества погребений, в которых были найдены бронзовые наконечники стрел. Автор исследования перечисляет нам пять (п. 86, 104, 151, 236, 243), а из таблиц мы нашли еще и п. 87 (Лапушнян 1979: 59 и рис. 6, 9). Такой большой процент погребений с оружием на гетских грунтовых могильниках сопредельных территорий нам не известен, а здесь они составляют почти одну четверть всех комплексов и, в отличие от скифского

могильника Дэнчень, в котором наконечники составляют небольшие колчаные наборы, в сожжениях они упоминаются по одному. Судя по рисункам, это разные варианты одного и того же упомянутого 9-го типа по классификации А. И. Мелюковой и, естественно, они одновременные.

Изложенные выше наблюдения заставляют нас предполагать, что и большая часть захоронений совершена одновременно. Так называемый несвойственный гетам погребальный инвентарь в виде однотипных бронзовых наконечников стрел, в данном случае, может указывать на причину смерти части погребенных: наконечники представляли собой застрявшее в теле оружие. Наши подозрения не лишены оснований, если учесть и наличие на могильнике коллективного захоронения четырех индивидов (п. 86), при одном из которых, судя по информации (Лапушнян 1979: рис. 6, 11), был обнаружен аналогичный наконечник стрелы.

Взятые вместе, высказанные соображения позволяют предположить, что небольшой могильник Дэнчень, с сожжениями, возник (хотя, равным образом, прекратил свое существование) после захоронения на нем погибших при налете скифских отрядов на близлежащие гетские поселки. Произошло это событие не позднее самого начала IV в. до н.э.

Закончив «манипуляцию» материалами могильников Дэнчень, можем утверждать, что еще в V веке (по крайней мере, во второй его половине) единственным погребальным обрядом у гетов была кремация усопших с захоронением остатков сожжения в простых неглубоких ямах, при этом кальцинированные кости укладывались в урны или просто на дно ямы. Изредка встречается и погребальный инвентарь — сопровождающие сосуды, и очень редко другие вещи, в нашем случае — железный нож с горбатой спинкой.

Могильник Ханска «Лутэрие», по данным автора исследования (Никулицэ 1972: 105), находится на восточной верхней окраине мыса, на западной стороне которого, в 200—250 м, раскапывалось одновременное поселение Ханска «Толоакэ» (Рикман, Никулицэ 1985: 118—124). По поводу поселения мы уже высказали свои соображения, что его можно отнести к категории укрепленных, расположенных на вершине высокого холма, с круговой системой защиты (смотри соответствующий раздел). В таком случае могильник, почти однозначно, относится к этому укрепленному поселку, хотя нам невозможно пока определить, располагался ли он в пределах оборонительной системы или вне ее.

Рис. 6. План могильника IV—III вв. до н.э. Ханска-Лутэрие (по: Никулицэ 1987: 118, рис. 39).

Во всяком случае, от поселения он растянулся с запада (ЗСЗ) на восток (ВЮВ) вдоль склона, полосой в 25—40 м.

На не полностью исследованном могильнике, судя по общему плану раскопок (Никулицэ 1987: 118, рис. 39), были обнаружены как погребения с сожжениями (60 комплексов), так и труположения (8 погребений). И. Т. Никулицэ настаивает на том, что в центре могильника погребения расположены особенно густо, и реже на окраине. Оба вида захоронений залегали почти на одной глубине и располагались вперемешку, и только в северо-восточной части второй вид расположен компактно. Кроме того, комплексы идут с юга на север рядами поперек мыса, и разрушения ранних захоронений более поздними не замечены (Никулицэ 1972: 106).

По поводу изложенной выше характеристики планировки памятника мы выскажем свои соображения, продиктованные уже упомянутым планом захоронений остатков сожжений (рис. 6). Из него видно, что сожжения составляют основной и компактно-удлиненный массив захоронений, который растянут вдоль склона, слегка разрежен в центрально-восточной части и более уплотнен в восточной. Погребения разбросаны без видимой системы, однако в этом хаотичном расположении очень четко выделяются одиночные комплексы, очень многие захоронения составляют пары, а к некоторым парам примыкают по одному или два дополнительных комплекса. При таком взгляде на взаиморасположение погребений с сожжениями их хаотичность уже приобретает определенный смысл — это группировка по родственно-семейному принципу.

Что касается ингумаций, большая их часть расположена на довольно приличном расстоя-

нии (к северо-востоку) от основной массы сожжений, на нижней по склону периферии раскопанной части некрополя, и только два комплекса вклинились в центр их восточной периферии. Пустое пространство между сожжениями и северными и северо-восточными труположениями не заполнено даже комплексами первых веков нашей эры по обряду кремации (Рикман 1975, 264, рис. 31, 1). Они как бы отторгнуты от основной массы и друг от друга, и только в северо-восточном углу на стыке двух перпендикулярно расположенных (нарушенных) костяков «затерялось» одно сожжение. Погребения из центра восточной периферии, судя по всему, как и остальные подобные комплексы, первоначально располагались в стороне от основного места захоронений, и только при расширении могильника в более удаленную от поселка сторону они вклинились среди сожжений, обходя их на приличном расстоянии.

Таковы соображения относительно внутренней планировки раскопанной части могильника Ханска «Лутэрие», а для того, чтобы разобраться с обрядами погребения, рассмотрим отдельно каждый вид захоронений, следуя опубликованным обобщенным данным по состоянию на 1969 год (Никулицэ 1972: 105—121).

Остатки кремации обычно погребали в неглубоких, округлой формы, ямах диаметром 0,5—0,8 м, в основном в пределах черноземного слоя (до 0,4 м), и очень редко глубина ям достигала материка (до 0,7 м). Большей частью они одиночные, однако найдено и одно парное, состоящее из двух отдельных урн (п. 46).

В ямах остатки кремации помещались по-разному. Из 33 учтенных на то время сожжений 22 были урновые (68%) с крышкой (12 п.) или без нее (10 п.). В других 5 случаях (15%) кальцинированные кости были обнаружены на дне ямы в виде небольшой кучки (были завернуты в ткань?), и в 6 случаях (18%) немногочисленные фрагменты кальцинированных костей вместе с обломками керамики выявлены в черноземном слое в виде скоплений различных размеров.

В урну, как пишет автор, остатки кремации укладывались в анатомическом порядке — на дне кости черепа и далее в порядке следования, а сверху — остатки нижних конечностей. При остатках кремации иногда клали сосуды с жертвенной пищей, а среди кальцинированных костей, тоже иногда, попадались глиняные или стеклянные бусины, глиняные пряслица, и в одном случае (п. 31) золотая серьга.

О формах глиняных сосудов, использованных под урны, ничего не говорится, зато уточняется, что в качестве крышек использовали в основном лепные сосуды местного производства — горшки, миски, реже кувшины или чаши небольших размеров. Вверх дном они перекрывали полностью урну или находились в ней, накрывая кальцинированные кости.

Обряд кремации трупа совершался, по мнению И. Т. Никулицэ, на окраине могильника, в специально отведенном для этого месте — крематории, сооруженном в юго-восточной удаленной от поселка части (расстояние не уточняется), в обрыве мыса. Там, в большой яме глубиной 1,75 м, находилась подпрямоугольная купольная печь (1,9—2 × 1,55—1,8 м) с невысоким полукруглым сводом и устьем к югу, где располагалась предпочная яма полукруглой формы (1,05 × 0,6 м) с округлым дном, покрытым слоем обожженной глины. В ней, по мнению автора, догорало топливо после чистки печи. Находок при крематории никаких.

Захоронений посредством ингумации раскопано 9 (далее в тексте и на плане их всего 8). Они были совершены на небольшой глубине, в черноземном грунте (форма и размеры ям не определимы), сохранность костяков очень плохая, и большая часть из них (6 из 8) сильно разрушена, отчего невозможно определить их первоначальное положение. Однако, уточняет автор, именно эти захоронения сопровождалась сосудами с жертвоприношениями (горшки, миски и пр.).

В одном случае удалось установить (п. 7 или 15?), что усопший был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, а в двух других (пп. 41 и 58) в скорченном положении на правом или левом боку, головой на северо-запад. Ноги у этих последних согнуты в коленях и стянуты к подбородку, а руки прижаты к груди.

Это в основном вся информация по обрядам, которую мы смогли извлечь из упомянутой статьи по могильнику. Сопоставляя ее с другими доступными источниками, мы позволим себе некоторые уточнения и соображения.

Среди погребений по обряду сожжения автором раскопок были выделены три способа помещения остатков кремации в могиле, с внутренним преобладанием захоронений в урнах, большая часть которых накрыта крышкой. Среди последних, из 12-ти комплексов (Никулицэ 1972: 112), у нас есть возможность сверить по публикации 4 погребения из этой категории — 16, 23, 25 и 26 (Никулицэ 1969: 135—137). Первое из них представляло собой

большой сосуд, заполненный кальцинированными костями и накрытый миской, которая была уложена на сосуде вверх дном. В погребении 23 урна представлена верхней частью большого сосуда, а крышка-миска — отдельными фрагментами венчика и днища. Следующий комплекс (25) вообще состоял из небольшого скопления сожженных костей и множества обломков лепных сосудов. Из этой массы И. Т. Никулицэ счел урной фрагменты большого сосуда, форму которого установить не удалось, а крышкой — обломки миски. Наконец, погребение 26 представлено кувшином с двумя Г-образными ручками (а не венчиком), заполненным кальцинированными костями, сверху которых лежали фрагменты небольшой чаши (крышка).

Из приведенных данных можно сделать вывод, что в этот выделенный способ захоронения включены и некоторые условные комплексы, хотя часть из них, скорее всего, является плодом фантазии исследователя. Даже более того, если сопоставить одно из упомянутых (№ 19) захоронений кальцинированных костей в простой яме (Никулицэ 1972: 108), то в опубликованном варианте читаем следующее. Погребение «...состоит из большого сосуда с ручками-упорами (...) заполненного сожженными человеческими костями, которые лежали в последовательном порядке: на дне сосуда — обожженные части черепа, кистей рук, наверху — сожженные кости ног» (Никулицэ 1969: 135). Судя по описанию, это, наверняка, урновое захоронение без крышки, и оно не имеет ничего общего с простыми ямными комплексами.

Несмотря на это, даже при наличии высказанных недоразумений, мы не можем отрицать существование определенных норм при захоронении остатков обряда сожжения усопших. Не исключено, что способы могут быть и те, которые были выделены автором раскопок, однако в различных вариантах и при ином численном соотношении. Нам сейчас трудно судить об этом в отсутствие хорошей документации раскопанной части памятника.

По поводу ингумаций, по сохранившимся костякам, автор выделил два положения усопших — вытянуто на спине (7 и 15) и скорчено на левом или правом боку (41 и 58). И в том и в другом положении усопших клали головой на северо-запад (Никулицэ 1972: 115). В такой ситуации нас смутил тот факт, что на общем плане могильника (Никулицэ 1987: 118) один из символов указан головой на восток (без уточнения номера). Из упомянутых автором комплексов по публикации можно проверить только погребение 15, номер которого отсут-

ствуует как относящийся к первым векам нашей эры (Никулицэ 1969: 134—135). Однако под номером 14 описан смещенный костяк, по поводу которого читаем: «Судя по расположению сохранившихся частей скелета, костяк лежал на спине, головой на *восток* (курсив мой — А.Л.). Возле черепа, в 8 см к югу от него, найдено небольшое скопление фрагментов лепного зерновика красного цвета. Такие же фрагменты обнаружены и в области расположения ног. Эти фрагменты принадлежат двум различным сосудам одинакового типа. Кроме того, найдены фрагменты керамики черного цвета, неравномерного обжига, и три обломка печины». Наверняка это не то погребение, которое отмечено символом на плане могильника. Судя по нумерации комплексов первых веков нашей эры (Рикман 1975: 264), в той зоне могло находиться только скорченное погребение 58, которое, опять-таки, фигурирует как ориентированное на северо-запад. В связи с этим нам трудно понять: это какие-то недоразумения или специальная подтасовка материалов?

Мы не случайно привели и полное описание погребения 14 (15?), так как оно фигурирует среди захоронений с глиняными сосудами, оставленными при покойнике в качестве жертвоприношения. По поводу этого мы видим три больших недоразумения:

1. Во-первых, вместо сосудов упомянуты небольшие скопления фрагментов зерновиков. Если бы это были действительно сосуды с жертвоприношениями, то от них при разрушении могилы, по нашему разумению, должны были остаться хотя бы части венчиков или чего-либо в существенном количестве;

2. Во-вторых, зерновики никогда не упоминаются в качестве урн или сосудов с жертвоприношениями, и более того, термин «зерновик» чужд для номенклатуры гетской керамики, которую нам дает сам автор раскопок (Никулицэ 1977: 109—112);

3. В-третьих, непонятно, какая может быть связь между погребенным, так называемыми сосудами с жертвоприношениями и обломками печины.

Чтобы не продолжать список недоразумений и по другим позициям, мы осмелимся выразить свое отношение по поводу выявленных на могильнике ингумаций. При условии, что большая часть этой категории комплексов синхронна сожжениям, способом ингумирования были захоронены чужаки-иноверцы, или вообще колдуны или другие члены общины, недостойные предстать в мир иной по установленной традиции. В пользу такого вывода свидетельствует, как мы уже отмеча-

ли, их окраинное расположение на территории могильника, неустойчивое положение усопшего и различная ориентировка костяков. Ко всему этому, мы не исключаем, что некоторые комплексы могут относиться и к древностям первых веков нашей эры.

Подводя итог этому затянувшемуся «расследованию», пожалуй, нам приходится констатировать, что характерным погребальным обрядом гетов, оставивших могильник Ханска «Лутэрие», как и в случае с гетским могильником Дэнчень, было сожжение с захоронением остатков кремации в небольших и неглубоких ямах. В способах предания земле остатков погребального костра, скорее всего, были определенные закономерности, однако, судя по различным комбинациям находок в погребениях, они не были строго регламентированы. В землю закапывали все то, что осталось. Основные действия обряда происходили от момента наступления смерти человека и до его сжигания на костре.

Что происходило у гетов в этом промежуток времени, нам неизвестно. Правда, Геродот, рассказывая о некоторых из обычаев фракийцев (многочисленные племена Фракии — в основном современная Болгария), пишет: «V, 8. *Погребальные обряды богатых фракийцев вот какие. Тело покойного выставляют на три дня. При этом закалывают жертвенных животных всякого рода и после погребальных воплей устраивают тризну. Затем тело сжигают или иным способом предают земле и, насыпав курган, устраивают различные состязания. Высшие награды назначаются за единоборство, смотря по важности [состязания]. Это погребальные обычаи фракийцев».*

Если исходить из информации Геродота, тело умершего предавалось огню на третий день после смерти, когда устраивалась и поминальная тризна, прежде чем проводить душу покойного в мир иной. В этот же день жертвовали богам разных животных, им преподносилась пища и напитки. Все эти жертвенные дары, скорее всего, клали на погребальный костер, чтобы они сопровождали душу умершего. Судя по всему, когда поджигался костер, тогда начинался и поминальный пир, во время которого славили умершего.

Практикование гетами обряда сожжения свидетельствует в пользу того, что они, судя по всему, были огнепоклонниками, у них был в почете культ огня. Для них огонь — символ очищения. Кроме того, исходя из символики, сжигание является непременным условием перехода на более высокий уровень существования. Фундаментальный смысл сожжения

в качестве погребального обряда находит выражение в том, что бессмертная душа, отделенная огнем от своей телесной оболочки, поднимается к небесам. Послание людей — призыв, мольба, жертвоприношение — непременно доходит до божества, благодаря дематериализации посредством действия огня, и возносится к небесам в виде дыма (Chevalier, Gheerbrant 1969).

Возвращаясь к обряду сожжения у гетов, по отношению к могильнику Ханска «Лутэрие» И. Т. Никулицэ пишет, что кремация трупа совершалась на специально отведенном для этого месте на окраине могильника, где им была обнаружена упомянутая выше печь, названная крематорием (Никулицэ 1972: 113—114). Исходя из описания расположения и конструктивных данных печи (в том числе невысокий свод), мы хотели представить себе, как происходил там обряд сожжения. В итоге пришли к выводу, что автор где-то прав — «кремировать труп» в такой печи (по мнению моего коллеги С. И. Коваленко), видимо, можно (расчленив его), однако совершить обряд сожжения, по нашему мнению, вряд ли мыслимо. Это во-первых. Во-вторых, при длительном ее использовании наверняка должна была затеряться где-то хотя бы одна небольшая кальцинированная косточка или что-либо еще, но, как утверждает автор раскопок, находок никаких не обнаружено. В-третьих — комплекс был датирован IV—III вв. до н.э. только на основании устного сообщения Г. Ф. Загния о результатах археомагнитных исследований образцов пода печи, которые были направлены в лабораторию Института геофизики АН УССР (Никулицэ 1972: 114). Однако магнитная датировка, в отличие от радиоуглеродной, не определяет непосредственно абсолютный возраст, и кроме того, магнитные датировки археологических памятников возможны только там, где имеются региональные эталонные графики (Мартынов, Шер 1989: 185—186).

Не вникая в детали и дискуссии, отметим, что в устном сообщении специалиста, скорее всего, были высказаны и определенные сомнения насчет такой датировки, так как И. Т. Никулицэ добавляет далее: «Если эти данные верны...».

Таким образом, если учесть изложенные выше соображения, единственным достоверным фактом взаимосвязи между печью и могильником является обнаружение печи в обрыве мыса, на юго-восточной окраине могильника.

Ко всему прочему, следует уточнить, что специальные сооружения для кремации тру-

пов — крематории — начали использовать только со второй половины XIX века (Милан, 1876 г.), в то время как обрядовое сожжение издревле совершалось и совершается до настоящего времени на кострах (БСЭ 13, 1973: 372—373).

Изложенные выше умозаключения и факты позволяют нам сильно усомниться в том, что обнаруженная возле могильника печь служила местом для совершения обряда сожжения жителями близлежащего поселения.

Тогда где и как?

Логично было бы предположить, учитывая информацию Геродота (V. 8) и значение огня как символа очищения и передачи посланий к богам посредством дыма, что обрядовое сожжение проводилось на территории самого поселения. В логической последовательности напрашивается вывод, что для этого на поселении должно было быть отведено специально обустроенное место. Насколько нам известно, вопреки этой логичной последовательности, нигде на поселениях гетов еще не отмечены подобные комплексы или сооружения, которые хоть отдаленно могли бы соответствовать такому предназначению. Ничего подобного не обнаружено и на поселении Ханска «Лимбарь», раскопанном на большей части площади (Никулицэ 1987: 110—111).

В качестве выхода из тупиковой ситуации мы осмелимся изменить акцент в указанной выше логической последовательности, предположив, что вся погребальная обрядность, вместе с ритуальным сожжением на костре, совершалась каждой семьей в отдельности, при своем «дворе». Это были хоть и мощные, но разовые костры, не оставляющие ощутимых прожогов на поверхности земли, которые, кроме того, со временем затаптывались и исчезали, или в процессе раскопок им не всегда можно придать значение.

Такой логический подход в данной ситуации выглядит вполне разумным, так как именно семья хоронила усопшего, и она должна была заботиться о том, чтобы при этом соблюдались все обычаи и обряды. Также при доме сооружался и костер для ритуального сожжения, на который на третий день клали тело умершего (на специальном подиуме?), жертвенную пищу и напитки. Посуда, как для пищи, так и для напитков, могла быть глиняной или деревянной, в зависимости от того, у кого что есть и сколько. После прощальных воплей, скорее всего, поджигался костер и, пока он горел, устраивалась тризна (поминальный стол). Лишь после того, как погас костер, из него выбирались останки умершего, которые укладывались в уцелевшие сосуды из-под

пищи (в описанном при обнаружении порядке), в ткань или в мешочек. Возможно, просто во что-то сгребали все то, что осталось от погребального костра, вместе с обломками разбитых сосудов, и только после этого остатки сожжения предавали земле на специально отведенном месте (кладбище), в небольшой яме, насыпав сверху небольшой холмик-курган.

Только таким образом можно объяснить и обнаруженные при раскопках различные вариации в способах укладки остатков сожжения в ямах, о которых мы упоминали при описании находок на могильнике Ханска «Лутэрие». Не исключено, что вместе с остатками сожжения в яму могли класть и дополнительную сопутствующую пищу и напитки, о чем свидетельствуют расположенные на дне ямы кальцинированные кости и возле них сосуды (Bogoffka, Trohani 2003: 139—198). Но это лишь предположение, так как у нас нет никаких данных относительно присутствия или отсутствия их вторичного обжига.

Это, пожалуй, все, что можно сказать о погребальном обряде гетов вообще и, в частности, тех, что обитали на близлежащем укрепленном поселении Ханска «Толоакэ». При этом мы, естественно, не исключаем, а наоборот, предполагаем наличие каких-то специфических проявлений обряда сожжения на могильниках других поселений. Несмотря, однако, на всякие специфические проявления в захоронении остатков кремации, несомненным остается факт, что, исходя из специфики религиозных воззрений гетов среди прочих фракийцев, их характерным погребальным обрядом было сожжение.

Устойчивость такой традиции во времени и пространстве (в пределах междуречья Днестра и Прута) можно проследить по упомянутым одиночно обнаруженным погребениям — Пыржолтень, Олэнешть и Спя.

Самым ранним считается погребение с сожжением у села Пыржолтень (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 68—69), которое датировано концом VI — первой половиной V в. до н.э. (Лапушнян 1979: 19—20). Оно обнаружено на высоком склоне долины, на северо-западной окраине села. В литературе его принято считать составной частью могильника, однако возможное ближайшее к нему поселение было обнаружено В.С. Бейлекчи на противоположной стороне села, в 3-х км к востоку — юго-востоку от его окраины (Arnăut 2003: 245), кроме того, других погребений при строительных работах там не обнаружено.

Погребение у с. Пыржолтень, в своем роде, уникально для региона. Судя по публикации,

это было сооружение с дерево-глинобитным перекрытием. Могильная камера имела прямоугольную в плане форму размерами 320×200 см и глубину 190 см. Ориентировка, по тексту, с юго-запада на северо-восток, а по рисунку — с юго-востока на северо-запад. Стенки ее в верхней части слегка вогнуты внутрь и обожжены. Заполнение состояло из обожженного чернозема и глины, а также обожженных кусков обмазки, некоторые из них достигали толщины 20—30 см. На обмазке были видны отпечатки камыша и деревянных плашек. На дне ямы в ее юго-западной части был прослежен слой угля толщиной 3—4 см, а над ним слой золы толщиной 5—8 см. Здесь же расчищены остатки деревянных сгоревших плах толщиной 3—4 см, лежащих вдоль стены. На дне, в восточной и западной частях ямы, выявлены две ямки, диаметром 20 см и глубиной 10—20 см. Все это указывает на то, что погребение было совершено в камере, с дерево-глинобитным перекрытием, которое покоилось на столбах, врытых в дно ямы (Лапушнян 1979: 55, рис. 15). Остатки сожжения были помещены в урну типа «вилланова» и сопровождалась семью жертвенными сосудами. Среди кальцинированных костей были обнаружены остатки украшений из кости, выполненных в «зверином стиле», а также 37 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с короткой втулкой. На дне ямы, рядом с жертвенными сосудами, были уложены железные предметы вооружения: меч-акинак с бабочковидным перекрестием и антенным навершием, массивное копье, боевой нож с завершением рукоятки в виде головы хищника, двудырчатые псалии с согнутыми под углом концами, двусоставные удила и кольцо для упряжи, а также каменный оселок с просверленным отверстием и крупное бронзовое украшение в виде полумесяца (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 68—69; Лапушнян 1979: 18—20, рис. 3—5).

Мы свели воедино полную информацию по комплексу у села Пыржолтень. Он весьма любопытен и достоин полного и детального пересмотра и анализа. Здесь мы не можем себе это позволить, поэтому упорядочим информацию в логической последовательности и представим свои выводы с небольшими комментариями.

Обнаруженный на высоком склоне долины у села Пыржолтень комплекс представляет собой захоронение остатков сожжения (рис. 7) в большой и глубокой прямоугольной яме с сильно скругленными углами, ориентированной, судя по рисунку, с ВЮВ на ЗСЗ. Все, что осталось от погребального

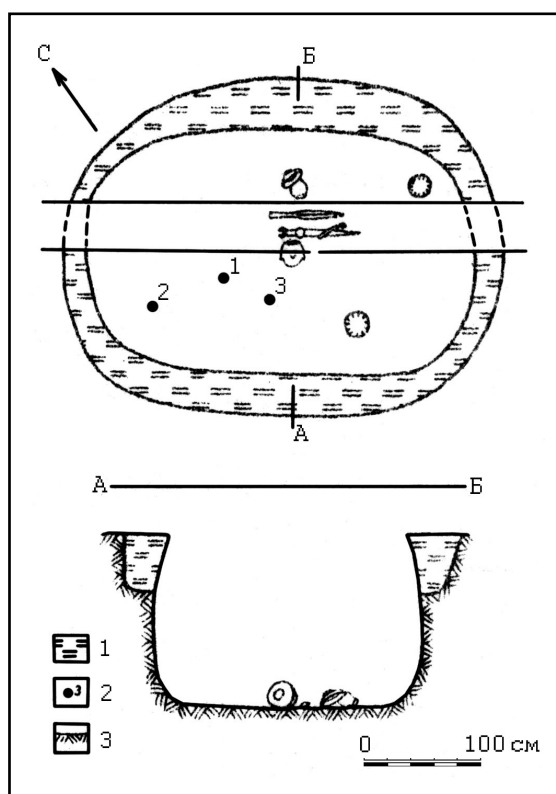

Рис. 7. План погребения в с. Пыржолтень. 1 — обожженная глина; 2 — находки; 3 — материк (по: Лапушнян 1979: 55, рис. 15).

костра, было уложено на дно, по центру ямы. Кальцинированные кости и остатки костюма вместе с колчанным набором были уложены в высокий сосуд-урну и накрыты миской (это видно по рисунку), а рядом были уложены оружие, конская узда (символическое захоронение коня) и сосуды с жертвенной пищей и напитками — с явными следами вторичного обжига.

Судя по инвентарю, это захоронение воина, возможно, предводителя. Хоть и скончался он вдали от родных мест, хоронили его по обычаю. Соорудили возвышающийся над землей настил, перекрыв его деревянными плашками и, возможно, подмазали его глиной. Сверху застелили подстилкой из камыша, на которой уложили тело усопшего, по обычаю, головой на восток-юго-восток или запад-северо-запад. Рядом положили принадлежащие ему лук со стрелами, меч, копье, уздечку коня, а также глиняную посуду с пищей и напитками для богов. Оплавав покойного, соорудили вокруг погребальный костер и подожгли, отправив душу умершего в мир иной. Пока догорал костер, справили тризну, а потом собрали в один из сосудов останки и отдельно остальной инвентарь. Сгребли в сторонку остатки костра — золу, угли и недогоревшие плахи, а по центру кострища выкопали яму, ориентированную по длине по-

гребального костра (смотри ориентировку прожога). На дне ямы, по центру, были уложены остатки сожжения, а под одной из стенок были сброшены и остатки костра, после чего яма была засыпана. При засыпке куски прогоревшего грунта попали в различные части заполнения.

Все высказанное касается упорядочения известных фактов и возможной процедуры совершения обряда. В этом погребении любопытно, однако, совсем другое, если учитывать предложенную для комплекса датировку концом VI — первой половиной V в. до н.э. (Лапушнян 1979: 18—20).

По обряду (сожжение в урне) и по характеру большей части лепной керамики, это погребение типично гетское, раннего периода, каких много на могильнике Равна (Мирчев 1962: 97—164). По типу погребального сооружения — простая прямоугольная или близкая к овалу яма, по размерам и ориентировке (запад-восток) оно типично раннескифское (Ольховский 1978: 83). На скифские традиции, кроме того, указывают фрагменты украшений в скифском зверином стиле и комплекс предметов, характерный для погребений мужчин из кочевнической среды: колчан со стрелами, копье, кинжал, нож, предметы конского снаряжения (Мелюкова 1989: 57). К ним добавим и каменный оселок с отверстием, приспособленный для использования в походных условиях.

Даже не мудрствуя лукаво, в этом комплексе мы наблюдаем удивительный симбиоз гетской и скифской традиции в погребальном обряде и невольно задаемся вопросом, каким образом и где мог бы утвердиться такой симбиоз.

С точки зрения типа погребального сооружения ближайшие аналогии мы находим на грунтовом раннескифском могильнике с труположениями Дэнчень (15 погребений), о котором мы уже упоминали. Там из 12 погребенных с определенной ориентировкой 10 лежали головой на восток или юго-восток (Лапушнян 1979: 57), но датировка могильника опущена до первой половины VI в. до н.э. (Бруяко 2003: 20). Наш комплекс, однако, датируется не раньше конца этого же столетия, когда сожжения в урнах практиковались гетами Южной Добруджи (Равна и другие могильники).

При таком положении вещей уместно вспомнить Фукидида (около 460—396 гг. до н.э.) и его «Истории», во второй книге которых мы читаем: II, 96, 1. «Геты и народы из этого края (по эту сторону Истра) соседствуют со скифами, имеют одинаковое

вооружение и все являются конными лучниками». Ярким свидетельством присутствия скифов в этом регионе служит могильник Челик-Дере (Simion 2003: 247—258), начало функционирования которого восходит к VI в. до н.э. На этом же могильнике, по данным исследователя, известны и сожжения, совершенные в сооружениях, аналогичных подкурганам, которые, кстати, ориентированы головой на восток или юго-восток, а также на юг (Simion 2003: 238), в отличие от скифских степных с преобладающей западной ориентировкой.

В свете изложенного вряд ли нам стоит усомниться в том, что представленный в комплексе у села Пыржолтень симбиоз традиций мог образоваться только к югу от Дуная — в Добрудже. В нашем случае обе традиции, представленные по отдельности в чистом виде, соединены в одно целое. Не исключено, что этот феномен является проявлением смешанного брака или внедрения скифского воина в гетскую среду.

Относительно датировки — в предложенном интервале, конец VI — первая половина V в. до н.э., — мы склонны ограничиться только концом VI века, промежутком, когда еще не стерлись грани между традициями. Что касается происхождения комплекса, то его можно связать с событиями, повлекшими за собой появление гетов в лесной зоне Восточно-Карпатского региона, — походом Дария против скифов (514 или 512 год). Захороненный на высоком склоне долины, скорее всего, был предводителем одной из групп гетов, которая скрылась от преследования скифов в лесах верховьев реки Бык и его притока Рэкэтэу. Будучи раненым, он скончался в пути, и его похоронили по обычаю, как воина, на высоком склоне долины. Недалеко от этого места геты и основали укрепленный поселок (у села Хородиште), а позже и всю небольшую группу поселений этой ограниченной зоны.

Два других отдельно расположенных погребения найдены на Днестре, далеко от основного ареала рассматриваемых гетских древностей. Первое из них, известное в литературе как погребение из Олэнешть (Сергеев 1960: 262—265), обнаружено случайно, где-то между селами Паланка и Тудорова, на правом высоком коренном берегу Днестра, в самих низовьях реки. Второе погребение было обнаружено выше по течению реки, на левом высоком коренном берегу Днестра, на мысу, ограниченном глубокими оврагами, с которого открывался вид на долину реки, к северу от села Спя. В литературе этот комплекс

фигурирует как составная часть разрушенного плантажной вспашкой могильника (Хахеу 1992: 124—125). Однако, участвуя в разведочных раскопках по возможному обнаружению и других комплексов на данном участке, мы можем с уверенностью сказать, что на месте находки не было никаких признаков могильника. Упомянутое автором публикации «наличие фрагментов человеческих необожженных костей на поверхности могильника», которое позволило ему допустить биритуальность могильника, на самом деле представляло собой останки времен Второй мировой войны (в разведочную траншею попал окоп с кожаным планшетом на дне). Кроме всего прочего, ближайшее к комплексу поселение Спя-Гишково (Хахеу 1992: 125—126) расположено на расстоянии более 3 км ниже по течению и, судя по опубликованным материалам, среди которых и фрагмент пухлогорлой хиосской амфоры, оно относится к греко-варварским древностям Нижнего Днестра VI в. до н.э. (Левинский 2007: 21—24; 2009: 53—59).

Таким образом, оба указанных комплекса — наверняка одиночные и находятся вне всякой связи с каким бы то ни было поселением. Судя по керамике, оба погребения гетские, совершены по обряду сожжения. В первом случае (Паланка-Тудорова), исходя из деталей описания (Сергеев 1960: 262—263), захоронение остатков сожжения было совершено на месте погребального костра, в урнах. Во втором случае (Спя) обнаруженное случайно погребение — тоже урновое, однако детали условий обнаружения отсутствуют.

В обоих случаях, судя по инвентарю (наличие оружия), это были воины, захороненные на высоком коренном берегу Днестра, вдали от родных поселений. Не вникая в детали, отметим, что в первом случае погребение было совершено где-то в V — начале IV в. до н.э. (Лапушнян 1979: 116), а второе вписано в широкие хронологические рамки IV—III вв. до н.э. (Хахеу 1992: 125).

При рассмотрении этих комплексов резонно задать вопрос: как они оказались в разное время в разных местах и вдали от своих поселений? Почему в обоих случаях захоронены воины, и оба на Днестре, на высоких коренных берегах?

Не настаивая, мы можем предположить, что в обоих случаях был захоронен скончавшийся по пути воин гетской дружины, возвращавшейся из очередного рейда по городам и поселкам Причерноморья, или это гетские наемники, сопровождавшие обозы торговцев и погибшие в стычке с грабителями. Так это или не так, но оба захоронения совершены,

скорее всего, рядом с тогдашними трактами и торговыми сухопутными путями, следовавшими по высоким коренным берегам Днестра.

Рассмотрев известные погребальные комплексы, относящиеся или тяготеющие к гетским древностям лесной зоны лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, мы вряд ли можем делать какие-то глобальные выводы, кроме соображений, высказанных по ходу их анализа. Единственное, на чем мы хотели еще раз акцентировать внимание, это то, что геты лесостепи Молдовы (и, судя

по всему, геты вообще) практиковали обряд сожжения. Это связано с их традициями, с их верованиями. Эти традиции были устойчивы во времени и пространстве. По этому обряду хоронили умерших и вне дома, вдали от родных мест. По обряду ингумации на некоторых могильниках могли хоронить только чужаков-иноверцев или членов общин, недостойных быть захороненными согласно традиции и обряду. Присутствие, однако, этой последней категории комплексов в составе могильников ни в коем случае не означает, что геты практиковали биритуализм.

IV. Геты в лесостепи Юго-Восточной Европы: этноисторическая характеристика, политическая и экономическая история

Геродот писал: «IV, 89. Рассчитавшись с Мандроклом (построившим мост через Босфор), Дарий перешел в Европу. Он приказал ионийцам, чтобы те провели свои корабли в Понт Эвксинский, до реки Истра; однако, если дойдут до Истра, он просил их подождать его там и соорудить мост через реку. Флотом руководили ионийцы, эолийцы и гелеспонтийцы. Пройдя между Кианеями, корабли направились к Истру. Пройдя двухдневный путь вверх по течению реки, от моря, люди построили мост через реку там, где разделяются устья Истра (у Исакчи-Орловки). В то время Дарий, после того как перешел Босфор по мосту из кораблей, проложил себе путь через Фракию, придя к истокам реки Теарос (Симер Деро — Venedikov 1970: 26). Там он устроил трехдневный привал.

IV, 92. Отправившись оттуда, Дарий прибыл к другому водному руслу, называемому Артискос (Тунджа — Venedikov 1970: 30—32), который протекает через страну одрисов...

IV, 93. Прежде чем дойти до Истра, (Дарий) победил сперва гетов, которые верят в свое бессмертие. Потому что фракийцы, которые владеют Салмидессом, и те, что живут выше Аполлонии и Месембрии — называемые скирмиадами и нипсайанами — сдались без боя Дарию. Геты, однако, движимые безрассудством, оказали царю вооруженное сопротивление, но сразу же были поработаны, хотя они и были самые мужественные и праведные среди фракийцев.

IV, 96. ...Как бы то ни было, эти (геты), с особыми обрядами, которые описал я, будучи покорены персами, последовали за осталь-

ной армией». Это произошло в 514 или 512 году до новой эры.

Нам кажется, что именно с этого пассажа Геродота следует начать повествование об истории народа, который волею судеб заселил в конце VI в. до н.э. и лесистую зону современной территории Республики Молдова. Согласно логике воспроизведения событий и фактов времен похода Дария, фракийские племена гетов обитали в долине бассейна современной реки Провадийска и далее на юг, возможно, до реки Камчия. Именно в этой зоне отмечены самые ранние древности, относимые к гетам, — могильник у поселка Равна (Мирчев 1962: 97—164) и предшествующие по культурному аспекту древности среднего гальштата могильника у населенного пункта Добриня (Мирчев 1965: 33—60). Культурную преемственность на этих двух памятниках можно проследить с конца VII века и до V в. до н.э. включительно (Vulpe 1970: 115—213; Hänsel 1974: 193—217). Расположены оба памятника на расстоянии до 40 км от побережья, в глубине материка, к западу от греческой колонии Одесса (г. Варна), основанной выходцами из Милета около 600 года или не позже первой половины VI в. до н.э. (Vulpe 2001: 467).

Этноним Гέτας, геты, встречающийся в греческих античных письменных источниках, современной историографией, в основном, воспринимается как самоназвание народа. Исходя из такой трактовки совсем не удивительно, что большинство воспринимают другой встречающийся в источниках этноним — «Τυραγέτας — Tyragetae», тирагеты (Страбон II, 5, 12; II, 5, 30; VII, 1, 1; VII, 3, 1; VII, 3, 17; Плиний Старший IV, 12 (26), 82; Птоломей III, 5, 11), как «геты, живущие

на реке Тира». Все выглядит логично и правдоподобно. Между тем, в тех же античных письменных источниках, встречается, кроме того, как этноним *Θυσσαγῆται*, *фисагеты* (Геродот IV, 123; Плиний Старший IV, 12 (26), 88; VI, 7, (7), 19), так и *Μασσαγῆταις*, *массагеты* (Геродот IV, 11; Страбон IX, 8, 6; XI, 6, 2; Филострат; Лукан). О последних нам всем известно, что они были ираноязычными, представляли собой одно из двух родственных племенных объединений кочевников савромато-сарматской этнической общности и обитали в Южноуральских степях (Степи... 1989: 293). О них вряд ли кто-то осмелится высказаться, что речь идет о гетах, обитающих на какой-то реке Масса где-то далеко на Востоке. По мнению В.В. Струве, который, в принципе, согласен с позицией А. Кристенсена, этническое имя *массагетов* означало, вероятно, «большие саки» — саки севера — в отличие от других, менее крупных сакских народов, к примеру, восточных саков — «амиргейские» саки (Струве 1968: 25). Как пишет М.И. Артамонов, по сведениям современника Геродота, Гелланика, амиргейскими саки назывались по местности, которую занимали (Артамонов 1973: 8).

Тем временем, на фоне вышеизложенных соображений, уместно напомнить один немаловажный факт. Мы уже отмечали, что в своем «Географическом справочнике» (сочинение конца II в. н.э.) Птолемей, среди многочисленных небольших племен, обитающих в Европейской Сарматии, упоминает и тирагетов: «Ниже бастарнов, возле Дакии, [находятся] тагры, и ниже них тирагеты...» (III, 5, 11). Далее, при описании Птолемеем Нижней Мезии (ее восточной части), мы читаем: «Побережье, начиная от самого северного устья Истра (Дуная) и до устьев реки Борисфен (Днепр), и внутренняя область, до реки Гиерас (Прут, у римлян), обитаемо — ниже тирагетов-сарматов — харпами, а выше певкинов — бритолагами» (III, 10, 7).

Харпы, судя по всему, одно из многочисленных небольших племен, которое имеет и свой «город Харпис», расположенный чуть юго-западнее города Тира. Но суть не в этом и даже не в том, что они обитают ниже тирагетов, а в том, что Птолемей называет некоторую часть этноса сарматов тирагетами.

Следуя логике, из цитируемого выше текста можно сделать следующий вывод: *тирагетами-сарматами* Птолемей называет часть сарматов, проживающих на Днестре (Тира), и к указанию реки он делает уточнение

«геты», что, скорее всего, могло бы означать то ли *низовья*, то ли *долину*, то ли еще какую-либо часть реки или форму ее рельефа, то ли вообще неизвестно что. Нам это неведомо. Хотя, возвращаясь к Геродоту, жившему полутысячелетием раньше Птолемея, мы у него читаем: «Фракийцы имеют множество имен, по месту обитания, но обычаи почти у всех одни и те же, кроме гетов, травсов и тех, что обитают за крестонами» (V, 3).

Из этого следует, что у гетов и некоторых других племен только обычаи несколько другие, но что касается имени, то, как и остальное множество фракийских племен, они назывались, как сообщает нам Геродот, «по месту обитания» (V, 3). Таким образом, немудрено, что и Птолемей обозначил часть сарматов по месту обитания, назвав их тирагетами-сарматами.

Чтобы поставить точку в этом вопросе, нелишним было бы уточнить само происхождение термина «геты»: это на фракийском языке или все-таки на древнегреческом?

К сожалению, и этого знать нам не дано. Над этим, пожалуй, следовало бы подумать специалистам по древним языкам. Единственное, что мы знаем точно, это то, что уже при жизни Геродота «фракийцы имеют множество имен, по месту обитания», поэтому как фракийская, так и древнегреческая версии происхождения слова имеют равное право на существование. Несмотря на это, мы все-таки отдали бы предпочтение в исходном поиске значения этнонима «геты» древнегреческому словарю, так как этноним «тирагеты» встречается у грека Страбона, а родившийся в Египте Птолемей, в своей «Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις», известной как «География» и написанной на греческом языке, называет часть днестровских сарматов «тирагетами».

Напомним, что часть племен саков греком Геродотом названы «массагетами», и он же упоминает и неких «фисагетов»...

Возвращаясь к тем, которые назывались *гетами* и обитали к западу от основанной милетянами крепости Одессос, отметим, что им были хорошо знакомы жизнь и быт колонистов. Именно греческие колонии, располагавшиеся, как правило, в прибрежной зоне, стали привлекать к себе местное население, обитавшее чуть далее, в глубине материка. В таких случаях исследователи допускают наличие определенного сотрудничества колонистов с местным населением, основанного на «контрактных» отношениях, типичных для архаичных обществ: обмен дарами в виде ценных вещей, смешанные браки, соглашения, утвержденные клятвенными обещаниями,

и т.д. Результатом такого сотрудничества можно объяснить быстрый рост населения колоний и окружающих их сельскохозяйственных поселений (Condurachi 1964: 25—44; Avram 1991: 19—30). С другой стороны, можно наблюдать быстрое вхождение в обиход местного населения гончарной серолощенной посуды, производимой колонистами, которую геты использовали и в погребальных церемониях (Мирчев 1962: 112) еще с середины VI в. до н.э. (Moscalu 1983: 100—101).

На востоке тем временем крепла и расширяла свои границы новая держава — Персия, которая при Дарии I включала всю территорию Малой Азии (современная Турция) вместе с греческими городами, расположенными на побережье, и прибрежными островами. В начале своего правления Дарий I уже успел подавить мятеж воинственных северных племен — саков-массагетов, наводнивших всю Армению (Струве 1968: 17—20), однако на северной окраине его державы еще грозно нависали непобежденные Скифия и Савроматия. Для того чтобы обезопасить северные границы государства от возможного повторения азиатских походов кочевников, Дарию нужно было замирить скифскую степь (Черненко 1984: 113). Уже были завоеваны «*страны, которые за морем*» (т.е. области побережья Геллеспонта и Пропонтиды), и Дарий владел ключом к торговому пути, соединяющему греческие города-государства с богатым черноморским краем (Лурье 1940: 186—187). Ко времени начала похода против скифов (по В.В. Струве — 514 г.) среди непокоренных Геродот называет фракийцев около Салмидесса и тех, что жили выше Аполлонии и Месембрии, которые, однако, сдались без боя. Сопrotивление оказали лишь «*движимые безрассудством*» геты, но они сразу же были поработаны и, «*будучи покорены персами, последовали за остальной армией*». Судя по всему, к персидскому обозу были присоединены не только оказавшие сопротивление гетские дружины, но и население поселков, расположенных на пути следования многочисленной армии Дария.

Описанию перипетий похода, иногда с невероятными и анекдотичными событиями и ситуациями, Геродот уделяет значительную часть четвертой книги своего изложения. Этой теме в современной историографии посвящена уйма работ, среди которых, не вдаваясь в комментарии, можно упомянуть лишь некоторые (Rostovtzev 1922; Legrand 1932; Alexandrescu 1956; Струве 1968: 67—114; Черненко 1984; Gardiner-Garden 1987; Georges 1987; Archibald 1998).

Если верить Геродоту, преследуя якобы убегавших скифов, Дарий добрался до самого Танаиса (Дона) и даже далее, до восточных окраин Скифии. С другой стороны, многие исследователи, трактуя упоминание Страбона (VII, 3, 14) о походе Дария против скифов, придерживаются мнения, что персы вряд ли проникли к востоку от Днестра, и все описанные Геродотом перипетии произошли в пределах «гетской пустыни» (в Буджаке, в южной части региона между Днестром и Дунаем). Хотя с этим походом и связана вся дальнейшая история гетов к северу от Дуная, выяснение приведенной выше двойственности мнений по поводу дальности проникновения персов на восток не входит в наши задачи. Важным для нас остается запомнить, что скифы, со своей тактикой не вступать в крупные столкновения, заставили Дария повернуть назад его многочисленную, но уже истощенную армию. Кроме того, уже истек срок, назначенный Дарием для ионийцев, которые стерегли плавучий мост через Дунай в ожидании возвращения армии.

Оторвавшись от преследования скифов, армия персов с трудом добралась до места переправы, а ионийцы, быстро восстановив мост, кроме того, пустили в ход все имеющиеся под рукой корабли. Заканчивает Геродот свое повествование о походе словами: «*Так спаслись персы. А скифы, ища их по степи, потеряли их след во второй раз...*» (IV, 142).

В суматохе похода Геродот больше не упоминает о гетах. Все-таки, сопоставляя некоторые эпизоды из его повествования, а также из других античных источников, с достоверными археологическими реалиями в виде распространения памятников, относимых к гетской культуре, мы пересмотрели еще не один раз повествование Геродота. Нам показалось вполне логичным, что, скорее всего, именно их, гетов, имел в виду Геродот, когда писал, что убегавший Дарий «*оставил в лагере всех ослабленных людей и тех, потеря которых меньше всего его беспокоила, а также всех ослов, которых привязали... и... двинулся насколько можно быстро к Истру*» (IV, 135).

Место последнего в пределах Скифии лагеря Дария мы определили на северо-восточной окраине «Гетской пустыни», на современной речке Чага, между населенными пунктами Бородино на Украине и Тараклия в Молдове. Пожалуй, с этого момента и следует продолжить историю гетов, древности которых обнаружены в лесистой части лесостепи современной территории Республики Молдова, да и всего Восточно-Карпатского региона.

Оставленные в лагере, кроме больных, те, потеря которых меньше всего беспокоила Дария, не став дожидаться прихода скифов (а может быть, даже раньше), стали группами добираться до ближайших лесов, прихватив с собой кое-что из остатков обоза — пищу, посуду, личное оружие и кое-какие пожитки. Уже никому не нужные, они спасались, они старались выжить. Лес мог их укрыть, и он мог их накормить. Двигались они на север. Наиболее слабые стали останавливаться в глубине узких, покрытых лесом долин, на небольших лесных полянах, расположенных на возвышенностях (Чигырлень VI), или прямо возле мощных родников (Милештий Мичь). Там они ставили временные жилища — шалаши с углубленным в землю основанием, пока пройдет беда. Остальные продолжали свой путь подалее от степи, присматривая удобные и безопасные места для остановки. Часть из них добралась и до истоков современной реки Ботна, где скончался их раненый предводитель. Там, вдали от дома и родных, они его отправили к предкам по своим родным обычаям. Снабдив пищу к богам, они сожгли усопшего на костре, а остатки кремации, в отсутствие поселка и некрополя, захоронили на месте (погребение Пыржолтень), продолжив дальше свой путь. Возможно, этой группе удалось пересечь реку Прут и добраться до лесов на Бырладском плато — пока слабая, но цепочка памятников в сторону Прута отмечена по линии современных сел Лэпушна и Бужор (зона еще почти не исследована).

Другая мощная группировка, продвигаясь на северо-восток, частично осела на восточных отрогах Центрального Молдавского плато (Хыртопул Маре, Бутучень), а остальные через реку Реут двинулись вдоль Днестра, осев на Приднестровской возвышенности (Большая Сахарна, Сахарна «Ла Ревекин», Алчедар, Тарасово и др.).

Мы не знаем, сколь долго геты находились в движении в поисках удобных для оседания мест. Мы не знаем, насколько далеко они проникли к северу (по Днестру) и западу (за Прутом). Однако мы знаем точно, что они избегали широких речных долин, они старательно обошли удобные и плодородные Бельцкую и Среднепрутскую равнины, а также большую часть Чулукско-Солонецкой возвышенности. И за Прутом они полностью игнорировали обширную и плодородную долину бассейна реки Жижия...

Гетам, которые «последовали за остальной армией» Дария, нужно было осваиваться на новом месте. У них не было выбора. Они хорошо знали, что творится у них на роди-

не. Они уже хорошо знали, что представляют собой скифы, против которых они были вынуждены идти и отряды которых еще рыскали по степи и открытым долинам рек.

Судя по всему, основной процесс оседания происходил в том же памятном году, пока еще стояла теплая погода. Не дожидаясь лучших времен, геты осваивались на новых землях. Выбрав место для остановки, они сразу ставили временное жилье — полуземлянки с углубленным в землю основанием и двускатным или полукруглым возвышающимся верхом из бревенчатого каркаса, покрытого жердями и травой (или древесной корой). Временные жилища такого типа, в которых отсутствовали какие-либо отопительные сооружения, были обнаружены на внутреннем дворе городища Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi, Şcipachin, Negură 2000: 87—92; Levinschi 2004: 65—66). Они служили для ночевки и укрытия от непогоды, пока выбранное на обрывистом берегу место обносилось оборонительной стеной. Стену они строили основательно, толщиной более 3,5 м и высотой до 8 м. Она состояла из двойного бревенчатого частокола, забутованного глиной, выбранной из получившегося внушительных размеров рва перед ней. Укрепленный поселок оказался не таким уж большим (0,4 га), так как и людей было немного. На время строительства они могли укрыться в 3—4 полуземлянках и, возможно, в нескольких наземных легких шалашах. Одновременно с оборонительной стеной к внутреннему частоколу пристраивали и более внушительные долговременные жилища, приспособленные для обитания и в холодное время года (Levinschi 2004: 70—74). Такие укрепленные поселки или небольшие цитадели сооружались везде, где было достаточно людей и удобные для этого места — мысы с крутыми склонами, обрывистые плато берегов рек, удобные высокие холмы и т. д. Там, где людей было мало для строительства укрепленных поселков, на выбранном месте опять-таки ставили временные углубленные жилища, которые можно было соорудить за день-два, а потом обустривались более основательно. Среди очень мало исследованных неукрепленных поселков такие полуземлянки были обнаружены пока на поселении Алчедар «Ла Кордон» (Haheu 1998: 112). Впоследствии все эти временные полуземлянки-жилища использовались в качестве подсобных сооружений (хранилища, погреба), пока не ветшали полностью, и тогда оставшийся котлован служил для сброса мусора. Но все это потом.

Пока что люди обустривались на новом месте. Нетронутые более столетия леса

изобиловали дичью, да и оставленная Дарием на произвол судьбы большая часть обоза использовалась на первых порах. В этом контексте, пожалуй, уместно коснуться одного очень деликатного вопроса. Дело в том, что на некоторых гетских памятниках лесостепи междуречья, даивсего Восточно-Карпатского региона, были обнаружены немногочисленные фрагменты ранних греческих амфор, а также гончарные сероглиняные сосуды западнопонтских центров. На их основании некоторые исследователи выдвинули идею, что колонизация Западного и Северо-Западного Причерноморья уже в VI—V вв. до н.э. привела к распространению греческих товаров в автохтонной среде. Это, как считает И. Т. Никулицэ, видимо, было обусловлено тем, что северофракийские племена к этому времени достигли относительно высокого уровня экономического развития, способного создать соответствующие условия для сбыта греческих товаров (Никулицэ 1987: 34). Среди населения Буго-Карпатского региона особо выделяют северофракийские племена гетов, как оседлые земледельческие общности с высоким экономическим уровнем, которые уже в VI веке могли поддерживать эти товарообменные отношения с греками (Mateevici 2005: 72).

Исходя из археологических реалий, а это находки на гетских памятниках фрагментов греческих амфор и черно/краснофигурной керамики, гончарная сероглиняная посуда западнопонтских греческих колоний и другие находки раннегреческого происхождения (в том числе бронзовое зеркало из Большой Сахарны), приведенные выше доводы выглядят вполне обоснованно. С другой стороны, исторические условия, в которых геты заселили лесистую зону Днестровско-Карпатского региона, как бы приходят в противоречие с выводами, сделанными на основании археологических находок. В конце VI века они только начали осваивать чуждый им регион, и притом в очень сложной политической обстановке. Прогнавшие Дария скифы контролировали степь, и геты были вынуждены оседать в укромных местах или строить укрепленные поселки с мощными оборонительными стенами, чтобы защититься от забредающих в лесостепь отдельных скифских отрядов. Такое противостояние, судя по всему, длилось довольно долго, так как персы еще были в Европе, к югу от Дуная, где из покоренной Фракии и других земель образовали сатрапию Скудра (во главе с Мегабазом, после похода против скифов 514/512 г. до н.э.). Некоторое время спустя, как сообщают

нам Геродот, «скифы-кочевники собрались в поход, и дошли до этого (Фракийского) Херсонеса», а поддерживавший персов тиран Херсонеса Мильтиад, «не дождавшись их нашествия, бежал из Херсонеса до той поры, пока скифы не ушли и долонки (фракийское племя) не возвратили его назад» (Геродот VI, 40). Несмотря на то, что некоторые исследователи относят это событие ко времени непосредственно после бегства Дария за Дунай (Фол 1975: 163; Черненко 1984: 107), т.е. после 514/512 года, нам кажется, что это произошло, скорее всего, позже. В этом случае возможной датой нашествия можно было бы принять 496/495 г. до н.э., предложенный еще Г. Штейном в 1869 году в комментариях к переводу Геродота и принятый другими исследователями (Блаватская 1948: 206; Граков 1954: 16). Не вдаваясь в подробности сообщений Геродота, при первой версии датировки этого события было бы логично, чтобы Геродот писал, что, преследуя персов, скифы-кочевники дошли до Херсонеса. Однако, как мы его уже цитировали, «скифы-кочевники собрались в поход», а тиран Херсонеса бежал, «не дождавшись их нашествия». Судя по контексту повествования Геродота, поход против скифов и нашествие скифов за Дунай являются разновременными событиями, и второе, возможно, было связано с антиперсидскими выступлениями первого десятилетия V века как в Ионии, так и в континентальной Греции.

Нашествие скифов, скорее всего, стимулировало и антиперсидские выступления в сатрапии Скудра, на территории которой к 480 г. до н.э., в условиях, трудно поддающихся объяснению, возникает царство одрисов во главе с Тересом. Хотя и предполагается определенное противостояние между присутствующими там скифами и фракийцами-одрисами (Vulpe 2000: 76—82), нам кажется, что замужество одной из дочерей Тереса за Ариапифом, сыном и преемником скифского царя Иданфирса, изгнавшего Дария из Скифии, является свидетельством брачного союза в политических целях. Этим самым, видимо, урегулировались и сферы влияния в Западном Причерноморье и на Нижнем Дунае.

В Северо-Западном Причерноморье и на Нижнем Днестре первые греческие колонисты появились только в конце VI—V вв. до н.э. Выходцы из Милета основали свое поселение на господствующей скальной высоте будущей Тиры (Клейман 1993: 72—80; 2000: 85—87), а выходцы из Истрии обосновались на левом берегу Днестровского лимана, заложив основы будущего Никония (Sekerskaja

2001: 67—90). И только ко второй четверти V в. до н.э. вокруг Никония были возведены оборонительные стены, и примерно с этого же времени город находился под непосредственным протекторатом скифского царя Скила, который выпускал там собственную монету (Загинайло, Карышковский 1990: 3—15).

В условиях описанной выше политической обстановки в Западном и Северо-Западном Причерноморье конца VI — первой половины V вв. до н.э. мы вряд ли вправе даже думать о возможности наличия какого-то товарообмена между осевшими далеко в лесостепи гетами и греческим миром. Вместе с тем, ранние греческие и западно-понтийские материалы все же присутствуют на тех же гетских памятниках. Приведем их краткое перечисление.

Амфоры составляют основную категорию материалов, на которые обращают внимание исследователи при анализе керамических находок на всех памятниках античности. Их типология и хронология разработаны довольно хорошо, поэтому они служат не только своеобразным временным «паспортом» для многих археологических комплексов, но и «визитной карточкой» торговых партнеров в те далекие времена.

На гетских памятниках лесостепи между речья Днестра и Прута, в интервале времени, соответствующем концу VI или началу V вв. до н.э., нам известны фрагменты амфор для перевозки оливкового масла с острова Самоса. Остатки таких сосудов обнаружены на городище Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: 66—67) и на поселение Милештий Миць «Ла Шипот» (Brihuneţ 2005: 102).

Совсем не изученной категорией находок является гончарная сероглиняная керамика западнопонтийских центров, ранние типы которой все же присутствуют на некоторых гетских памятниках. Речь идет о погребении у с. Пыржолтень, датированном с конца VI в. до н.э., в комплексе которого присутствует и миска с горизонтально вытянутым краем (Лапушнян 1979: 18—20, рис. 4/12). Такие миски являются обычной находкой среди греческих древностей западного Понта, на южнофракийских и гетских памятниках к югу от Дуная (Moscalu 1983: 121). Второй половиной VI или концом этого века датируются фрагменты гончарного кувшина с горизонтальными каннелюрами по горлу, обнаруженные в комплексе жилища 6 на городище Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi 2001: 109). Такие сосуды изготавливались, скорее всего, в мастерских одного из ионийских центров (Онайко 1966: 24).

В том же комплексе жилища 6 городища Сахарна «Ла Ревекин» обнаружен и фрагмент аттической краснофигурной леканы (Levinschi 2004: 66) — тип сосуда для косметики и хранения украшений, которая, по греческим аналогиям, датируется концом VI — началом V вв. до н.э. (Sparkes, Talkott 1970: 321/1217).

Еще одна находка, о которой хотелось бы упомянуть, обнаружена также на одном из гетских памятников зоны Сахарна. Речь идет о бронзовом аттическом зеркале с простой боковой «плоской» ручкой, обнаруженном случайно в 2006 году на территории гетского городища Большая Сахарна, на его северо-восточной окраине (Levinschi 2007: 275—278), в зоне засыпки шурфа 2 (раскопки И.Т. Никулицэ 2001 г.). Такой тип зеркал, по мнению Т.М. Кузнецовой, был распространен по всей Греции, на ее островах и в Северном Причерноморье (Степи... 1989: 110). Греки начали их производить, как и все остальные типы зеркал с различной модификацией ручки, в VI в. до н.э. (Билимович 1976: 39—42). В скифских комплексах подобные зеркала встречаются с VI по IV—III вв. до н.э. В Ольвийском некрополе, однако, аналогичные зеркала, но с фигурной («аристократической») ручкой, изобилуют в комплексах VI века, полностью отсутствуют в тех, которые датируются V в. до н.э. (Степи... 1989: 110). Или мода на них ушла, или перестали их производить.

Возможно, это неполный список предметов импорта, обнаруженных на гетских памятниках региона, производство которых укладывается в рамки второй половины VI в. до н.э. или, точнее, конца этого столетия. Уточняем, что речь идет о времени их производства, а не о периоде их нахождения в обращении, так как некоторые из вещей (в данном случае, бронзовые зеркала) могли использоваться в быту (у скифов, к примеру) до полутора сотен лет и более. С другой стороны, время их производства совместимо с временем их экспорта/импорта, т.е. их попадания в чужеродную среду, в данном случае — предметов греческого производства в варварскую гетскую среду.

Мы настояли на вышеизложенных уточнениях, так как следующая группа находок греческого происхождения в гетской среде (а это уже только амфорный материал) была произведена в конце второй четверти — середине V в. до н.э. К ним мы вернемся позже, а пока подведем небольшой итог.

Если исходить из укоренившегося мнения, что в VI веке геты (нашего региона) достигли высокого уровня экономического развития,

при котором они были в состоянии организовать товарообмен с греческим миром, то получается очень любопытная картина. В то время как на Нижнем Днестре греки только начали создавать свои поселения, в том числе будущие Тиру и Никоний (в конце VI в до н.э.), в это же время купцы уже доставляли далеко на север, в район Среднего Днестра (Сахарна), античную продукцию, преимущественно керамику (амфоры, расписную и простую столовую), а также металлические изделия (зеркало).

Такое разнообразие товаров можно было встретить разве что в причерноморских городах — Ольвии, к примеру, или Истрии. Все перечисленные выше вещи, однако, единичны и обнаружены далеко, в варварской среде, и все это в условиях, когда геты только обустроивались в лесных массивах и окружали свои небольшие поселки мощными оборонительными стенами.

Получается полный парадокс, если объяснить этот феномен с предложенной точки зрения о якобы существовавшем в то время развитом товарообмене между варварами и греческим миром. С другой стороны, это выглядит абсолютно нормально, если рассматривать все перечисленные предметы «импорта», произведенные в разных частях греческого мира, как части персидского обоза, оставленного на произвол судьбы при бегстве Дария со своего последнего лагеря. В таком случае поддаются объяснению и присутствующие на двух расположенных далеко друг от друга памятниках сосуды для перевозки оливкового масла с острова Самоса и даже нахождение обычного гончарного сероглиняного кувшина ионийского производства. Ведь к походу Дария против скифов присоединились как тираны геллеспонтских городов, так и тираны из Ионии. Геродот, описывая события заключительного этапа скифской кампании, среди тех, что стерегли мост через Дунай, упоминает: «Из Ионии же были: Стратис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи, Гистией из Милета...» (Геродот IV, 138). Нет сомнения в том, что все присоединившиеся тираны участвовали, кроме всего прочего, и в снабжении войск провиантом, поэтому появление в дальнейшем на гетских памятниках лесостепи фрагментов хиосских амфор раннепухлогорлого варианта последней трети VI века до н.э. (III-A, по С.Ю. Монахову), не должно нас удивлять. Стратис из Хиоса мог себе позволить взять в поход и добрую партию вина, цена одной амфоры которого (100 драхм) почти в два раза превышала стоимость одного быка.

Таким образом, высказанные выше соображения вряд ли позволяют нам рассуждать о наличии в VI в. до н.э. высокого уровня экономического развития гетского общества. И вряд ли в это время геты были способны поддерживать товарообменные отношения с греками, на чем настаивают некоторые исследователи (Никулицэ 1987: 34; Mateevici 2005: 72). Все известные предметы, которые, якобы, свидетельствуют о существовании у гетов развитого товарообмена в столь раннее время, на самом деле являются всего лишь «остатками пира».

Первые действительные контакты между греками и гетами, жителями лесов Днестровско-Прутского региона, фиксируются только с середины V века. Мы не знаем, насколько они были интенсивны и постоянны, однако на городище Бутученского мыса на Реуте были обнаружены фрагменты пухлогорлых амфор Хиоса (Mateevici 1999: 178, fig. 1/1, 2). Судя по специфическому венцу, который имеет сверху площадку с наклоном внутрь горла, они относятся к серии стройных сосудов развитого варианта раннепухлогорлых амфор Хиоса (III-B, по С.Ю. Монахову), производство которых начали в конце второй четверти V в. до н.э. (Монахов 2003: 18, таб. 6/6—8). Независимо от нас такую же интерпретацию бутученским амфорам дал и И.В. Бруяко (2005: 178). Примерно к тому же времени относится и хиосская амфора с близко расположенного городища Хыртопул Маре (Sebotarenco 1997: 218—219, pl. 11/5). Выраженный валикообразный венец позволяет отнести данный сосуд к хиосской таре позднепухлогорлого варианта (серия III-C-1, по С.Ю. Монахову), которая бытовала начиная с середины V в. до н.э. (Монахов 2003: 18, таб. 7/1).

Уже в начале третьей четверти на Хиосе стали производить тару «нового стиля» — амфоры с прямым горлом, отличающиеся от предыдущих форм только отсутствием припухлости на горле. И фрагменты таких сосудов (нимфейский вариант IV-A, по С.Ю. Монахову) обнаружены на Бутученском мысу (Mateevici 1999: 178, fig. 1/3—6). Они какое-то время сосуществуют с позднепухлогорлым вариантом (Монахов 2003: 19), о чем свидетельствует их совместное нахождение и на городище Бутучень. Рисуем предположить, что туда они попали почти одновременно или спустя очень короткий промежуток времени, так как следующее спорадическое проникновение Хиоса в Бутучень относится только к IV веку, а следующую партию греческого вина в амфорах

на гетских памятниках междуречья можно проследить только с последней четверти-конца V века.

Среди находок раннего времени на городище Бутученского мыса упоминаются и несколько фрагментов сероглиняных амфор Лесбоса, которые отнесли к таре, производившейся на острове в конце VI—V вв. до н.э. (Mateevici 1999: 178, fig. 1/10). Однако, судя по опубликованному рисунку, в этом случае мы имеем дело, скорее всего, с фрагментами лесбосской тары (вариант III-B по С.Ю. Монахову) середины-конца IV в. до н.э. (Монахов 2003: 47, таб. 29/6—7).

На первый взгляд, кажется весьма странным, что при рассмотрении истории гетов мы занимаемся столь детальным анализом греческих импортов, попавших в их среду. Пожалуй, ничего странного, так как именно они (импорты) являются для определенных этапов истории лесных жителей междуречья тем барометром, по которому можно определить пульс их жизни, их политику, их отношения с внешним миром. В этот контекст очень хорошо укладываются рассмотренные выше находки. Резюмируя проведенный анализ, констатируем, что все фрагменты амфор являются винной тарой Хиоса. Обнаружены они пока только на Бутученском мысу и близлежащем городище Хыртопул Маре, т.е. в небольшом радиусе Бутученского городища. Ни выше по Днестру, ни в глубине территории они еще не появлялись. Все они укладываются в хронологические рамки конца второй (позднепухлогорлый вариант) и начала третьей четверти (нимфейский вариант) V века. Грубо говоря, это приблизительно 460—440 гг. до н.э.

Какова была тогда политическая обстановка в Причерноморье?

Прогнав Дария, скифы-номады взяли за покорение своих лесостепных сородичей. Царская династия победителя персов была прервана с появлением на политической арене представителей новой династии (родоначальник Аргот, после 510—490 гг. — Виноградов 1980: 105), которые, судя по всему, и вели в основном политику усмирения соседей. Попытка их экспансии на запад закончилась тем, что наследник Аргота Ариапиф был убит (возможно, конец 80 — начало 70-х гг.) Спаргапифом, царем агафирсов (Геродот IV, 78).

Завоевание лесостепи позволило степнякам распоряжаться значительными материальными ресурсами, будь то дань или награбленное в результате набегов. Необходимость сбыта большей части продуктов (зерно, скот,

рабы и др.) привела скифов к необходимости налаживания определенных отношений с греческими полисами Причерноморья, которые рассматривались ими и как источник выкачивания богатств, и как потенциальные посредники в торговле с эгейским миром. Ольвией, к примеру, в эту эпоху правили тираны, ставленники скифских династов, или, возможно, сами династы (Виноградов 1980: 107). Судя по всему, то же самое происходило и с Никонием, в устье Днестра. Им, скорее всего, правил сам царь скифов Скил (с 80/70-х по началу 50-х гг.). Как мы уже упоминали, в Никонии он чеканил бронзовую монету с собственным именем где-то во второй половине 70-х годов (Загинайло, Карышковский 1990: 10) или около 460—455/0 гг. до н.э. (Vinogradov 1997: 208).

Кто такой Скил и чем он знаменателен? По Геродоту, «у Ариапифа, царя скифов, был в числе других сыновей Скил. Он родился от женщины из Истрии и отнюдь не от туземки, и мать научила его греческому языку и письму. [2] Некоторое время спустя Ариапиф был предательски убит Спаргапифом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть и жену отца... Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. ...всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов (Ольвия)... и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, [4] сам же проходил внутрь, за городскую стену, и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. ...И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. [5] Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене, и женился там на местной женщине» (Геродот IV, 78).

Мы привели столь длинную цитату из Геродота для того, чтобы как можно лучше высветить личность этого царя скифов. Не мудрено, что у Скила, как и у его отца, была прогреческая ориентация в политике, и он поддерживал с греческим населением Северо-Западного Причерноморья достаточно дружеские отношения.

В этот период кочевья скифов, видимо, находились где-то к востоку от Днестра. Степная зона к западу от реки и до Дуная (Буджакская степь), скорее всего, была лишь подконтрольной территорией. Скифских памятников первой половины V в. до н.э. здесь пока

не обнаружено. Пользуясь затишьем и отсутствием скифов, на левом берегу нижнего Дуная стали появляться задунайские геты и даже создавать небольшие поселки (Бруяко 2005а: 294—297).

На левом берегу нижнего Днестра и Днестровского лимана в это же время функционировало и процветало большое количество неукрепленных античных сельских поселений (Охотников 1990: 6—10). Несмотря на то, что они были расположены довольно далеко от Никония, «обросшего» к этому времени мощной оборонительной стеной, поселенцы поддерживали тесные экономические связи с городом, а город — с внешним миром. По соседству с греческими аграрными поселками появляются скифские зимники или начинают оседать обедневшие скифы (Надлиманское VI — Охотников 1990: 57—59).

В таких условиях общего перемирия, по Днестру, геты стали налаживать контакты с греческими поселенцами низовьев реки. На их поселениях встречается в небольшом количестве гетская лепная керамика этого времени (Охотников 1990: 27—29). Вследствие этого греческие купцы начали осваивать новый рынок сельхозпродукции. За прошедшие примерно полстолетия лесные поселенцы настолько окрепли, что аристократическая верхушка гетов уже могла себе позволить обменять двух быков на амфору хорошего хисского вина. Однако, судя по всему, греки добрались только до поселений в низовьях Реута. Фрагменты амфор этого времени, как мы уже упоминали, известны пока на городище Бутучень и в округе.

К этому времени относятся и первые мирные контакты гетов со скифами, возможно, можно даже говорить о первых смешанных браках со степняками. На городище Сахарна «Ла Ревекин» была обнаружена железная посоховидная булава для волос (Levinschi 2003: 53, fig. 2/3). Такие украшения (тип 19/2), по мнению В.Г. Петренко, являются специфически скифскими (Петренко 1978: 16—17) и большей частью характерны для женского костюма V века (Степи... 1989: 106), скорее всего, для его первой половины. Позже их сменяют массивные гвоздевидные булавки с круглой шляпкой и длинным стержнем (Степи... 1989: таб. 41/29—33). В данном контексте было бы нелогично считать, что геты (женщины) присвоили себе элемент чужого костюма, поэтому мы и предполагаем присутствие на городище скифянки (скифянок?), носившей эту булаву. Вместе с тем не исключено и налаживание определенных отношений

между гетами и скифами. Такое предположение не лишено оснований, если учесть, что в некоторых комплексах этого времени на городище были обнаружены и фрагменты сосудов скифских форм (Levinschi 2004: fig. 4).

Улучшение взаимоотношений между лесными жителями (гетами) и степняками (скифами), а вместе с этим и налаживание определенных товарообменных связей с греческими поселенцами низовьев Днестра, длилось не так уж долго. Как сообщает Геродот, «[Скифы] также старательно избегают пользоваться обычаями других народов, и больше всего эллинскими» (IV, 76). Однако царь скифов Скил, который по своей культуре, по меткому выражению Ю.Г. Виноградова, являлся «законченным эллином» (Виноградов 1980, 107), с помощью борисфенита (жителя Ольвии) был уличен перед старейшинами скифов в совершении эллинских обрядов. «Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него, поставили во главе его брата Октамасада, рожденного от дочери Тереса (царь одрисов, ок. 470 — ок. 451 г.). [2] [Скил] же, узнав о том, что совершается против него, и о причине, по которой это происходило, бежал во Фракию. А Октамасад, услышав об этом, пошел на Фракию войной. Когда же он был у Истра, фракийцы вышли ему навстречу. Прежде чем они схватились, Ситалк (сын и преемник Тереса) послал к Октамасаду сказать следующее: [3] “Зачем мы должны испытывать (силу) друг друга? Ты — сын моей сестры и у тебя мой брат. Отдай же мне его, и я передам тебе твоего Скила с тем, чтобы ни тебе, ни мне не рисковать войском”... Ведь у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. (...) Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасад там же на месте отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи...» (Геродот IV, 80). Произошло это событие около 450 г. (Виноградов 1980: 104).

Эпизод из Геродота с описанием кончины скифского царя Скила знаменателен в том плане, что дает возможность воссоздать и дальнейшие события, косвенно отразившиеся в памятниках молдавской лесостепи этого времени. Поход Октамасада от окрестностей Ольвии к Дунаю, вдогонку за своим братом, вряд ли был мирным. В Северо-Западном Причерноморье происходит повсеместное и практически одновременное исчезновение поселений сельской округи. Это событие, по С.Б. Охотникову, было отнесено к рубежу первой и второй трети V в. до н. э. (Охотников 1990: 70). Однако уточнение датировок неко-

торых типов амфор, в том числе и фасосской из поселения Надлиманское III, которое отнесено к середине V века (Монахов 2003: 62), позволяет синхронизировать это явление с походом скифов к Дунаю. Несмотря на широкий хронологический интервал, предлагаемый для некоторых типов амфор, к середине этого же столетия прекратило свое существование и фракийское (гетское) поселение на левом берегу Нижнего Дуная — Ново-Некрасовка II (Бруяко 2005а: 294). Напомним, что этим временем ограничивается и следующая хронологическая группа находок греческого происхождения (амфор) на гетских памятниках лесной зоны междуречья Днестра и Прута.

Наверняка смена скифских царей непосредственно отразилась на отношениях с греческим населением Причерноморья. Потомок варваров, отца-скифа и матери-фракийки, представитель радикальных сил кочевого общества, новый царь скифов Октамасад, будучи воспитан в духе традиций предков, установил жесткий контроль над деятельностью греческих городов-крепостей Северо-Западного Причерноморья. Они полностью лишились своих сельскохозяйственных территорий, занявшись в основном транзитной торговлей или став посредниками по вывозу хлеба из Скифии в Средиземноморье.

Возвращаясь к гетским памятникам лесной зоны Молдовы, следует отметить, что для них опять наступил длительный период полной изоляции от внешнего мира. После середины столетия долгое время к ним больше не поступают греческие товары. И сама степь, контролируемая кочевниками-скифами, выглядит почти пустынной. Единственным признаком их временного появления в междуречье является курган у села Чобручи, на плато правого берега низовьев Днестра, который был возведен где-то ближе к концу V века до н.э. (Agulnicov 2003: 40—44), а точнее, по хиосской пухлогорлой амфоре с резким перехватом в нижней части горла (серия III-C-2, по С.Ю. Монахову), в начале последней четверти этого столетия.

Если судить по некоторым данным, то период изоляции должен был длиться, по крайней мере, до конца V века. Именно к этому времени были отнесены несколько фрагментов ножек фасосских амфор, найденных на городище Бутучень (Mateevici 1999: 178), одну из которых, судя по рисунку, с большим трудом можно было бы определить как относящуюся к неклеимным сосудам раннебиконической (II-B-1) серии. Если исходить из работ С.Ю. Монахова, их производство на Фасосе относится примерно к 420—415 го-

дам, однако судить об их импорте трудно, так как находки тары этого типа очень редки (Монахов 2003: 66). В связи с этим выглядит довольно странным, что сразу несколько амфор такого типа могли попасть в конце V века на городище Бутучень. Пожалуй, автору публикации стоит поразмыслить и пересмотреть свои выводы.

Помимо этого, без ссылки на конкретные материалы и без указания центра производства, к концу V века, скорее всего, отнесены еще два местонахождения фрагментов амфор — на городище Столничень и на поселении Ханска (Mateevici 2005: 73, harta 1/16—17). Мы внимательно пересмотрели опубликованные материалы городища Столничень и всех гетских памятников из окрестностей села Ханска, района Яловень, на которых были проведены исследования, однако фрагментов амфор указанного времени так и не обнаружили. Все вышеизложенное позволяет нам растянуть время прерывания отношений между гетами и греческим населением городов-крепостей низовий Днестра до начала первой четверти IV в. до н.э.

Именно к этому времени относятся совсем немногочисленные достоверные находки греческих импортов на гетских памятниках, которые свидетельствуют о наличии некоторых взаимоотношений, или товарообмене, между жителями лесов междуречья и греческим населением Причерноморья. Речь идет о чернолаковой одноручной чаше, фрагменты которой были обнаружены в культурном слое городища Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi 2000: 31, fig. 15/12). Судя по утолщенному венчику с плоским скосом вовнутрь, такие сосуды производились в мастерских Аттики ближе к 400 году и не позже 375 г. до н.э. (Sparkes, Talkott 1970: 290/755—757). Кроме того, на этом же городище и тоже в культурном слое было обнаружено и горло милетской амфоры (Levinschi, Covalenco 2001: 24, fig. 20/7) классического типа, с высоким цилиндрическим горлом и желобком в его средней части (вариант II-C, по С.Ю. Монахову). Если иметь в виду аналогичную амфору из херсонесского некрополя, датировка которой укладывается четко в пределах первой трети IV в. до н.э. (Монахов 2003: 36), наш экземпляр, со строго цилиндрическим горлом и валикообразным уплощенным венчиком, можно было бы ограничить первой четвертью этого столетия. Он отличается от сосудов второй четверти, с венцом «воротничковой» формы, которые включают эту амфорную серию и даже всю милетскую группу керамической тары (Монахов 2003: 37).

Мы ограничиваемся, пока, первой четвертью, так как описанная выше керамика является единственным свидетельством возобновления некоторых контактов гетов с внешним миром даже в пределах первого десятилетия. Чуть позже, со второй четверти, возможно, ближе к 60—50 годам IV века, греческая тара уже становится обычным явлением на гетских памятниках лесостепи. Однако о них чуть далее.

Выше уже говорилось о том, что со смертью прогречески настроенного скифского царя Скила и приходом к власти представителя радикальных сил кочевого общества, его брата Октамасада, отношения между варварами Причерноморья и греческими городами Северного Понта претерпели определенные изменения. Последние стали посредниками по вывозу хлеба из Скифии. Однако некоторые новые отношения были установлены также между полисами Северного Понта и материковой Грецией. Для обеспечения безопасности своей морской торговли большая часть из них вошла в состав Афинской морской лиги. Об этом можно судить по спискам городов-крепостей, платящих дань лиге, которые прилагались к декрету Фудипа 425/424 гг. (Vinogradov 1997: 16). Несмотря на фрагментарность надписей, среди крепостей Эвксинского Понта восстанавливается название Тиры, платящей дань в два таланта (строка 163), и Никония (строка 167). Однако Лига под предводительством Афин потерпела сокрушительное поражение в Пелопоннесской войне (431—404 гг.), которая закончилась осадой и капитуляцией самих Афин. За время войны были полностью уничтожены виноградные и оливковые плантации, сожжены посевы, разрушены поселения. Греция остро нуждалась в хлебе, и на первых порах, пока не было восстановлено сельское хозяйство, его завозили, им сильно спекулировали. Сами Афины большую часть зерновых получали с северного побережья Черного моря. Кроме Боспорского царства, основного причерноморского поставщика, посредством Тиры и Никония греческие купцы, скорее всего, по Днестру и притокам проникли и в лесистую зону междуречья Днестра и Прута, к селениям гетов. Таким образом, кажется вполне вероятным связать упомянутые выше находки керамики греческого производства начала IV века на городище Сахарна «Ла Ревекин» с событиями этого времени в самой Греции.

С другой стороны, немногочисленность импортов этого времени наталкивает на мысль, что контакты гетов с греками были не такими уж долговременными. Виной

тому, наверняка, были появившиеся на левобережье Днестра и проникшие в степную часть Днестро-Дунайского междуречья скифские племена, носители традиций погребального обряда сожжения гробниц и погребений в ямах. Судя по разработкам И. А. Четверикова, они являлись выходцами с территории Днепровского правобережья, из бассейна р. Тясмин, откуда были вытеснены и вынуждены уйти в связи с приходом к власти на Нижнем Днепре новой этнической группировки, носителей традиции погребения в катакомбах (Кетрару, Четвериков 2005: 184—191).

Смена власти произошла где-то в пределах второй половины V века, вероятно, ближе к концу столетия, когда до Днепра докатилась новая волна миграции кочевников с востока, из Юго-Восточного Казахстана и Северной Киргизии (Исмагилов 1994: 69—71). Судя по всему, противостояние, не дошедшее до прямого столкновения, разрешилось в пользу более воинственного, пришедшего с востока «катакомбного» клана. В поисках нового жизненного пространства часть жителей Днепровского правобережья была вынуждена покинуть обжитые места. Где-то в конце V — начале IV в. до н.э. они появляются на Днестре, в окрестностях современных Дубоссар (Кетрару, Четвериков 2005: 184—191), а некоторые из них даже переправляются через реку, на ее правый берег. Во всяком случае, об этом можно судить по пяти скифским курганам, исследованным на высоком коренном берегу Днестра, в окрестностях села Коржево (Борзияк, Манзура, Левицкий 1983: 3—27). Среди них есть и курганы с прожогами, как и в дубоссарской группе, однако инвентарь очень немногочислен. На их принадлежность к этому времени указывают две гераклеийские амфоры из насыпи кургана №6 (Борзияк, Манзура, Левицкий 1983: 23—26, рис. XI), относящиеся, скорее всего, к амфорам пифоидного типа (вариант I-4), которые С. Ю. Монахов датирует в пределах конца V — начала IV века (Монахов 2003: 128—129). Ко времени не позднее первой четверти IV века отнесены самые ранние захоронения (группа D) Дубоссарского курганного массива (Кетрару, Четвериков 2005: 154—155).

Не вникая в подробности днепровских событий, мы склонны думать, что время адаптации и стабилизации пришельцев на Днестре как раз совпадает с периодом отсутствия амфорного импорта на гетских памятниках в конце V и в самом начале первой четверти IV века. Кроме всего прочего, мы склонны

предположить, что к ушедшим на запад скифам примкнула и часть выходцев с востока, носителей традиции захоронения в катакомбах. По крайней мере, одно из двух погребений (№3) в кургане у села Мерень (Дергачев, Сава 2001/2002: 529—534), несомненно, датируется концом V — началом IV века (Бруяко 2005: 164). К этому же времени относятся и самые ранние комплексы в нижнедунайских скифских курганах. К примеру, амфора Менды из кургана 28 у с. Плавни (Андрух 1995: 48, рис. 8/7) датируется достаточно надежно первыми двумя десятилетиями IV века (Монахов 2003: 91—92). Не уходит в более раннее время и курган у г. Арциз. Этим же временем датирован и комплекс у с. Манта с чернолаковой краснофигурной пеликой (Агульников 1993: 115—119). Пелика, по мнению некоторых исследователей, была изготовлена в одной из афинских мастерских где-то на рубеже V—IV вв. до н.э. (Banaru 2008: 83), хотя, по аналогии с пантикапейской находкой (Skarby... 2006: 245/30), она может датировать погребение и 360—350 гг. до н.э.

Что касается непосредственно гетов, то появление в зоне целой скифской орды не только прервало их налаживающиеся отношения с греческим населением Тиры и Никония, но наверняка послужило толчком к возведению новых оборонительных линий на некоторых уже укрепленных гетских поселках и появлению новых городищ. Судя по всему, более воинственная часть пришельцев, носители традиции погребения в катакомбах, переходила Днестр и добиралась вплоть до низовий Дуная, а также совершала набеги и на приграничные со степью гетские селения. В этом контексте весьма показательны уже упомянутые скифские комплексы из Мерень (Дергачев, Сава 2001/2002: 529—534), расположенные всего лишь примерно в 20 км к востоку от ближайших гетских поселений из окрестностей с. Милештий Мичь.

Одно из погребений (№7), на основании находок, И.В. Бруяко датировал концом VI — началом V вв. до н.э., однако в примечании, анализируя и второе скифское погребение кургана, автор добавляет: «создается впечатление, что, очевидно, более позднее погр. №3 было совершено ненамного позднее погр. №7. Скорее всего, речь может идти о нескольких (в пределах одного десятилетия) годах». Для аргументации этого предположения И.В. Бруяко приводит особенности планиграфии комплексов в системе курганной насыпи, весьма схожий «совершенно оригинальный тип погребального сооружения», тризну и последнюю досыпку насыпи

кургана, которая, возможно, связана с обоими погребениями. Напомним, что более позднее погребение, на основании стрелкового набора, отнесено автором к концу V—IV в. до н.э. (Бруяко 2005: 164). Несомненно, это последнее замечание очень близко к реальности, и, по нашему мнению, оба захоронения, скорее всего, даже были совершены одновременно. В пользу такого вывода можно привести уже известные аргументы, дополненные нашими наблюдениями.

Во-первых, эти погребения пока являются единственными скифскими комплексами (исключая раннескифские), расположенными так далеко от основной концентрации этих древностей на Днестре или от южных степных памятников. С другой стороны, они находятся в непосредственной близости от упомянутых гетских поселений у с. Милештий Мичь, которые расположены по той же долине реки Бык. Скифы вряд ли позволяли себе периодически подходить столь близко к гетским селениям, чтобы захоронить в одном и том же месте кого-то из своих соплеменников.

Во-вторых, несмотря на то, что погребения впущены в расползшуюся насыпь более раннего кургана ямной культуры, само расположение комплексов в системе насыпи (Дергачев, Сава 2001/2002: 528, рис. 2) и наличие досыпки кургана над ними (Бруяко 2005: 164) придает им статус подкурганых захоронений. К этому следует добавить однотипность погребальных сооружений, расположенных в 2 метрах друг от друга, которые, по нашему мнению, являются еще одним из вариантов катакомб II типа, с двусторонними входными ямами. Выглядит весьма многозначительной и диаметрально противоположная ориентировка костяков, с учетом того, что западную ориентировку имеет захоронение пожилой женщины с «ранними» вещами, а восточную — молодого мужчины-воина. Вопреки довольно отчетливой ранней датировке женского погребения, интуитивное предположение И.В. Бруяко о синхронности обоих комплексов в рамках позднейшего из них является более рациональным. Конец VI — начало V вв. до н.э. выдают бронзовая уплощенно-сферическая чаша и бронзовое зеркало с боковой ручкой, оканчивающейся круглым «медальоном» с изображением Медузы Горгоны (Бруяко 2005: 164).

Относительно первого предмета у нас пока нет никаких комментариев. Что касается зеркала, добавим, что проведенный нами детальный анализ этого предмета позволил подтвердить его полное соответствие с зеркалом из кургана 3 могильника Стайкин

Верх (одночастное, цельнолитое) из типологической схемы Т. М. Кузнецовой (Кузнецова 2002: табл. 32). Ручка зеркала из Мерень, по истечении времени, обломалась (на диске сохранились остатки сломы) и была наложена сверху с помощью заклепок. Кроме того, от длительного нахождения в употреблении боковой рельеф на ручке и изображение Медузы Горгоны на «медальоне» сильно стерлись. Если учесть эти детали, то зеркало, как и другие ранние вещи комплекса погребения № 7, спокойно могли «дотянуть» до времен захоронения молодого воина.

В-третьих, чтобы завершить рассмотрение скифских захоронений из Мерень, мы напомним еще об одной находке из «раннего» комплекса (№ 7), не привлекавшего особого внимания И. В. Бруяко. Это лепной «кувшинчик», лежащий в юго-западном углу женского погребения (Дергачев, Сава 2001/2002: 537, рис. 10/2). На самом деле это лепная кружка с округлым подлощенным туловом и ручкой, возвышающейся над отогнутом краем венчика. Она явно гетская, тип XVII/a по классификации Е. Москалу, и вряд ли относится к ранним кружкам с округлым приземистым туловом, а находится ближе к образцам второй половины V—IV вв. до н. э. (Moscalu 1983: 80—81, pl. LIX—LXII).

Что касается мужского погребения (№ 3), обратим внимание на его стрелковый набор из 62 бронзовых наконечников стрел, среди которых авторы раскопок выделили и 10 наконечников (верхний ряд), также трехгранных, с вогнутыми гранями (Дергачев, Сава 2001/2002: 531, рис. 5). Мы уже отмечали не раз, что весь инвентарь комплекса отнесен И. В. Бруяко к вполне типичным наборам для скифских погребений конца V—IV вв. до н. э. (Бруяко 2005: 164). Что касается выделенных нами наконечников стрел, то это базисные башнеобразные наконечники, по классификации А. И. Мелюковой, относящиеся к 9-му типу (Мелюкова 1964: 24, рис. 1). Очень любопытен, однако, тот факт, что ближайшие аналогии этих наконечников сконцентрированы всего лишь в 30 километрах западнее кургана Мерень I, в гетских погребениях с сожжениями могильника Дэнчень (Лапушнян 1979: 22—23, рис. 7/1—9). В предыдущей главе, при разборе этого самого могильника Дэнчень, когда нам еще не были знакомы захоронения из Мерень, по поводу сожжений с башнеобразными наконечниками стрел мы высказали предположение, что они представляют собой захоронения гетов, погибших при налете скифских отрядов на их близлежащие поселки. Произошло это событие не позднее

самого начала IV в. до н. э. Пожалуй, оба комплекса из Мерень являются блестящим тому подтверждением. Мужское погребение содержало оружие напавших на гетские селения скифов, а женское — составную часть добычи — лепную гетскую кружку.

В свете изложенных выше соображений нам ничего не остается, как предположить, что нападению подверглись не только поселения из окрестностей села Дэнчень, но и другие приграничные селения зоны, о чем можно судить и по находкам из остатков жилища 4, на юго-западной, пойменной окраине поселения Ханска «Пидашкэ». Рисунки сильно уменьшены и нечетки, но среди найденных в развале жилища наконечников стрел (Никулицэ 1985: 108—110, рис. 4/5) присутствует и один удлиненный базисный башнеобразный, как и в погребении из Мерень.

Не исключено, что в ходе этих набегов пострадали и некоторые укрепленные поселки. К этому времени мы могли бы приурочить возведение второго оборонительного кольца на городище Чигырлень, также появление укрепленной цитадели в Дурлешть, возможно, и в других местах. Попавшие в Национальный музей археологии и истории Молдовы, раскопанные кладоискателями, гетские сосуды из Дурлешть относятся к формам, характерным для IV века.

Этот воинственный скифский «катакомбный» клан, в составе пришедшей с Днестра орды, судя по всему, дошел до низовьев Дуная и обосновался там.

Мы склонны думать, что в скором времени после приобретения нового «жизненного пространства» у освоившихся на Днестре скифов скончался их предводитель. Об этом можем судить по мужскому захоронению в Дубоссарском кургане № 5, высокий статус которого никогда не отрицался (Кетрару, Серова 1987: 114—116; Chetraru, Serova 2001: 54; Кетрару, Четвериков 2005: 110). Оно было совершено в пределах второй четверти IV века (Кетрару, Четвериков 2005: 110). Если судить по фрагментам гераклейской амфоры (тип I-A-1 или I-A-2 по С. Ю. Монахову, 2003) и чернолаковому канфару ранней серии с пальметкой на дне, время бытования которых 375—350 гг. (Sparkes, Talcott 1970: 181, № 697), это время можно было бы ограничить первой половиной 70-х гг.

Именно в это время новым предводителем пришедших с востока скифов стал, судя по всему, легендарный царь Атей, проживший 90 лет и часто упоминаемый разными античными авторами. Многие исследователи считают его властителем местного, регионально-

го масштаба или предводителем небольшого военно-политического объединения в низовьях Дуная (Черненко 1987: 81; Андрух 1995: 164; Бруяко 1999: 327). Другие, вслед за Б.Н. Граковым (1954: 172), видят в нем царя великой Скифской державы (Шелов 1965: 32; Болтрик, Фиалко 1994: 26—27; Мурзин, Ролле 1999: 101—103) или хотя бы скифского государства от Днепра до Дуная (Каришковский 1971: 56—57). Если точка зрения, согласно которой часть скифов переместилась или ушла с Днепра и появилась в начале IV века на Днестре и далее на Дунае — верна, то Атей, скорее всего, был царем западной, днестро-дунайской скифской орды. Те, которые остались на Днестре, и прибывшие с востока составили восточную, более мощную днепровскую скифскую орду. К этой последней мы еще вернемся.

Деятельность Атея мы не будем обсуждать. Об этом уже написано немало. Но что касается его личности, то, кроме того, что он был царем скифов и пал на поле битвы, судя по сообщению Лукана (Fontes 1964: 615), в возрасте более девяноста лет — нам больше ничего не известно. Опережая события, мы можем лишь предположить в очень осторожной форме, что он мог быть одним из потомков (внук?) уже упомянутого нами прогреческого скифского царя Скила.

К такой мысли нас склоняет тот факт, что, начиная со второй четверти IV века (предполагаемое время начала царствования Атея), возобновляются контакты греков с гетами лесистой зоны междуречья. Об этом можно судить, к примеру, по книдской амфоре с высоким цилиндрическим горлом, грибовидный венеч которой обнаружен при наших раскопках в одном из комплексов городища Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi, Covalenco, Bodean 2003: 14, fig. 20/2). Судя по разработкам С.Ю. Монахова, в данном случае речь идет об елизаветовском варианте (I-A) книдской тары I типа, и по аналогии с амфорой из Старокорсуньского некрополя (Монахов 2003: 102) наш экземпляр укладывается в хронологические рамки второй четверти IV века. Кстати, что касается импортов этого средиземноморского центра, на городище Бутученского мыса они представлены довольно значительным количеством фрагментов амфор, среди которых, судя по рисункам (Matevici 1999: 180, fig. 7/1—13), присутствуют все четыре варианта книдской тары с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом. Хронологически они укладываются в пределы второй и третьей четвертей IV века.

Несмотря на то, что появление новой сети поселений в низовьях Днестра относят к концу V — началу IV в. до н.э. (Охотников 1990: 70), более вероятной датой основания этих поселков является тот же период начала второй четверти IV века, когда возобновляются контакты гетов с греческим миром. Во всяком случае, первые захоронения на могильнике у с. Николаевка были совершены в пределах второй четверти IV века. Об этом можно судить по чернолаковым сосудам, встречающимся во многих комплексах. Среди них небольшие чаши (п. 15 и 17), килики (п. 7, 13, 2/3) и некоторые разновидности приземистых канфаров (п. 2, 15, 25), все с орнаментом в виде пальметки (Мелюкова 1975). Эти разновидности сосудов, судя по аттическим аналогиям (Sparkes, Talcott 1970: 282—284), датируются в пределах указанного периода (375—350 гг.). Дополняют датировку чернолаковой керамики и некоторые типы амфор Фасоса и Гераклеи Понтийской, отдельные экземпляры которых — со штампами первой половины IV века.

На правом берегу низовий Днестра к этому же времени можно приурочить появление поселения у с. Пивденное (Сальников 1962: 61—72; 1966: 176—225). Среди многочисленных амфорных клейм, обнаруженных в ходе раскопок, фигурирует и одно фасосское трехстрочное (Сальников 1966: 185), относящееся к первой группе по классификации Ю.Г. Виноградова, время встречаемости которого укладывается четко в пределах первой трети IV в. до н.э. (Виноградов 1972: 20—22, табл. II). Кроме того, в трех из четырех открытых на поселении комплексов и в культурном слое были обнаружены еще 9 амфорных клейм, которые датируются достаточно уверенно первой половиной указанного столетия. Из них 7 клейм Гераклеи Понтийской (Сальников 1962: рис. 2/18—22; 1966: рис. 11/2, 6) II и ранней III группы, согласно разработкам Б.А. Василенко (1974: 6—7). Еще 2 клейма Синопы (Сальников 1966: рис. 12/1, 8) можно отнести к I группе по классификации В.И. Цехмистренко (1960: 68).

Одновременно с упомянутыми выше памятниками правого и левого берегов Днестровского лимана, скорее всего, возникли и другие поселения зоны. На левобережье, хотя материалы и не опубликованы, но поселение Граденицы III и Надлиманское городище, как считает А.И. Мелюкова, очевидно, существовали одновременно с комплексом у села Николаевка (Мелюкова 1979: 162—163). Кроме Пивденного, с точки зрения хронологии, такие же памятники, судя по всему,

существовали и на правобережье лимана (Мелюкова 1979: 163).

Не касаясь других аспектов, связанных со всеми этими памятниками (к ним мы вернемся), отметим для них наличие сравнительно большого количества греческих импортов. Несомненно, все перечисленные поселения были включены в сферу экономических интересов процветающих греческих полисов региона, которые, скорее всего, стали союзниками воссозданной (378 г. до н.э.) Афинской морской лиги. Так как Черноморский бассейн стал основной афинской житницей, греческие купцы охватывали своей деятельностью все большие территории варварского мира. Судя по всему, именно с этого времени, т.е. с начала правления скифского царя Атея, точнее, в начале второй четверти IV века, греки прочно стали оседать и в гетской среде. На месте гетского городища на Бутученском мысу они основали эмпорий.

Эмпории — одна из форм присутствия греческих торговцев в варварской среде. Обычно это их мелкие поселения, так и не получившие статус полиса. По отношению к гетам лесной зоны Днестровско-Прутского междуречья понятие «эмпорий» впервые вводится в научный оборот, поэтому нам очень трудно определиться с их характеристикой. Единственный источник по этой проблематике — это проводимые Я.Г. Боузэком исследования эмпория Пистирос в средней Болгарии, основанного в третьей четверти V в. до н.э. на территории Одрисского царства (Боузэк 2006: 34—38). Взяв за основу разработки Я.Г. Боузэка, отметим, что основная роль эмпориев — это торговые центры, рынки, организованные греками в чужеродной среде и находящиеся юридически в определенной зависимости от правителей и династов, на территории которых они были основаны. Скорее всего, для «открытия» таких торговых точек с местными властями заключались договоры об «аренде», на основании которых «эмпориты» обосновались на новом месте.

Стратегически и с точки зрения безопасности Бутученский мыс прекрасно подходил под такой поселок. Он находился недалеко от Днестра, на судоходной тогда реке Рэут, с прекрасной природной защитой, почти в центре сгустка гетских укрепленных и неукрепленных поселений. Заключив договор с местным династом, греческие торговцы стали обустраиваться на новом месте. (Воссоздание поселка-эмпория сделано по материалам: Niculiță, Teodor, Zanoci 2002).

Судя по находке медной монеты Тиры автономного периода (350—340 гг. до н.э.),

обнаруженной еще Г.Д. Смирновым в одном из исследованных им жилищ на городище, и еще одного экземпляра из окрестностей поселения (Полевой 1962: 290—291), мы можем предположить, что торговцы, основавшие эмпорий на Бутученском мысу, были выходцами из Тиры. С помощью местного населения были снесены старые оборонительные сооружения расположенного здесь небольшого гетского городища и засыпаны его рвы (4-я, 6-я и, возможно, 3-я оборонительные линии). Площадь нового поселка была значительно увеличена (215×30—60 м) и обнесена с трех сторон (с четвертой — обрыв) оборонительной стеной, состоящей из двух рядов бревен, вкопанных в ямках и канавках, вырубленных в скалистом основании мыса (вторая оборонительная линия). Пространство между рядами столбов было заполнено камнями, щебнем и грунтом, и таким образом получалась довольно мощная стена, толщина которой варьировала от 1,3 до 2 м, а в отдельных местах и до 2,5 м. С южной стороны (по склону) стена во многих местах была укреплена бревнами-контрфорсом, а с восточной напольной стороны, в самом узком месте мыса, был устроен вход.

Ворота были тоже мощные, двойные, шириной 2,6 м. Сам мыс перед входом был перерезан рвом (7-я оборонительная линия), прерванным перед воротами нешироким перешейком (4,6 м). Для предотвращения прямого удара на ворота при атаке противника в 13 м от внешнего края рва, поперек мыса, по данным Г.Д. Смирнова, было возведено мощное сооружение-бастион из обтесанных каменных блоков (8-я оборонительная линия), в виде стены Т-образной формы, длина которой составляла 18 м, при толщине 1,6 м. Это был своеобразный «коридор смерти».

В самом поселке «эмпориты» построили несколько наземных глинобитных зданий, среди которых, по данным Г.Д. Смирнова, и два каменных дома, во многом схожих с каменными строениями греческих городов Северного Причерноморья (Никулицэ 1987: 99—101). Большая часть построек имела каркасно-столбовую конструкцию, однако обнаружены и сооружения на каменном фундаменте. Все эти комплексы отнесены к категории жилищ (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 38—41), несмотря на то, что ни в одном из них не было обнаружено стационарных отопительных сооружений, т.е. характерных для гетов глинобитных очагов. Судя по всему, обосновавшиеся здесь греки использовали другие типы отопительных конструкций, хотя, наверняка, часть постро-

ек могла быть предназначена под складские помещения.

Для ведения своих дел эмпориты обустроили и безопасное торговое место. Перешеек над ущельем Моровая, связывающий мыс с окружающим миром, был укреплен мощной бревенчатой оборонительной стеной со рвом с внешней стороны (10-я оборонительная линия). Судя по некоторым расчетам, при длине 364 метра, стена имела толщину до 5 метров, а ров — при ширине 3—5 м имел максимальную глубину до 2,5 метров.

Вдоль южного и юго-восточного пологого склона мыса, от укрепленного поселка и до ущелья Моровая, на протяжении до 1500 м, была построена бревенчатая стена-часток толщиной до 1,2 м, забутованная грунтом и камнями (9-я оборонительная линия). Не исключено, и даже скорее всего, этот часток смыкался с внешней оборонительной стеной, однако на отрезке ущелья Моровая он не сохранился. Не выяснен до конца и западный отрезок частокола. Смыкался ли он с палисадом цитадели, что является вполне логичным, или закрывал проход к поселку по мысу в 700 м восточнее каменной стены-бастиона, как представляют себе авторы раскопок, нам не известно. Скорее всего, первое, так как эмпориты должны были быть безопасно связаны непосредственно с торжищем. Примерно так мог выглядеть эмпорий на Бутученском мысу.

Кто что продавал и покупал?

Ссылаясь на Геродота (VII, 147), Страбона (6,1,8), Полибия (IV, 38,4) и другую информацию античных авторов, считают, что эллинские купцы вывозили с гетских территорий в первую очередь скот и множество рабов, а также хлеб и рыбу (Никулицэ 1987: 188). Не вникая в подробности, трудно что-либо возразить по поводу высказанного постулата, хотя у Полибия (IV, 38, 4—5), к примеру, читаем: «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны (выделено мною — А.Л.) доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. (5) Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая...» (Латышев 1947: 300).

Вполне естественно, что перечисленные оптовые доставки осуществлялись в Грецию из многочисленных причерноморских городов-полисов, среди которых и Тира, непосредственно связанная и с гетами лесной

зоны междуречья Днестра и Прута. Однако это ни в коем случае не значит, что из каждого полиса и, тем более, с гетских территорий торговцы вывозили, если не в саму Грецию, то хотя бы в Тиру, все перечисленные товары. В Тире, к примеру, стекались товары из сельских близлежащих поселений и тех, что были раскинуты вдоль берега лимана, от скифов степной зоны правобережья Днестра и, конечно же, от гетов, живших выше по течению реки, в лесной зоне.

Вряд ли можно ставить под сомнение, что основой экономики всех античных поселений, как окружения Тиры, так и более отдаленных, являлось земледелие. Судя по остеологическим данным, жители этих поселков, кроме того, разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей, а также промышляли и рыбой (Охотников 1990: 49). Недаром в землеописании Псевдо-Скимна (798—803) упоминается: «Река Тирас, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой...» (Латышев 1947: 310). Исходя из этого, не мудрено, что упоминаемая Полибием среди предметов роскоши соленая рыба заготавливалась в этих же поселках.

Несомненно также, что основой хозяйства скифов-кочевников было разведение мелкого рогатого скота и лошадей (Степи... 1989: 114), а в результате своих военных набегов скифы могли поставлять на рынок и множество рабов.

Таким образом, основные товары, которые экспортировались тиритами в Грецию, можно было закупать на рынках города или в недалекой округе.

Чем же тогда привлекали торговцев жители лесов — геты? Ведь остатки тары — амфоры под масло и всякого рода вино, которыми изобилуют страны греческого мира, встречаются на протяжении IV века на каждом гетском поселении, и даже на тех отдаленных, что расположены на Среднем Днестре. Не являются исключением и сосуды из чернолаковой керамики, производимой в гончарных мастерских Аттики, хотя в основном это канфары и небольшие чаши. Несмотря на то, что на гетских поселениях северных районов серая причерноморская гончарная керамика встречается редко, в IV веке на памятниках центральной и южной зон она уже представляет собой обычное явление. Далеко на север торговцы завозили и приятные безделушки — ожерелья из бус, а также необходимые для изготовления характерных для гетов фибул, сережек и браслетов слитки бронзы (Levinschi 2003: 46) и, возможно, серебра. Наверняка были и другие товары, к примеру, разного

рода ткани, следы которых вряд ли возможно сейчас обнаружить.

И все-таки, что заставляло торговцев везти свои, не всегда удобные, амфоры с вином столь далеко на север, к варварам, жителям лесов?

Следуя определенной логике, мы предполагаем, что в первую очередь это был мед и, конечно, воск. Ведь из предметов роскоши, традиционно доставляемых в изобилии из Понта, мед и воск можно было заготавливать только у жителей лесных регионов, среди которых, вполне естественно, были и геты.

У нас нет абсолютно никаких материальных остатков, которые можно было бы связать напрямую с наличием бортничества у гетов. Хотя, с другой стороны, сбор меда диких пчел и не требует специальных инструментов. Достаточно было навыков обращения с пчелами, топора, чтобы завалить дерево с дуплом, и сосуда, в который собирали стекающий мед. Попутно, естественно, брали и воск.

Мы, конечно же, не исключаем, и даже почти уверены, что среди предметов, обмениваемых на прекрасное греческое вино, которое варвары пили неразбавленным, была и разного рода пушнина. Кроме того, в некоторых районах гетского ареала, где реки имели широкие долины с богатыми пастбищами, торговцы могли закупать и готовить к отправке в полис стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Дело в том, что при остеологическом определении материалов городища Сахарна «Ла Ревекин», раскопки 1998—2000 годов, исследователем В. Рошка специально было обращено внимание на то, что в составе стада КРС (34%) преобладают крупнопородистые особи. Кроме того, крупнопородистые особи, наряду с низкорослыми, присутствовали в значительном количестве и среди лошадей, составляющих 18% домашнего стада.

Что касается продуктов земледелия, т.е. хлеба, который, по мнению некоторых исследователей (Никулицэ 1987: 188), также вывозился торговцами с гетских территорий, то с этим нам труднее согласиться. В зоне лесов, даже современной Молдовы, хлеб выращивается только для собственных нужд, и то его не всегда хватает. Лесистый и пересеченный ландшафт наверняка не позволял и гетам засеивать обширные поля для получения излишков хлеба на вывоз.

И соленую рыбу вряд ли вывозили торговцы из гетских территорий. Ведь основная часть памятников этого времени расположена довольно далеко от основной водной артерии региона, реки Тирас, которая «*доставляет купцам торговлю рыбой*». Даже на тех

памятниках, которые расположены непосредственно на высоких берегах реки, нам не известны упоминания о находках рыбных костей. Единственная находка такого рода известна по материалам городища Сахарна «Ла Ревекин». За пять лет раскопок только в одной из многочисленных ям-погребов были найдены кости головы хищной рыбы (Levinschi, Covalenco, Bodean 2003: 22).

Суммируя изложенные выше соображения, уточним еще раз, что, несмотря на то, что из гетской среды лесостепи в Тиру могли поставлять скот крупных пород (лошадей и крупный рогатый скот), мы осмелимся утверждать, что основными продуктами, ради которых торговцы проникали даже в самые отдаленные гетские поселки и везли туда свои амфоры с вином (своеобразной «огненной водой»), были мед и воск. Кроме того, мы почему-то уверены, что в тех же самых отдаленных поселках вино обменивали, скорее всего, и на различные меха и пушнину. В связи с этим вряд ли стоит принимать всерьез утверждения, будто потребителями дорогого греческого вина была главным образом родовая аристократия (Никулицэ 1987: 188). Вино в основном служило посредническим средством при товарообмене.

Что касается взаимоотношений гетов, обитателей лесной зоны междуречья Днестра и Прута, с соседями и внешним миром, то, кроме наличия товарообмена и оптовых поставок скота на рынки причерноморских городов, с трудом можно было бы что-то добавить. Как уже неоднократно отмечалось, о гетах обитающих в этой зоне, античная письменная традиция IV в. до н.э. абсолютно ничего не упоминает. Единственными свидетелями происходящих тогда событий являются лишь материальные остатки на местах поселений и на могильниках, а среди них — отдельные предметы или факты.

Об отношениях гетов с греками низовья и дельты Днестра мы уже говорили, они стали довольно интенсивными уже ближе к середине IV века и шли по нарастающей. И все это несмотря на то, что степная зона региона, отделяющая одних от других, была уделом племен скифов — кочующих скотоводов. Их погребения этого времени, как простых соплеменников, так и воинов, исследованы в основном на левобережье Днестра, самые северные из них — плотная группа у с. Васильевка и цепочка курганов от Дубоссар до развилки с. Погреба (Chetranu, Serova 2001; Кетрару, Четвериков 2005: 77—197). Южнее, совсем недалеко, также Н. А. Кетрару раскопал, среди прочих,

еще один скифский курган в окрестностях с. Глиное (Mateevici 1998: 73—77), а чуть южнее была исследована и небольшая цепочка курганов — от с. Красное до окраины Григориополя (Серова, Яровой 1987: 8—87). В этом же районе, у села Бутор, располагалась и целая компактная группа из 15 курганов, 11 из которых оказались скифскими, а часть из них и с более поздними впускными захоронениями (Дергачев, Лапушнян, Мелюкова 1971: 359; Мелюкова 1974а: 53—77; Мелюкова 1974в: 77—95; Серова, Яровой 1987: 88—114).

Не забывая, но и не акцентируя особо внимание на раскопках супругов И.Я. и Л.П. Стемповских в Тираспольском уезде Херсонской губернии (1896—1910 гг., 412 разновременных курганов), скифские материалы которых были изучены и опубликованы намного позже (Мелюкова 1962: 114—165), мы упомянем только достоверные комплексы, расположенные рядом или в небольшом радиусе вокруг г. Тирасполя. При этом не исключено, что часть курганов, фигурирующих при исследовании как «ограбленные», на самом деле были раскопаны в те далекие времена. Учитывая это, из достоверных комплексов к скифским относятся 3 кургана из 5-ти, образующих небольшую цепочку на самой окраине г. Тирасполя, вдоль дороги на Одессу (Хахеу 1990: 120—132). Среди прочих, 2 скифских кургана были исследованы к западу от города, возле с. Паркань (Манзура, Ларина, Савва 1992: 172—183), и еще 6 курганов и 2 впускных погребения в более ранние курганы — к востоку от города, в составе цепочки из окрестностей сел Никольское и Уютное (Агульников, Сава 2004: 6—157).

Далее к югу, по левобережью Днестра до Кучурганского лимана, скифских древностей пока не обнаружено, хотя раскопки курганов в той зоне проводились. Они появляются южнее, вдоль старицы и Днестровского лимана, вплоть до черноморского побережья, где нам известны поселение и скифский грунтовый могильник у села Николаевка (Мелюкова 1975), наряду с курганным (Мелюкова 1984: 90—103). Возможно, еще один грунтовый могильник зафиксирован и в селе Надлиманское (Субботин, Охотников 1981: 106—107). Кроме того, были исследованы и отдельные комплексы в курганах у сел Ефимовка, Маяки, Бугаз и др.

На правом берегу Днестра, кроме упомянутых комплексов у сс. Мерень и Коржево, отнесенных нами к самому началу IV века, скифские курганы обнаруживаются довольно далеко на юг, ниже Бендер, в низовьях доли-

ны р. Ботна, перед впадением в Днестр. Среди курганных групп к северо-востоку от Кэушень, в окрестностях с. Хаджимус, были выявлены и 2 скифских кургана, один из которых с захоронением в прямоугольной яме, а второй — с двумя катакомбами II типа (Чеботаренко, Яровой Тельнов 1989: 154—156, 169—173). Это пока самые северные скифские курганы классического периода. Во всяком случае, в курганной группе у с. Гура-Быкулуй, на водоразделе между Днестром и его притоком Бык, скифские комплексы не упоминаются (Дергачев 1984: 3—36). Скифских захоронений не обнаружено и западнее, в зонах, более отдаленных от Днестра. Так, в 10 курганах, исследованных на территории Каушанского района, между селами Кырнэцень и Сэиць, не обнаружено ни одного скифского комплекса (Демченко, Левицкий 1997: 155—187).

Они появляются далее к юго-востоку, среди курганов, раскопанных на Суворовском оросительном массиве, к северу и югу от райцентра Штефан-Водэ, где были исследованы и 5 скифских насыпей, а также одно впускное погребение в курган эпохи бронзы, с досыпкой над скифским комплексом (Агульников 1989: 33—35, 53—54; Антипенко 1994: 203—205). Все эти захоронения совершены в прямоугольных ямах, и к ним, в таких же ямах, можно добавить еще 5 впускных погребений (одно с досыпкой кургана), исследованных в этой же зоне, ближе к Днестру. Это курганы энеолита — эпохи бронзы, которые были расположены в окрестностях сел Рэскэций Ной, Пуркарь и Олэнешть (Яровой 1990: 16—17, 47—53, 115—117).

Еще одна большая группа скифских древностей — курганы и впускные погребения в ямах и катакомбах, но уже на возвышенности правобережья Днестровского лимана, была исследована между селами Староказачье и Семеновка, а южнее — отдельные комплексы (Субботин, Охотников 1981: 108—116).

Завершив это перечисление населенных пунктов со скифскими древностями на Днестре, мы видим, что все они привязаны к Нижнеднестровской равнине и Днестровскому лиману. Все скифские курганы и впускные погребения зоны расположены на холмах, примыкающих к равнине, и не уходят далее вглубь территории, ни на восток, ни на запад. Сами греки «заботились» в этой зоне о благополучии скифов и организовали свои фактории для обеспечения всем необходимым, включая вино в амфорах. По крайней мере, остатки двух таких торговых пунктов были зафиксированы на возвышенном берегу Днестровского

лимана, на южной окраине с. Паланка, и чуть выше по течению реки, на небольшом мысу правого берега Днестра, в центре современного с. Тудора (Ла Четате). Не исключена вероятность существования и других пунктов выше по течению реки, однако их целенаправленный поиск не проводился. Эти два памятника были идентифицированы в результате разведок, проведенных весной 2007 года экспедицией Отдела археологии НМАИМ. В литературе одно из них фигурирует как относящееся к скифскому времени (Паланка — Мелюкова 1958: 15—16), а другое — как гетское укрепленное поселение (Тудора — Arnăuț 2003: 271). В Тудоре подавляющее количество подъемного материала составляют фрагменты греческих амфор, а в школе с. Паланка хранятся четыре амфоры, среди которых одна, несомненно, относится к хисосским коническим амфорам (первой-третьей четвертям IV в. до н.э.) с колпачковой ножкой (вариант V-B, по С.Ю. Монахову, 2003).

Судя по всему, это была зона их зимовок и постоянного проживания, а в летнее время пастухи выпасали свои стада в долине реки и примыкающим к Днестру долинам речек и речушек.

Далее к западу все исследованные скифские комплексы сконцентрированы на самом юге междуречья, в Причерноморской степи, на холмах и плато вблизи озер Причерноморской низменности и вдоль террасы дельты Дуная. Отдельные курганы или впускные погребения вклиниваются в южную периферию Южно-Молдавской равнины, по течению пересыхающих в летнее время степных речушек. Самые северные комплексы исследованы в районе истоков речушки Салчия Маре, у сел Дойна и Румянцев (Бубулич 1992, 26—33). Далее к югу скифские древности следуют по течению р. Ялпуг с притоками, у села Казаклия — курган и впускное погребение (Бейлекчи, Агульников, Чирков 1986) и курганный могильник у села Балабань (Чеботаренко 1973: 103—120). К скифским также относят и ориентированное на юго-восток впускное погребение в курган эпохи бронзы у с. Томай (Левицкий 1988: 39). Однако мы не будем перечислять все памятники Причерноморской степи. Их детальную характеристику можно найти в статье Е.Ф. Рединой. По ее данным, наиболее представительное число памятников входит в хронологическую группу IV—III вв. до н.э. (Редина 1989: 25—34). В основном в пределах IV в. до н.э. датируются и днестровские памятники, но в хронологические «баталии» мы вступать не будем.

Все перечисленные выше скифские древности, как днестровские, так и причерноморские, отделены от гетских памятников широкой полосой зоны Южно-Молдавской равнины, испещренной долинами степных рек и речушек, а на востоке — правыми притоками Днестра: рекой Ботна и, выше, рекой Бык. Мы не можем исключить тот факт, что в бесснежное время года по долинам этих водных артерий скифы-пастухи со своими стадами доходили и до владений гетов, обитающих в лесистой зоне междуречья, начиная с южных отрогов Центрально-Молдавской возвышенности, занятой Южными Кодрами. Их погребальных памятников этого времени, однако, во всем этом пространстве нет.

И на левом берегу Днестра удобными для выпаса были долины небольших притоков реки, а по одному из самых крупных из них — р. Ягорлык с ее притоком р. Тростянец — скифы наверняка доходили и до южных отрогов Подольской возвышенности. От устья этой реки вдоль Днестра на север уже начинается зона лесостепи, а у села Выхватинцы находилось и самое южное известное укрепленное поселение гетов (Мелюкова 1954: 65—68). И севернее Дубоссарских курганов отсутствуют скифские погребальные комплексы. Единственным признаком их присутствия выше Дубоссар является ритуальное сооружение-святилище, которое было обнаружено к югу от села Мокра, на плато правого берега ручья Дунай, притока реки Тростянец (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001—2002: 218—219).

Вместе с тем, в последнее время все чаще бросается в глаза одна довольно любопытная деталь. Дело в том, что на многих гетских памятниках лесостепи очень часты, среди прочих, и находки лепных горшков с округлободким туловом и отогнутым краем, с нелощеной поверхностью и полностью лишенных какого-либо орнамента. По Е. Москалу, это сосуды средних размеров, относящиеся к типу II/f или II/f 1. Что касается истоков этого варианта горшков, он затрудняется их определить, так как ни одна из гальштатских аналогий не подходит в качестве прототипа, в то время как аналогичные сосуды находятся только в скифской среде. Ко всему прочему, приведенные им в таблицах рисунки сосудов из Пояна и Стычешть, близких нашим формам, датируются только IV в. до н.э. (Moscalu 1983: 36—37).

Относительно памятников междуречья Днестра и Прута, к примеру, из трех несомненно относящихся к этому типу форм горшков, обнаруженных в комплексах горо-

дища Сахарна «Ла Ревекин», сосуд из жилища №5 найден вместе с фрагментами чернолакового канфара середины-третьей четверти IV в. до н.э. Как минимум, в эти же хронологические рамки укладываются и все остальные находки, как с этого городища, так и со всех остальных, на которых проводились исследования (Levinschi 2003a: 264—280). Е. Москалу оставил открытым вопрос об истоках формы горшков типа II/f. Однако их появление на гетских памятниках только в IV веке, а точнее, к середине столетия, когда все Нижнее Поднестровье и Причерноморская зона междуречья Днестра и Дуная были уделом скифских племен, не оставляют у нас сомнений в том, что скифские параллели являются бесспорным свидетельством скифских истоков этой формы.

Каким образом?

Мы недаром приводили подробное перечисление скифских памятников междуречья, датировка которых укладывается в пределы IV века. В результате в интересующем нас регионе, между Днестром и Прутом, мы смогли четко выделить два отдельно расположенных ареала обитания, занятых двумя разными этническими группами, с четко выдержанной «нейтральной полосой» между ними, на которой отсутствуют какие-либо памятники этого времени. Это геты — оседлое население, обитающее в лесистой зоне лесостепи, и скифы — пастухи-кочевники, сконцентрированные в долине Нижнего Поднестровья и по долинам степных речушек Причерноморья и Нижнего Прута с Дунаем. У первых, кроме поселков, запрятанных среди лесов, были и мощные укрепленные поселения-городища. У вторых, кроме повозки-жилища, стада овец или табуна лошадей, за которыми они постоянно передвигались в поисках хороших пастбищ, были только места, где они хоронили своих предков или близких родственников и куда они все время возвращались на зимовья.

Видимо, именно этот разный уклад жизни и позволял этим двум разным народам сосуществовать в Днестровско-Прутском регионе на протяжении более 50-ти лет в рамках IV в. до н.э. В связи с этим вряд ли мы вправе хотя бы допустить, что эти два народа жили абсолютно изолированно друг от друга и не контактировали между собой. В противном случае мы бы не смогли объяснить, каким образом на некоторые гетские памятники попали и отдельные кельтские находки. Речь идет о фибулах духцовского типа с городищ Малая Сахарна (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2001—2002: 199, рис. LIII) и Рудь «Ла Шанцурь» (Tcaciuc, Zsâpchin

2000: 108), а также о «браслете с рубчиками» с этого же последнего городища (Tcaciuc, Zsâpchin 2000: 106, рис. 1/17).

По мнению М.Б. Шукина и В.Е. Еременко, распространение кельтских вещей в скифской среде является отражением контактов скифов Атея с кельтами, которые проникли на Средний Дунай после 358 года, и создания антимакедонской коалиции против Филиппа II (Шукин 1994: 81—82). У гетов кельтские вещи появляются где-то в 350—340 гг. (Levinschi 2003a: 273) или даже немного позже 339 г. до н.э.

Можно допустить, что только благодаря высокой мобильности скифских военных контингентов кельтские вещи со Среднего Дуная могли попасть и на гетские памятники Среднего Днестра. В конечном итоге, это означает, что между скифами и гетами, несомненно, существовали определенные контакты. Судить об уровне этих отношений мы можем, только вспомнив об уже упомянутых горшках с округлобким туловом и отогнутым краем (тип II/f или II/f 1 по Е. Москалу), широко представленных на гетских памятниках, однако с ближайшими аналогиями в скифской среде. «Не боги горшки обжигают» — гласит народная мудрость, и в этом смысле появление такой формы посуды у гетов можно объяснить, помимо контактов, возможным существованием в оседлой гетской среде смешанных браков со скифами.

Такое предположение не лишено оснований, если анализировать некоторые несомненные процессы, происходящие и в скифской среде и ощущаемые через археологические артефакты. Речь идет, конечно, о постепенном внедрении некоторой части степняков в оседлую среду, что особо ощутимо по материалам нижнеднестровских поселений этого времени, особенно левобережных. Скифская лепная керамика является составной частью керамических комплексов этих памятников, независимо от их культурной атрибуции. Судя по данным С.Б. Охотникова, на девяти из 17 приведенных им памятниках известны и материалы IV в. до н.э. (Охотников 1990: 72—74), а некоторые из них — Николаевка, Надлиманское городище и другие поселения — А.И. Мелюкова даже считает собственно скифскими (Мелюкова 1979: 162—163). Так ли было на самом деле — нам трудно судить, однако скифский компонент, несомненно, ощутим на Нижнем Днестре на памятниках оседлого населения этого времени.

Такой констатацией фактов можно было бы закончить скифский сюжет. Их отношения с интересующими нас гетами

лесостепи, в общих чертах, мы выяснили. Тем не менее, не упоминая ничего о политической жизни Западной орды скифов, мы вряд ли сможем связать воедино многие разрозненные события, которые произошли на Балканах, на Дунае, в Восточнокарпатском и Причерноморском регионах во второй половине IV века, непосредственно отразившихся и на гетах лесостепи Молдовы.

Начать можно было бы еще с 80—70 гг. этого IV столетия. Весь клубок событий, происходящих на Балканах в те времена, очень острожно распутывал М. Е. Ткачук (1996: 42—63). Пожалуй, удачно. Из его рассуждений для нас важно, что вследствие ослабления Одрисского царства, охваченного смутой, в период правления Котиса I (384—360 гг.) к устью Дуная вышли трибаллы (Ткачук 1995: 52). Они и стали новыми хозяевами нижнедунайской переправы, той самой, которой воспользовался Дарий в своем походе против скифов в 514 или в 512 году, той самой, которой впоследствии воспользовались скифы в 496 или 495 году и прорвались на Балканы, дойдя «до этого (Фракийского) Херсонеса» (Геродот VI, 40). Наконец, той самой, которую постоянно использовали те же скифы в своих дальнейших попытках проникнуть к югу от полноводной реки. Обезопасить Балканы, по меткому выражению И. В. Бруяко и С. Н. Гизера, мог только надежный «дунайский замок» (Бруяко, Гизер 1990: 120), ключ от которого (переправа) к середине IV века находился в руках у трибаллов (Ткачук 1996: 53).

Мы не знаем, сколь долго трибаллы контролировали переправу через Дунай, так как в это время в зоне всю хозяйничали скифы (скифские комплексы на холмах и плато вблизи озер Причерноморской низменности и вдоль террасы дельты Дуная). Им ограничили свободу беспрепятственного передвижения на юг, и они стали готовиться к реваншу. Судя по всему, об этом противостоянии упоминают более поздние авторы римского времени Фронтин (II, 4, 20) и Полиен (VII, 44, 1) в своих сборниках стратагем. Фронтин, к примеру, сообщает: «Воюя против более многочисленной армии трибаллов, Атей, царь скифов, приказал женищинам, детям и всей массе нестроевого люда гнать стада ослов и быков в сторону арьергарда врага и держать в руках поднятые кверху копья. После этого он сразу распустил слух, что ему идут на подмогу скифы из внутренней части страны. Этим упорным слухом он и удалил врагов» (Fontes 1964: 431—433, перевод А. Л.). Мы, правда, не знаем, в каком году и где могло произойти это столкновение между скифами

и трибаллами. Распространенным является мнение, что скифы Атея утвердились и всю хозяйничали и к югу от Дуная задолго до 339 года (Шелов 1971: 57—58; Iliescu 1975: 13—24; Мелюкова 1979: 241). В связи с этим вполне естественным выглядело предположение, что упомянутое древними авторами столкновение имело место на территории Фракии (Андрух 1995: 16).

Вопреки этим распространенным точкам зрения, мы думаем, что Атей использовал свою стратагему, когда трибаллы уже давно контролировали нижнедунайскую переправу, а скифы еще не прорвались к югу от реки. В таком случае противостояние двух армий имело место на северном берегу, где-то недалеко от переправы, а «скифы из внутренней части страны» — несомненно, это те, что обитали на Нижнем Днестре. В противном случае Атей не смог бы использовать свою уловку со стадами и нестроевым населением, выдав их за прибывающую подмогу. Если не принять такого толкования текста Фронтин, то остается непонятным, как могли угрожать трибаллам к югу от Дуная скифы из внутренней части страны, и, кстати, в таком случае, остается неясным, в каких пределах располагалась эта «внутренняя» часть страны.

Что касается временного промежутка, когда могло произойти упомянутое столкновение скифов с трибаллами, кроме того, что это было еще при жизни Атея, т. е. до 339 года, нам больше ничего не известно. Однако, если считать, что противостоящие армии столкнулись на северном берегу реки, получается, что событие произошло до прорыва скифов Атея на Балканы. Очень даже возможно, что именно вследствие выигранной битвы с трибаллами скифы захватили контроль над переправой через Дунай и перешли в Добруджу. Если верить рассказу Иордана, написанному почти через тысячу лет после обсуждаемых событий, то при осаде Филиппом II Одесса в 342 г. до н. э. помощь осажденным оказали скифы (Гетика, § 65). В таком случае не исключено, что к югу от Дуная скифы появились незадолго до этих событий, ринувшись к широким просторам Добруджи, и незамедлительно вклинились в политическую жизнь региона. Судя по карте, составленной С. И. Андрух, их немногочисленные погребения этого времени на территории Добруджи расположены севернее Одесса, в основном недалеко от Том и Каллат (Андрух 1995: 26—27, рис. 1).

Поражение трибаллов и захват переправы скифами, скорее всего, задел и интересы союзника трибаллов — Византия (Ткачук 1996: 54—59), который, возможно, принял опреде-

ленные санкции против скифов. Не исключено, что именно в этом контексте Аристокрит (I. 4), в передаче Климента Александрийского (V, 5, p. 240), упоминает о письме со следующим содержанием: «Царь скифов Атей народу византийскому. Не причиняйте ущерба моим доходам, чтобы я не напоил своих кобылиц вашей водой» (Fontes 1964: 637). Кроме того, прорывом скифов к югу от Дуная вряд ли были довольны и обитавшие там местные племена. Уже в 340 году, когда Филипп II Македонский начинает войну с Византием, Атей находился в затруднительном положении в войне с истрианами (Помпей Трог, IX, 2, 1).

Нам неизвестно, кто были эти загадочные истриане, однако было бы довольно резонным допустить, что это могли быть местные племена (геты?) из ближайшего окружения Истрии или жители низовий Истра, и они превосходили силой скифов. Как бы там ни было, события, наверняка, происходили в северо-восточной части Добруджи. Как сообщает Помпей Трог, Атей даже был вынужден просить, «через посредство граждан Аполлонии, помощи у Филиппа (Македонского), говоря, что у него есть намерения оставить его преемником на царствование в Скифии. 2. Скончался тем временем вождь истриан, скифам более не страшна была война, и они более не нуждались в помощи. 3. Итак, Атей приказывает македонцам, которых отсылает обратно, чтобы сказали Филиппу, что он и не просил его о помощи, и не обещал, что оставит его наследником, 4. и что скифы не нуждаются в опеке македонцев; они ведь лучшие македонцев, а он, Атей, не лишен наследника, так как у него есть здоровый и невредимый сын».

Чтобы не пересказывать дальнейший ход событий или отсылать к труднодоступному источнику, мы продолжим цитировать Помпея Трога. «Услышав такие вести, Филипп выслал Атею послов, чтобы потребовать часть расходов на ведение осады, чтобы не быть вынужденным прекратить войну 6. из-за отсутствия денег; чтобы передали еще Атею, что он обязан это сделать как можно быстрее, так как солдатам, которые были присланы ему на помощь, он не только не оплатил за услуги, но и не возместил хотя бы расходы на дорогу. 7. Свалив вину на суровый климат и на бесплодность земли, которые не обеспечивают скифам богатства и только с трудом предоставляют им необходимый прокорм, Атей ответил, что он не имеет чем отблагодарить такого великого царя и считает большим стыдом выполнить лишь частично свои

обязанности, нежели совсем не выполнить; 9. что скифы ценятся за храбрость и крепкое тело, а не за их богатства. 10. Филипп, увидев, что над ним насмеваются, снял осаду Византия и пошел войной против скифов, выслав вперед послов, которые успокоили бы их и оповестили Атея, что в то время как он Филипп, осаждал Византий, обещал статую Геркулесу 11. и что идет поставить ее в устье Истра; он идет как друг скифов и просит у него беспрепятственный доступ для совершения обряда божеству. Тот, в свою очередь, потребовал отослать ему статую, если хочет выполнить свое обещание, уверив, что установит на нужном месте и позаботится, чтобы она стояла там невредимой. Не позволит он, однако, македонской армии нарушить его границы. 13. Но если Филипп поставит статую без позволения скифов, то после их ухода он ее снесет и бронзу статуи использует для отливки наконечников стрел. 14. Таким образом, страсти накалились с обеих сторон, и началась война. Несмотря на то, что скифы превосходили македонцев в храбрости и смелости, они все же были побеждены (погиб и сам долгожитель Атей) хитростью Филиппа. 15. Были захвачены двадцать тысяч детей и женщин и большое количество скота; золота и серебра, однако, никакого. Впервые Филипп убедился, что скифы сказали правду, когда утверждали, что они бедны. 16. В Македонию были отправлены двадцать тысяч породистых яловых кобылиц» (Fontes 1964: 353).

Произошла эта решающая битва в 339 году до новой эры. Как нам сообщает Фронтин: «II, 8, 14. Боясь, что его воины не смогут выдержать натиска скифов, Филипп II выставил в тылу своей армии самых верных своих конников и приказал не позволять никому из товарищей по оружию бежать с поля боя, а тех, что ослушаются, убить...». Только предприняв такие меры, македонцы смогли одолеть скифов. Уцелевшие из них, возможно, и под натиском загадочных истриан, были вынуждены вернуться в свои прежние зоны обитания — Нижнее Поднестровье и долины степных речушек Причерноморья и Нижнего Прута с Дунаем. К ним мы еще вернемся, а пока пойдем по следам одержавшего над ними победу Филиппа II Македонского.

Может выглядеть резонным вопрос: зачем? Какая может быть взаимосвязь между гетами лесистой зоны Молдовы, да и всего Восточно-Карпатского региона, с расположенной далеко на Балканах и набирающей силу Македонией во главе с Филиппом II?

Вроде бы ничего общего — ни общих границ, ни общих интересов. Единственной, и то очень тонкой, нитью можно считать золотой статер Филиппа II, чеканенный в Пелле, где-то между 342 и 340 гг. (Le Rider 1977: 432), который был обнаружен в селе Сипотень, Каларашского р-на (Нудельман 1985: 160). Но это ведь золото. Оно им остается и сто, и даже тысячу лет спустя; и в самой Македонии, и в Северном Причерноморье, и в Карпатах, и во многих других местах, где обнаружены такие находки. Золотые статеры набирающего силу государства были надежным средством платежа во многих регионах, наряду с самой представительной эмиссией Филиппа II — серебряными тетрадрахмами, выпущенными македонскими мастерскими в значительном количестве (Preda 1998: 97—98). Однако этих последних, как ни странно, в зоне обитания гетов междуречья исследователи не отмечали. Правда, во всем ареале к востоку от Карпат и вплоть до Днестра в разное время исследователи-нумизматы обращали внимание на серебряные монеты странного вида. Издали они напоминали тетрадрахмы Филиппа II, с бородатым Зевсом на лицевой стороне и олимпийским всадником на обратной стороне, — сильно потертые, с огрубленными, уплощенными изображениями, с одним или несколькими глубокими надрубками и зачастую с одним или несколькими надчеканами. Определяли их как варварские подражания тетрадрахмам Филиппа II, но датировали этот тип монет по-разному. Вторая половина IV в. до н.э. в качестве времени выпуска этих монет была предложена еще в первых десятилетиях прошлого века (Moisil 1920: 68—69) и этой датировки придерживались и в начале второй половины этого же столетия (Sova-Gmitrov 1961: 138). Но десятилетие спустя К. Преда, собравший воедино все находки такого рода и объединивший их под общим названием «тип Хушь-Вовриешть», объявил эту датировку недоказанной и несостоятельной и предположил, что они были выпущены кельто-бастарнскими племенами и находились в обращении между концом III и серединой II в. до н.э. (Preda 1973: 111—131). Таким образом, они оказались вне всякой связи с гетами, если не принимать всерьез постулируемый тезис, что древности типа Поянешть-Лукашовка являются археологическим отображением материальной культуры поздних гетов.

Такая культурно-хронологическая интерпретация была воспринята всеми последующими исследователями (Нудельман 1985:

18—22; Сегреев 1990: 73—83; Mihăilescu-Vîrliba 1990: 71—74), которые так или иначе касались этой проблематики. Все было хорошо. Где-то какие-то материалы подтягивались под утвержденную концепцию, а какие-то датировки, наоборот, растягивались, но все строго в рамках авторитетно установленных интерпретаций.

Но жизнь все-таки время от времени преподносит свои сюрпризы. На этот раз — клад из 54 монет на посаде гетского городища Столничень, района Хынчешть, в гетской кружке, среди которых 10 были хорошо знакомыми серебряными тетрадрахмами типа Хушь-Вовриешть, а остальные — серебряные драхмы Истрии (Levinschi 1997: 319—324; Левинский 1999: 92—96). Сюрприз оказался двойным. Во-первых, клад был обнаружен в достоверном археологическом контексте, на гетском поселении, где древностей типа Поянешть-Лукашовка и в помине нет, и, ко всему прочему, в лепной гетской кружке типа XIV/d, характерной, по Э. Москалу, для IV в. до н.э. (Moscalu 1983: 79, LIX/16). Во-вторых, тетрадрахмы типа Хушь-Вовриешть были обнаружены, как уже было отмечено, совместно с драхмами Истрии с эмиссионным дифферентом «А», среди которых и одна с весовой единицей, соответствующей дидрахме (Левинский 1999: 94—95). Если иметь в виду, что еще Б. Пикк в свое время писал о том, что истрийские монеты с весовым номиналом дидрахмы выпускались до середины IV в. до н.э. (Pick 1898: 147—148), а Дороцкий клад, с драхмами Тиры автономного периода и Истрии, содержащий, среди последних, и монеты с дифферентом «А» (Нудельман 1969: 123, таб. 1), был тезаврирован в 30-х годах IV века (Нудельман 1985: 14), то мы получаем и интервал времени появления монет типа Хушь-Вовриешть. Это середина — 30-е годы IV в. до н.э., а значит, они могли появиться еще при жизни самого Филиппа II.

Тогда же, при публикации Столниченского клада, впервые был поставлен и вопрос о взаимосвязи монет типа Хушь-Вовриешть из ареала восточно-карпатских гетов с областью политического господства трибаллов в районе Нижнего Дуная, в сферу которой входили и геты (Levinschi 1997: 322—324; Левинский 1999: 98—99).

Детальный пересмотр всех находок кладов монет этого и близких по изображению типов тетрадрахм — т.е. посмертные эмиссии и имитации первых серий, известные на Дунае, в Причерноморье и к востоку от Карпат (Levinschi 2004a: 131—136), по-

зволит по-новому посмотреть на монеты, обнаруженные на посаде гетского городища Столничень. Если абстрагироваться от характерных, на первый взгляд, особенностей монет типа Хушь-Вовриешть — сильная потертость, огрубленные и уплощенные изображения, надрубыв и надчеканы, — то получается, что по стилю и деталям изображения этот монетный тип намного ближе к оригиналам Филиппа II, чем все остальные типы имитаций первой основной фазы развития монетной чеканки греко-македонского типа (Раса, Банат, Кричиова и др.), выделенных К. Преда (1973: 29—47). А это означает, что монеты типа Хушь-Вовриешть могли быть чеканены, скорее всего, уже использованными матрицами, в варварской среде, а безобразный вид большей части из них объясняется быстрым износом штампов. Более того, мы позволили себе допустить, что со временем уже полностью изношенные штампы подвергались перегравировке не столь умелыми местными мастерами. Им было мало дела до качества и деталей рисунка на монетах. Они или подгравировывали едва уловимые контуры, или прорисовывали их заново, имея в качестве образца монеты-оригиналы.

Только допустив такую возможность, можно объяснить наличие монет с рисунком лицевой или обратной стороны в зеркальном изображении, неполную или вовсе отсутствующую легенду, а также появляющиеся иногда образцы с лицевой стороной александровских тетрадрахм. Многие из этих монет имели очень безобразный вид, поэтому их распространяли подальше, «в глубинку». Для сверки качества металла и их санкционирования к обращению большая часть монет надрубалась и/или надчеканивалась, и неоднократно.

Если допустить такую версию появления первых так называемых имитаций тетрадрахм Филиппа II, становится объяснимой концентрация монет хорошего качества и без надрубыв в основном к северу от Дуная — в Мунтении, а худшего качества (но и хорошего), с надрубывами (но и без них) — севернее, в основном в Молдове и до линии Днестра.

Конечно, во всех наших рассуждениях мы допустили, что обсуждаемые монеты были чеканены оригинальными изношенными штампами тетрадрахм Филиппа II. В таком случае, однако, возникают вполне закономерные вопросы: когда, где и при каких обстоятельствах монетные штампы-оригиналы могли попасть в руки варваров? Ведь, как утверждает А.Я. Сергеев, греки очень тщательно оберегали действующие штемпеля и так же тщательно, во избежание злоупотреблений,

уничтожали старые. Если некоторые привозные штемпеля могли быть получены и торговым путем, то штемпеля македонских тетрадрахм — только военным путем, как добыча (Сергеев 1990: 80).

Только руководствуясь такими соображениями, мы и предложили пойти по следам Филиппа II Македонского, одержавшего победу над скифами Атея. Как сообщает далее Помпей Трог (IX, 3.): «1. Когда Филипп возвращался из Скифии, трибаллы перекрыли ему путь и отказались пропустить, если он не отдаст им часть добычи. 2. В связи с этим возникла ссора, а потом последовал настоящий бой. Филипп был ранен в бедро стрелой, которая пронзила его тело и убила его коня. 3. Так как все считали царя мертвым, вся добыча была потеряна. Взятые у скифов трофеи как будто были прокляты, столь много горя они доставили македонцам» (Fontes 1964: 353—355).

Произошли эти события во внутренних районах Фракии. Филипп II, царь Македонии, остался жив, но весь его обоз с трофеями достался трибаллам. И гадать не надо, что в руки трибаллов попал и походный «монетный двор» со штемпелями тетрадрахм, изношенными от их использования во время длительной осады крепостей Византия и Перинфа (340—339 гг.). Одинаковая с оригиналами проба серебра так называемых варварских имитаций, о которых мы говорили, указывает на то, что в руки трибаллов попали и запасы монетного серебра, полученного Филиппом в качестве дани от причерноморских городов-крепостей.

Что касается термина, использованного для обозначения этой серии монет, т. е., фигурирующих у К. Преда как имитации первых серий (Preda 1973: 29—47) и тех, которые мы приобщили к ним в качестве тождественных — тип Хушь-Вовриешть, не исключая большую часть находок, относимых многими исследователями к посмертным эмиссиям Филиппа II. При вводе в научный оборот еще одного клада тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть (Левинский, Чокану 2005: 374—392), с учетом всего вышеизложенного, мы посчитали, что их истинное смысловое название должно звучать как «варварский чекан тетрадрахм Филиппа II», с дополнительной необходимой спецификацией. Уточним, что клад был обнаружен в селе Табань, р-на Бричень, будучи зарытым в неполностью сохранившемся гетском лепном сосуде. Это можно было и не акцентировать особо, так как он прекрасно вписывается в пределы ареала аналогичных находок левобережья Прута и его притоков на северо-

западе Республики Молдова (Левинский 2005: 396—397). Загадочным, однако, выглядит тот факт, что в этой зоне нам не известно ни одно достоверное гетское поселение. Но к этому мы еще вернемся.

Кстати, деньги пока вынуждают нас держаться и далее трибаллов. По иронии судьбы, одержавшие над ними верх в недалеком прошлом скифы были побеждены Филиппом II, который, в свою очередь, потерпел поражение в столкновении с трибаллами. Им, трибаллам, уже ничего не стоило вернуть себе и утраченное в битве со скифами. Они вновь стали хозяевами на Нижнем Дунае и владельцами (или совладельцами) «ключа дунайского замка» — переправы через реку у современных населенных пунктов Исакча и Орловка. Чтобы не повторились еще свежие в памяти события со скифами, нам кажется вполне логичным предположить, что трибаллы заключили определенные соглашения с гетами, обитавшими к северу от Дуная, которые к тому времени, также воспользовавшись ослаблением скифов, успели укрепиться на левом берегу реки. Об этом недвусмысленно пишет Страбон, касаясь событий произошедших четыре года спустя (в 335 году), после того как трибаллы нанесли поражение македонцам. «VII, 3. 8. ... Говорят, что Александр, сын Филиппа, во время своего похода против фракийцев, обитавших за Гемом, после того как напал на страну трибаллов — о которых было известно, что простиралась она до Истра и острова Певка на Истре, — зная также и то, что область по ту сторону реки находилась под властью гетов, добрался до реки...» (Fontes 1964: 233—235).

Своим новым союзникам, гетам, за сохранение дружественных отношений и охрану северной стороны переправы от внезапного нападения со стороны недружественно настроенных скифов, трибаллы платили. Платили они серебряной монетой — тетрадрахмой, той, что чеканили сами трофейными штампами, доставшимися от Филиппа II. Платили гетам, скорее всего, и купцы, и тоже серебром — драхмами колонии Истрия, которая в течение двух столетий держала в своих руках всю торговлю в Западном и Северном Причерноморье, как с варварами, так и с греческими центрами зоны. Для охраны переправы наверняка набирались хорошие воины из селений, расположенных далеко в глубине гетских территорий, в том числе из лесистого региона Молдовы.

Такое предположение не лишено оснований, так как гетских поселений на Нижнем Дунае, в особенности в непосредственной близости от переправы, почти нет. На карте,

составленной в 1977 году, гетские древности отмечены лишь в Орловке и Измаиле (Никулицэ 1977: 12), и только в последнее время к ним добавились находки в окрестностях села Джурджулешть (Arnăut 1999: 135—145). Но и эти последние материалы не решают суть проблемы. Судя по сообщениям Арриана, молодой царь Македонии, добравшись до реки, решил высадиться на острове (Певка), где нашли себе убежище трибаллы и фракийцы, но безуспешно. «I, 3, 5. Тогда Александр отвел свои корабли и решил перейти через Истр против гетов, которые обитали за Истром, так как он их видел собравшимися в большом количестве на берегу Истра. Они хотели препятствовать ему, если бы он попробовал перейти к ним (было их около четырех тысяч конных, а пеших более десяти тысяч...)» (Fontes 1964: 583—585).

Такое количество воинов вряд ли можно было бы собрать из окрестных селений. Само изложение дальнейших событий дает понять, что геты обосновались на берегу реки не так уж и давно. Не пересказывая Арриана о том, как Александр перешел реку и как оказался перед гетами, будем цитировать его далее. «I, 4, 3. Однако геты не выдержали даже первую атаку кавалерии. Они были ошарашены тем, как за одну ночь была форсирована самая крупная из рек, Истр, без того чтобы построить мост на месте переправы. Пугала их и непроходимая чаща фаланги, и напористая атака конницы (с Александром было около тысячи пятисот конных и примерно четыре тысячи пеших воинов). 4. Сперва они убежали в сторону города (πόλις), который находился на расстоянии одной парасанги (5400 м) от Истра. Когда же увидели, что оставив конников в первых рядах, Александр спешно уводит фалангу вдоль реки, чтобы не допустить окружения пеших воинов гетами, сидящими в засаде, геты покинули и город, который был недостаточно укреплен. Взяли они своих детей и жен верхом, сколько могли выдержать лошади. По пустынными местам они ушли как можно дальше от реки. Александр покорил город и взял всю добычу, оставленную гетами. 5. На Мелеагра и Филиппа он возложил ответственность за перевозку добычи. Разрушив город до основания, на берегу Истра он совершил жертвоприношение Зевсу Спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что не был им не по силам. В тот же день всех своих воинов вернул невредимых в лагерь» (Fontes 1964: 585—587).

Мы сделали столь пространное отступление и цитирование источников, чтобы выявить один из путей проникновения серебряных монет в ареал гетских памятников Молдовы. Ведь основная масса серебра нам известна по кладам, и вряд ли это были накопления от торговых операций, хотя нельзя полностью исключить и этот источник. С другой стороны, в некоторых кладах указанного ареала сочетаются именно эти два типа и номинала монет — варварский чекан тетрадрахм Филиппа II и драхмы Истрии.

С другой стороны, почему Александр, менее чем год после восшествия на трон Македонии, оказался так далеко на северо-востоке, в устье Дуная? Об этом довольно доходчиво пишет М. Е. Ткачук. По его мнению, готовясь к реализации грандиозного плана — общегреческого похода на восток, Александр не мог оставить у себя в тылу неусмирённых противников, тем более обладающих таким важным стратегическим пунктом, как переправа, способная в любой момент вновь пропустить орды скифов на Балканы. Поэтому война с трибаллами, их покорение во многом для Александра связывалась с возможностью создания некоего южнодунайского плацдарма против скифов (Ткачук 1996, 53).

Как пишет далее Арриан, это ему удалось, так как, когда он вернулся в свой лагерь, к нему «I, 4, 6. (...) пришли послы как со стороны свободных племен, которые обитают на берегах Истра, так и от Сирма, царя трибаллов; пришли послы даже от кельтов, которые живут в Ионийском заливе (Адриатическое море). Кельты крупнотелы и очень уверены в своих силах. Все говорили, что желают быть друзьями Александра. 7. Он завязал со всеми дружбу, принимая и давая гарантии. Кельтов (...) назвал друзьями, сделал их своими союзниками и отослал домой...» (Fontes 1964: 587).

Мы добавили эти последние фразы из Арриана, чтобы показать, что даже далекие кельты, труднодоступные для Александра, предпочли союзнические с ним отношения. В такой ситуации мы попробуем добавить к сохранившимся античным текстам некоторые несущественные для их авторов детали. Судя по контексту, абсолютно не исключено, что среди послов «со стороны свободных племен, которые обитают на берегах Истра», были и послы от гетов. Ведь они контролировали левобережную часть переправы через Дунай и, естественно, были союзниками трибаллов против скифов. Скифы никак не подразумеваются среди послов, зато трибаллы специально упоминаются среди тех,

что пришли заключить союз с Александром, а значит, наверняка там были и геты. Среди договоренностей о дружеском союзе с варварами, судя по всему, главнейшими для Александра были условия не нарушать македонских границ и поставлять воинов в его армию. О наличии последнего условия мы можем судить по текстам Каллисфена (370—327 гг.), дошедшим до нас в более поздней, латинской, версии Юлия Валерия (IV в. н.э.). В литературе они фигурируют как псевдо-Каллисфеновы. Так вот, описывая походы молодого Александра по усмирению северных соседей Македонии, Каллисфен писал: «I, 26. Когда он сосчитал всех своих [воинов] и тех, что достались ему от своего отца, Филиппа, получилось семьдесят семь тысяч, а лучников было шесть тысяч пятьсот. Направил посла к скифам, чтобы шли с ним как товарищи по оружию и чтобы были ему союзниками, если хотят. Скифы послали ему семьдесят тысяч конных лучников, все молодые, на подбор...»

...После того как покорил Фессалонику, пошел против скифов, которые жили во внутренних районах. Три дня спустя пришли послы из Скифии, которые обещали, что будут ему как рабы и просили его, чтобы не шел против них. Александр ответил им: «Идите в вашу страну и пришлите мне искусных лучников-мужчин, сколько хотите, чтобы были мне товарищами по оружию. А я пойду на Лакедемон. Чтобы ваша помощь подоспела в течение шестидесяти дней...» (Fontes 1964: 125—127). Как видим из его сообщений, от всех побежденных варваров Александр требовал воинов. Другое дело, что Каллисфен всех северных варваров называет «скифами», поэтому не исключено, что пришедшие из Скифии послы были гетами (Levinschi 2006: 87—91), город которых покорил Александр на северном берегу Дуная. Кроме всех прочих договоренностей, с Сирмом, царем трибаллов, наверняка был отдельно обговорен и вопрос о прекращении чеканки им серебряных тетрадрахм Филиппа II (Левинский 2005: 391—392), чтобы не подрывать и далее авторитет македонской монеты.

Таким образом, если наши выкладки верны, то геты стали союзниками набирающей могущество Македонии. В такой ситуации нам трудно предположить, как сложились их дальнейшие взаимоотношения с соседними скифами. Единственное, на что мы можем опереться, — это сообщение того же Помпея Трога в изложении Юстина, в котором упоминается, вероятно, о войне Александра, царя

Эпира (умер зимой 330 г.), в Италии. «XII, 2, 16. В то время, пока все это происходило в Италии, Зопирион, которого Александр Великий оставил наместником Понта, посчитал для себя недостойным сидеть без дела и не предпринимать ничего; поэтому собрал тридцать тысяч воинов и пошел войной против скифов. 17. Однако он был убит вместе со всей своей армией, искупив, таким образом, вину, что необдуманно пошел войной против народа, не сделавшего ему никакого зла» (Fontes 1964: 354—355). Произошли эти события в 331 году до н.э.

Мы не будем вдаваться в историографию вопроса по поводу похода Зопириона, так как с этим походом сталкиваются все исследователи, занимающиеся как античными источниками, так и историей самой Македонии, историей гетов, скифов, греческих городов на Понте Эвксинском и т.д. Вместо всего этого мы остановимся на некоторых очень точных и любопытных наблюдениях, приведенных Т.Л. Самойловой в одной из своих работ. «Походу против скифов в Македонии придавалось большое значение, что следует из факта большой численности войск — 30 тыс. воинов. (Войско самого Александра во время похода против трибаллов насчитывало не более 20 тыс.). Это подтверждает большой военный потенциал скифов. Для его уничтожения надо было совершить глубокий рейд в степи Северо-Западного Причерноморья и заодно подчинить города греков в этом регионе: Тиру, Никоний, Ольвию, которые, естественно, занимали антимакедонскую позицию...». Думаю, не будет считаться плагиатом, если и далее буду цитировать Татьяну Львовну на той же странице. Точнее, чем она, вряд ли сможем подметить. «Анализ археологических материалов позволяет прийти к выводу, что в своем движении на восток Зопирион, скорее всего, не тронул сельские поселения в Днестровско-Дунайском междуречье и на Днестре, так как основной удар был направлен против кочевников, которые не вошли пока в непосредственное соприкосновение с противником. Ничего не говорят о военных действиях в Днестро-Дунайском междуречье и письменные источники. Это не может, правда, считаться достаточным основанием для вывода об отсутствии военных столкновений. Но логика событий предполагает следующее. Скифы-кочевники, потерпевшие значительное поражение восемь лет тому назад, хотя и сохраняли определенный военный потенциал, все же не чувствовали себя достаточно уверенно для немедленного разгрома 30-тысячного войска Зопириона и, вероятно, применили свою испытанную

тактику заманивания врага в глубь своей территории, как это было еще во время похода Дария Гистаспа» (Самойлова 1993: 48).

Приведенные выше факты и соображения по отношению к скифам придают сценарию развития событий большую долю вероятности. Поразмыслив над ними и держа еще в памяти оставленный без ответа вопрос взаимоотношений между скифами и гетами после похода Александра на Дунай (в 335 году), мы решили хотя бы очень приблизительно оценить потенциал скифов в Днестро-Дунайском регионе. Ведь после их битвы с македонцами в 339 году, кроме павших воинов, как сообщает Помпей Трог (IX, 2, 14—15), Филиппу достались еще 20 тысяч женщин и детей. Естественно, это можно как-то сделать, лишь сравнивая количество погребальных комплексов в максимально коротких промежутках времени, в данном случае в рамках IV в. до н.э. Не вдаваясь в длинные дискуссии, мы решили проверить только достоверные комплексы, а среди них те, что содержат греческие импорты, в особенности амфоры, типология и классификация которых разработана довольно полно.

Самый «свежий» анализ скифских древностей дубоссарской группы памятников позволяет констатировать, что позднейшее захоронение (курган 18/1), впускное, было совершено не позже 40-х гг. IV в. до н.э. (Кетрару, Четвериков 2005: 155). Если судить по разработкам С.Ю. Монахова 1999 года, херсонесская амфора могла бы затянуть этот комплекс и в 20-е годы столетия, по аналогии формы экземпляру из тризны кургана 13 у с. Бутор (Монахов 1999: 407—412). Однако дубоссарская амфора удержана жестко в ранних хронологических пределах своей взаимосвязью в этом комплексе с чернолаковым канфаром второй четверти IV в. до н.э. (Кетрару, Четвериков 2005: 122—125). В такой ситуации мы не исключаем и более раннюю датировку погребения — до середины столетия.

Что касается Нижнедунайской Скифии, беглый взгляд по более ранним разработкам, основанным на греческих импортах (Андрух 1995: 48), позволяет привести следующие данные:

- концом V — началом IV в. до н.э. датируется курган 28 у с. Плавни;
- к рубежу I—II четверти IV в. до н.э. можно отнести время существования могильника Дивизия;
- первой половиной IV в. до н.э. датируются могильники Чауш, Плавни I, Измаил, курган Цыганча II и погребение у с. Островное;

— к концу IV — началу III в. до н.э. относится комплекс из Констанцы-Суд (Добруджа).

Выявляется очень странная картина. В верхней части Нижнего Днестра, у Дубоссар, нет четких признаков наличия комплексов хотя бы III четверти столетия, а на Нижнем Дунае все четкие хроноиндикаторы скифских древностей укладываются в пределы первой половины IV в. до н.э., и только один комплекс (и тот к югу от Дуная) маячит где-то далеко, на рубеже следующего века.

Правда, ниже С.И. Андрух среди дунайско-днестровских скифских древностей выделяет хронологическую группу памятников в широком диапазоне второй половины IV — начала III в. до н.э., с погребениями в прямоугольных ямах, катакомбах III типа и реже I и II типов. Она выделена на основании аттической керамики, клейм херсонесских амфор, отдельных гончарных сосудов, бус, монет и в нее включены могильники Градешка, Дервент, Кугурлуй, Кисканы, отдельные курганы у с. Кочковатое, Огородное, Констанца-Суд (Андрух 1995: 48—50). В этой группе среди хроноиндикаторов упоминаются херсонесские амфоры с клеймами, которые, согласно ранним разработкам, укладывались именно в указанный интервал времени. В связи с этим доводим до сведения, что, согласно последним исследованиям, результаты которых были представлены в докладе на XII Международной научной конференции в Ростове-на-Дону (26—31 мая 2007 г.), С.Ю. Монахов уточнил, что эта группа херсонесских импортов не выходит за верхний предел III четверти IV в. до н.э. (Монахов, Кузнецова 2009: 158—159). Об этом, кстати, нас все время «предупреждала» и упомянутая амфора из кургана 18/1 дубоссарской группы.

Все эти последние уточнения, волею неволей, заставляют нас сделать вывод, что в последней четверти IV в. до н.э. в Днестро-Дунайском междуречье скифы уже не обитали. Нет ни одного достоверного комплекса. Парадокс, но с этим нужно согласиться. Ведь в свое время Т.Л. Самойлова очень точно подметила, что письменные источники ничего не говорят о военных действиях со скифами в Днестро-Дунайском междуречье. Правда, не исключено, что скифы поступили по старому сценарию двухсотлетней давности, о котором упомянула Татьяна Львовна. Вместе с тем мы зададимся странным, на первый взгляд, вопросом.

А были ли скифы в этой зоне, когда Зопирион с 30-тысячной армией перешел Дунай?

По крайней мере, еще за четыре года до этого (в 335 году), если правильно была истолкована информация Плутарха (I, 3) из жизнеописания Александра, «...Иллирийцы (т.е. трибаллы) начали волноваться, а скифы были готовы помочь восставшим соседям...» (Fontes 1964: 463). Чем закончилось противостояние македонцев и трибаллов — мы уже обсуждали. Они стали союзниками. Заодно союзниками македонцев стали и геты. Мы это тоже оговаривали. В таком случае не исключено, что на гетов к северу от Дуная была возложена и задача дальнейшего предотвращения скифской угрозы на границах нарождающейся могучей империи Александра Македонского. В такой ситуации, если наши выкладки верны, сильно ослабленным после поражения от Филиппа скифам ничего не оставалось, как вернуться к своим сильным и богатым сородичам на Днепре, откуда они более полувека назад ушли на запад, и включиться в состав Восточной скифской орды.

Такой ход событий не покажется надуманным, если учесть псевдо-Каллисфенову «Жизнь Александра» в переработке Юлия Валерия (I, 44), из которой мы узнаем, что Александр подчинил все города Понта. В этой связи напомним, что Каллисфен (370—327 гг. до н.э.), племянник Аристотеля, был придворным историографом самого Александра Македонского и, конечно, знал о «северном» походе Зопириона. Наверняка он знал и о целях похода. Однако, так как он был придворным историографом, подчинение городов Понта, само собой, было приписано самому Александру. Ведь он был императором, и по его приказу была собрана столь огромная (30-тысячная) армия для «северного» похода. И, кстати, Каллисфен ничего не упоминает о том, что поход был организован против скифов. Впервые об этом мы узнаем более трех столетий спустя, от Помпея Трога, в передаче Юстина (II, 3, 4), когда было давно известно о том, что армия Зопириона п о г и б л а (разрядка моя) от рук скифов. Хотя примерно в то же самое время Курций Руф писал: «X, 1, 44. Во время похода против гетов Зопирион, наместник Фракии, был полностью разбит со всей армией из-за страшных и сильных бурь, возникших внезапно» (Fontes 1964: 365). Вот почему и бытуют до сих пор две версии о направленности похода Зопириона и, в зависимости от исследователя или от контекста событий, предпочтение отдается одной или другой из них. Вместе с тем, еще в начале прошлого столетия Ю. Белох объяснял причины похода македонской армии в Скифию планами Александра об установлении связей

Фракии с Бактрией (Beloch 1927: 44), а в конце того же столетия эта версия стала почти официальной (Щукин 1991: 116; Vulpe 2001: 460). И не мудрено, ведь об этом неоднократно упоминал Арриан, описывая экспедицию великого полководца (Арриан, Анабасис, IV, 15, 6; V, 26, 1—2; VII, 1, 2; VII, 16).

Ответ на поставленный выше вопрос получается однозначным. После 335 года ослабленные скифы покинули степную зону Дунайско-Днестровского междуречья. Степь опустела, конечно же, под давлением гетов, союзников Македонии, и они контролировали уже свою «гетскую пустыню». А в 331 году, когда по приказу Александра Зопирион набирал армию для «северного похода», в нее, конечно, были включены и значительные гетские союзнические контингенты. Они лучше знали регион и были более приспособлены к условиям степи. Основной целью для 30-тысячной македонской армии были неподчинившиеся греческие города северо-западного Понта. Первым среди них была Тира.

Вернемся опять к небольшой, но существенной статье Т. Л. Самойловой. «Анализ выявленных в Тире археологических материалов (в частности, системы оборонительных сооружений) позволяет сделать вывод о военном нападении на город. В результате часть оборонительной системы была разрушена, были перестроены дома в северной части Центрального раскопа. Эти разрушения и перестройки датируются концом IV — началом III в. до н.э., так же как и сооружение новых построек, примыкавших к Северной куртине. Около третьей четверти IV в. до н.э., по-видимому, в результате военного нападения был разрушен и Никоний.

Таким образом, несмотря на отсутствии литературных и эпиграфических источников, мы можем утверждать, что нападение Зопириона на Тиру и Никоний, завершившееся их захватом, имело место» (Самойлова 1993: 48—49). Следующей целью была Ольвия.

Зопирион достиг Ольвии, о чем мы узнаем из источника позднеримского времени, «Сатурналий» Макробия (конец IV — начало V в. н. э.), в которых он пишет: «I, 11, 33. ...во время осады Зопириона борисфениты (жители Ольвии) отпустили на волю рабов, дали права гражданства чужеземцам, произвели кассацию долгов и таким образом смогли выдержать осаду врага» (Fontes 1970: 164—165). Несмотря на это, «...на всей территории города выявлены следы пожаров, которые явились причиной гибели жилых сооружений и оборонительных стен именно в период похода Зопириона. Пожары зафиксиро-

рованы к юго-западу от агоры, в Нижнем городе... Картина полностью аналогична той, что наблюдается в Тире и Никонии» (Самойлова 1993: 49). Этим самым Татьяна Львовна выразила свое полное согласие с мнением С. Д. Крыжицкого (1985: 175—176), что взятие Ольвии Зопирионом не вызывает сомнений.

Нам очень трудно высказаться однозначно на эту тему. Однако последовавшая после этого находка на одном из поселений хоры Ольвии, Козырка II, амфорного черепка (остракона) с греческой надписью: «*Никофан, сын Адраста, подарил Зопириону лошадь; пусть он пошлет ко мне в город и пусть передаст ему (посыльному) письма*» (Виноградов, Головачева 1990: 19), — коренным образом изменила ситуацию. Привлечение и других косвенных данных позволило Ю. Г. Виноградову прийти к выводу, что даже при том, что во время осады в Ольвии существовала «пятая колонна», город не был взят Зопирионом (Виноградов, Головачева 1990: 23—26).

Осада длилась долго. Были разрушены и прекратили свое существование все поселения ольвийской хоры (Рубан 1985: 36). Сам город горел. Пожары отмечены повсеместно, были разрушены жилые здания и оборонительные стены. И к юго-западу от агоры, в Нижнем городе, полыхало пламя (Лейпунская 1986: 37). Судя по всему, город был на грани гибели. Недаром даже утверждалось, что его постигла участь Тире и Никонии (Самойлова 1993: 49). Но, несмотря на все это, получается, что абсолютно странным образом Зопирион снял осаду с Ольвии и на обратном пути, как общепринято считать, в «гетской пустыне», т.е. в степной части Дунайско-Днестровского междуречья «он был убит вместе со всей своей армией», то ли скифами, то ли гетами.

Мы не дали ссылки на литературу, потому что это общепринято считать, и только в зависимости от того, какому из античных источников отдается предпочтение, в одних случаях называются скифы, а в других — геты. Однако чтобы не повторяться, мы напомним, что к началу похода Зопириона геты были союзниками македонцев и участниками этого похода. В таком случае Помпей Трог оказывается прав насчет скифов, но возникает новый вопрос.

Откуда взялись скифы в «гетской пустыне»?

Ведь, как мы выяснили, они ушли оттуда еще года четыре назад, вернувшись к своим сородичам на Днепре.

Оказавшись в такой ситуации, нам опять ничего не остается, как предположить, что к началу осады города *борисфениты* (жители Ольвии) успели попросить помощи у ски-

фов, с которыми у них давно установились определенные связи (вспомним о сообщении Геродота [IV, 78], что скифы Скила часто приходили к городу борисфенитов). Косвенным, а возможно, и прямым подтверждением того, что речь идет о днепровских скифах, является один немаловажный факт. Согласно последним разработкам, в пределах указанного времени (третья четверть IV в. до н.э.) датируется основная часть «царских» курганов Восточной, по нашей терминологии, орды (Мозолевский, Полин 2005: 356—392), и позже их больше не возводят. Скифы снялись с насиженных мест.

Если это так, то дальнейший ход событий нетрудно предугадать. Именно появление скифов вынудило Зопириона снять осаду почти поверженного города и отойти в спешном порядке. Его настигли на Днестре, где, судя по всему, он переправлялся в районе современного населенного пункта Вадул-луй-Водэ, на правом берегу реки. Название этого городка переводится дословно «переправа воеводы/господаря». Все эти события разворачивались так быстро и неожиданно, что настигнутый в районе переправы торговец был вынужден быстро закопать свои немалые деньги. Их нашли тысячелетия спустя, на восточной стороне переправы, у с. Дороцкое (Нудельман 1969: 121—128). Возможно, переправлялись и южнее, в районе современного села Олэнешть, на правом берегу Днестра. Во всяком случае, так предполагают некоторые исследователи в связи с обнаружением недалеко от села ставшего общеизвестным клада с бронзовыми греческими шлемами и поножами, перекрывающими прекрасный светильник с посвятителем надписью богине Артемиде (Сергеев 1966: 132—142). Не исключено, правда, что отходивших от Вадул-луй-Водэ вдоль Днестра македонцев у села Олэнешть стали наступать переправившиеся вслед за ними скифы, и гнали далее остатки армии до самого Дуная. И там, недалеко от уже известной переправы у Новосельского или Орловки, были застигнуты врасплох ионийские торговцы, успевшие закопать немалые по тем временам деньги — электровые «кизикины» (Кравченко 1969: 274—277). Верхний рубеж тезаврации этих монет, по мнению С. А. Булатович, не выходит за пределы 330 года (Булатович 1971: 13).

Где-то на просторах от Буга до Дуная погиб и сам Зопирион. Об этом, как сообщает Помпей Трог, Александр узнал немного времени спустя. Ему «XII, 1, 4. ...пришли письма из Македонии, от Антипатера, в которых он уведомлял его о войне Агиса (был убит

в октябре 331 г.), царя спартанцев, в Греции, о войне Александра (умер зимой 330 г.), царя Эпира, в Италии, и о войне Зопириона, своего заместителя, в Скифии. 5. Полученные вести произвели разное впечатление [на Александра Македонского]; радость, которую он испытывал, узнав о смерти тех двух царей, своих соперников, пересиливала горечь потери армии вместе с Зопирионом» (Fontes 1964: 355). Он задумал поход на Индию.

А как же союзники-геты?

Чтобы быть более точными, нас интересует больше всего, как отразились эти события 331 года на гетах, обитавших в лесистой части лесостепи Молдовы.

Внимательный анализ материалов исследованных оборонительных сооружений некоторых укрепленных поселков гетов этого региона — Рудь, Косэуць, Матеуць, Сахарна, Офатинць, Машкэуць, Требужень, Бутучень, Столничень (Левинский 2005: 98—109), позволил, среди прочих, отметить и тот факт, что на большей части из них наблюдаются явные следы мощных пожариц. Следы пожариц выявлены и на недавно исследованном городище Малая Хородка (Munteanu 2007: 20—21), недалеко от Кишинева, а также и на новооткрытых укрепленных поселках у с. Чигырлень, южнее Хородки, и Табэра, в глубине Орхейских Кодр (Levinschi, Covalenco, Vodean 2006: 34—43). Кроме того, многолетние раскопки на уже не раз упомянутом небольшом укрепленном поселке Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: 51—68; Levinschi, Şcipachin, Negură 2000: 87—100; Levinschi 2003: 45—55; Levinschi 2004: 64—80) позволили отметить, что и многие наземные жилые комплексы внутри поселка также погибли в результате пожаров. Исключение не составили и жилища, которые примыкали к внутренней стороне оборонительной стены, и сама оборонительная стена. В связи с этим все чаще возникало чувство, что гибель поселка связана именно с этими пожарами. В этом почти не осталось сомнений, когда под развалом одного из жилищ, в южном секторе оборонительной стены, возле очага, в неестественной распластанной позе, был обнаружен скелет пожилой женщины (до 65 лет), а у ее ног — все кости руки мужчины (35—45 лет) в анатомическом порядке (Levinschi, Covalenco, Abâzov 2002: 46). Специально проведенный по этому поводу анализ датирующих вещей из этих комплексов — отдельные типы лепной керамики, фрагменты греческих амфор и чернолаковой керамики, позволило прийти к выводу, что поселение прекратило свое существование в пределах не позже третьей четверти IV в.

до н.э. (Levinschi 2003a: 261—270). И что оказалось особо любопытным — во всех развалах этих сооружений были обнаружены бронзовые трехлопастные скифские наконечники стрел, характерные, по А.И. Мелюковой, для скифских комплексов IV в. до н.э. (Мелюкова 1964: 24—25). Кроме того, на валу и в заполнении жилища при вале (в южном раскопанном секторе) часто встречались фрагменты костей человеческих рук — явные следы происходившей там резни. В такой ситуации нам ничего не оставалось, как предположить, что небольшой, но хорошо укрепленный поселок Сахарна «Ла Ревекин» был взят штурмом и подожжен скифами. Мы тогда предполагали, что это произошло еще где-то во времена Атея (Levinschi, Covalenco, Abâzov 2002: 46; Левинский 2002: 256—258).

Результаты, полученные при рассмотрении материалов городища Сахарна «Ла Ревекин», подтолкнули нас обратиться и ко всем остальным укрепленным поселкам, на которых проводились хотя бы ограниченные раскопки, с целью выяснения, каков верхний предел существования их гетского горизонта.

Как оказалось, наиболее поздние датируемые вещи, обнаруженные на этих памятниках, не выходят за пределы той же третьей четверти IV в. до н.э. Интересен и тот факт, что среди находок из комплексов или культурного слоя всех без исключения городищ в обязательном порядке фигурируют и бронзовые трехлопастные скифские наконечники стрел, аналогичные сахарнянским (Levinschi 2003a, 270—280). Исключения в этом плане не составляет и очень мощный и крупный укрепленный поселок Столничень, расположенный на юго-восточном пограничье Южных Кодр. Там, при небольших раскопках (50 кв. м.) одного из уплощенных курганообразных возвышений на внутренней территории укрепления, вокруг глинобитного очага, были обнаружены 7 человеческих скелетов (при последующих раскопках их количество возросло), интерпретированных авторами исследований как гетские подкурганые захоронения, а городищу был придан статус «города мертвых» (Sîrbu, Arăuț 1995: 378—383). Однако при внимательном рассмотрении всех этих так называемых захоронений оказалось, что все они были сосредоточены на уровне и вокруг наземного глинобитного очага. Среди них были как дети, так и взрослые, которые лежали в абсолютно разных позах и были ориентированы в абсолютно разных направлениях. Кроме того, абсолютно все скелеты были неполной сохранности, или у них были сломаны и смещены отдельные кости, и ни при одном из скелетов

не был размещен специально какой-либо погребальный инвентарь.

Все это вместе взятое не оставляет сомнений, что это явные следы произошедшего в этом поселке побоища, когда спрятавшиеся в доме жители были порублены, а развалившиеся после пожара стены прикрыли оставленные неубранными тела. Их больше некому было убрать, а до некоторых из них добрались дикие животные и растащили. Это уже был «мертвый город», и он стал таковым, наверняка, после того как через него прошли скифы. Среди прочего, на вскрытой площади был обнаружен и скифский наконечник стрелы, идентичный найденным в развалах жилищ городища Сахарна «Ла Ревекин». Утверждать и далее, что это могли быть скифы Атея, как мы предполагали изначально, вряд ли есть смысл. Ведь гетские контингенты, как мы выяснили, наверняка были включены в армию Зопириона. А это значит, что, уничтожив отходящую македонскую армию, днепровская скифская орда наводнила и всю Днестровско-Прутскую лесостепь. Скифские бронзовые наконечники стрел упомянутого типа часто попадают и среди подъемного материала многих неукрепленных гетских поселений. К примеру, Н.П. Тельнов, на поселении Ханска «Пидашкэ», за пару часов собрал, среди прочего, и несколько таких наконечников (1980 г.), и такой же мы подняли на одном из поселений у с. Чигырлень, на котором и до нас местные жители иногда их находили. Этот список можно продолжить, но суть в другом.

Нападение было абсолютно неожиданным, и нападающих было огромное количество. Живущие на посаде городища Столничень даже не успели собрать свой скарб и укрыться за оборонительными стенами. Имеющиеся при себе немалые деньги один из жителей посада зарыл тут же, на окраине (Levinschi 1997: 319—320), и, возможно, успел скрыться в лесу. Тех, за стенами, постигла другая участь. Их останки и сейчас еще лежат среди развалов жилищ.

Скифы шли по всем поселкам. Те, которые недавно покинули этот регион (после 335 года), хорошо знали места. До зоны Сахарна, спалив по пути все селения, они добрались к концу августа — время созревания кизила в лесу. В золе очагов жилищ укрепленного поселка Сахарна «Ла Ревекин» встречаются, кроме проса и пшеницы, и обугленные косточки кизила. Явные следы сопротивления на стенах городища указывают на то, что здесь скифов уже ждали. Они уже знали об их приближении, но надеялись выстоять. Ведь

в небольшом радиусе здесь были сконцентрированы несколько укрепленных поселков, и среди них Большая Сахарна с высокими стенами и выступающими бастиями. Однако напрасно. Не помог даже удобный рельеф и мощные стены. При ее штурме, скорее всего, погиб и кто-то из скифских военачальников. Его похоронили тут же, недалеко от городища, на вершине холма. Два расползшихся кургана (Usataia, Levinski 1995: 77), один из которых имеет мощный прожог и остатки каменной обкладки с ровиком, еще стоят на этом месте. Наверняка погибший был одним из бывших соседей, что обитали совсем недавно ниже по Днестру, у Дубоссар, или южнее, у сел Никольское и Уютное, Слободзейского района. И в одной, и в другой зоне нам известны скифские курганы IV века с прожогами (Chetraru, Serova 2001: 13—66; Кетрару, Четвериков 2005: 87—154; Агульников, Сава 2004: 128—131).

Совсем одиноким и чужим в гетской среде выглядит и скифский курган, исследованный в окрестностях села Косэуць, Сорокского района (Манзура 1982: 122—129). В сложном деревянном подземном «доме мертвых», размерами 10×8 м, вместе с конями, слугой и конюшим, был захоронен один из скифских предводителей, одетый в железную пластинчатую кольчугу. Обширные прямоугольные или квадратные ямы с деревянным сооружением внутри характерны, в основном, для правобережных среднеднепровских древностей (Степи... 1989: 69). Такие конструкции нам неизвестны в IV веке ни на Днестре, ни на юге междуречья Днестра и Дуная. А именно этим периодом, IV—III в. до н.э., датировали этот неординарный курган (Манзура 1982: 128). Здесь, на Среднем Днестре, явно нашел свое последнее пристанище представитель Восточной орды. Геты продолжали упорно сопротивляться.

Надеялись противостоять нашествию и жители микрозоны, расположенной далеко вверх по Днестру, в окрестностях современного села Рудь, Дондюшанского района. Они возлагали большие надежды на стены, пожалуй, самого мощно укрепленного поселка во всем гетском ареале междуречья — Рудь «Ла Шанцурь». Четыре оборонительные линии исследовала в свое время (1970—1976 гг.) М.А. Романовская. Въезд через самую большую, четвертую оборонительную стену со рвом, был дополнительно укреплен двумя башнями. Зная о приближении врага, сюда начали стекаться жители всех окрестных неукрепленных поселков. Их из-

вестно на сегодняшний день не меньше 8-ми (Sava și col. 1995: 281—357).

На самом городище беженцы стали сооружать себе временные, углубленные в землю полуземлянки. Существующие наземные жилища, примыкающие к внутренней стороне оборонительной стены, не могли вместить всех. Полуземлянок было нарыто много и везде, они были небольшие и расположены почти вплотную друг к другу. Был конец лета или начало осени, и холода еще не наступили. Очаги им не были нужны, они располагались на улице, недалеко от входа (Романовская 1975: 446). В полуземлянках-шалашах находили себе убежище женщины и дети до 10—15 лет (Романовская 1972: 13; Pavlov 2000: 113—118). Все мужчины старше этого возраста и даже часть женщин были на стенах крепости. Но это их не спасло.

У стен цитадели (4-я внешняя оборонительная линия), во рву, среди прочего, найден и скелет ребенка (Романовская 1975: 446), а на остатках стен — «встречены скопления костей человека и животных» (Романовская 1973: 415). В пространстве между этой и третьей оборонительной линией, в полуземлянке 4 «найжены 11 черепов, в жилище 5 — шесть черепов. Кости людей перемешаны с костями животных» (Романовская 1973: 415). В этом же пространстве, в полуземлянке 9, «на полу жилища найдены пять скелетов детей и женщин» (Романовская 1975: 446), «в жилище 10 — три, а в жилище 11 — пять» (Романовская 1976: 476).

«Во рву, перед третьим валом городища, найден скелет ребенка без вещей», а во рву второго вала «найден женский скелет» (Романовская 1973: 416). На самих остатках этой (второй) оборонительной стены, на площади 4×10 м, вдоль вала, «найжены 10 костяков погибших при защите городища воинов» (Романовская 1977: 460), а в пространстве до первой оборонительной линии, в полуземлянке 12, «на полу жилища обнаружены скелеты погибших (женщины и ребенка)» (Романовская 1976: 460).

На первом внутреннем, или последнем оборонительном рубеже, «во рву на площади в 4 кв. м обнаружено скопление человеческих и лошадиных костей. После расчистки выявились два скелета, лежавших на дне рва, в позах, мало напоминающих погребальные. (...) В этом же скоплении обнаружено пять черепов без костяков» (Романовская 1970: 358).

Что было за последним рубежом, мы начали узнавать только спустя 20 лет. За пять полевых сезонов работы экспедиции университета Высшая антропологическая школа,

в шести полуземлянках были обнаружены неполной сохранности человеческие останки (Tscaciuc, Zsârpchin 2000: 101—102) 35 женщин и детей в возрасте до 10 лет (Pavlov 2000: 113—118).

После ухода скифов больше никому было убрать и захоронить погибших. Люди остановились на этом месте только более ста лет спустя. Это были «бастарны-пришельцы».

Вместо заключения

На последних трех предложениях можно было бы закончить изложение истории гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы. Все мои рассуждения и изложения основаны на гетских древностях, исследованных в зонах лесов территории Республики Молдова. Они мне хорошо знакомы, большую часть из них я осматривал лично — как сами памятники, так и материалы, обнаруженные в ходе археологических раскопок. Я специально не касался аналогичных древностей территории Румынии — от Карпат и до Прута. Привлекать их, не будучи знакомым со многими деталями, хотя бы ландшафтного расположения памятников, посчитал нецелесообразным. Разобраться в них предстоит моим румынским коллегам. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что население, оставившее эти древности, составляло единый культурный ареал от Карпат и до самого Днестра. В этом контексте, естественно, интересно выяснить — «прошлись» ли скифы по всему этому культурному ареалу?

Судя по всему — да.

Не сетуя на количество исследованных памятников и качество публикации их материалов, отметим лишь некоторые неоспоримые факты. Исследования, проведенные на городище Кэята, уезда Вранча, привели исследователей к выводу, что вал был прожжен до красного цвета в результате мощного пожара (Bobî 1999: 52). Остатки оборонительной стены городища Федешть-Четэцуе, ближе к Пруту, в уезде Васлуй, по наблюдениям Т. Марин, по ширине до 3 м, были доведены до стеклообразной массы (Marin 1999: 41). Севернее, на городище Мошна, уезда Яссы, известном еще с начала прошлого столетия, по всему периметру верхней части вала отмечены комплексы *in situ*, состоящие из «слоя обмазки, фрагментов керамики и др.», толщиной 0,2—0,6 метра. Исследователи интерпретируют этот слой пожарища как остатки сожженных наземных жилищ, построенных по гребню большей части длины маршрута вала (Florescu, Melinte 1968: 129—134). На недалеко расположенном (10—15 км к северу) укрепленном поселке у с. Рэдукэнь оползнями был выявлен человеческий ске-

лет без черепа, лицом вниз и с правой рукой, подвернутой под таз. Возле скелета был обнаружен и трехлопастный наконечник стрелы скифского типа (Chirică, Tanasachi 1985: 334). Южнее Мошны (до 20 км), на городище Бунешть, уезда Васлуй, многолетними раскопками (1978—1981 гг.) исследована площадь в 800 м² и в последний сезон, в двух траншеях, на уровне древней поверхности (0,3—0,35 м) были выявлены кости расчлененных человеческих скелетов (Bazarciuc 1983: 249).

Этот список можно продолжить, если очень внимательно пройтись по всем мало-мальски исследованным памятникам. Дело в том, что прожженное глиняное заполнение оборонительной стены иногда воспринимается исследователями как «глина в процессе окаменения», и в этом уверял меня И. Т. Никулицэ, осматривая остатки оборонительной стены городища Сахарна «Ла Ревекин», со ссылкой на то, что такое он видел на памятниках Румынии. Так это или нет — дадим возможность выяснить нашим соседям. А пока становится довольно ясным, что скифы добрались до самых Карпат.

А что же дальше? Городища были разрушены, а погибших гетов никому было захоронить.

И, несмотря на это, вряд ли уместно предположить, что население было уничтожено поголовно, даже несмотря на то, что жизнь на этих памятниках больше не возродилась. Несомненно, много людей было пленено и продано в рабство. Это всегда было в порядке вещей. Ведь не на всех городищах обнаружены человеческие останки, хотя их оборонительные сооружения были разрушены пожарами. Если учесть и многочисленные неукрепленные поселки, которые не могли оказать никакого действенного сопротивления, то, наверняка, большая часть населения покидала в спешке дома и уходила подальше в глубь лесов, спасаясь бегством, в надежде, что набег быстро пройдет.

В продолжение такой логики разворачивания событий, пожалуй, настало время вспомнить о двух, оставленных по ходу изложения без объяснений, фактах.

Во-первых, так называемые «городища-убежища», на которых почти полностью от-

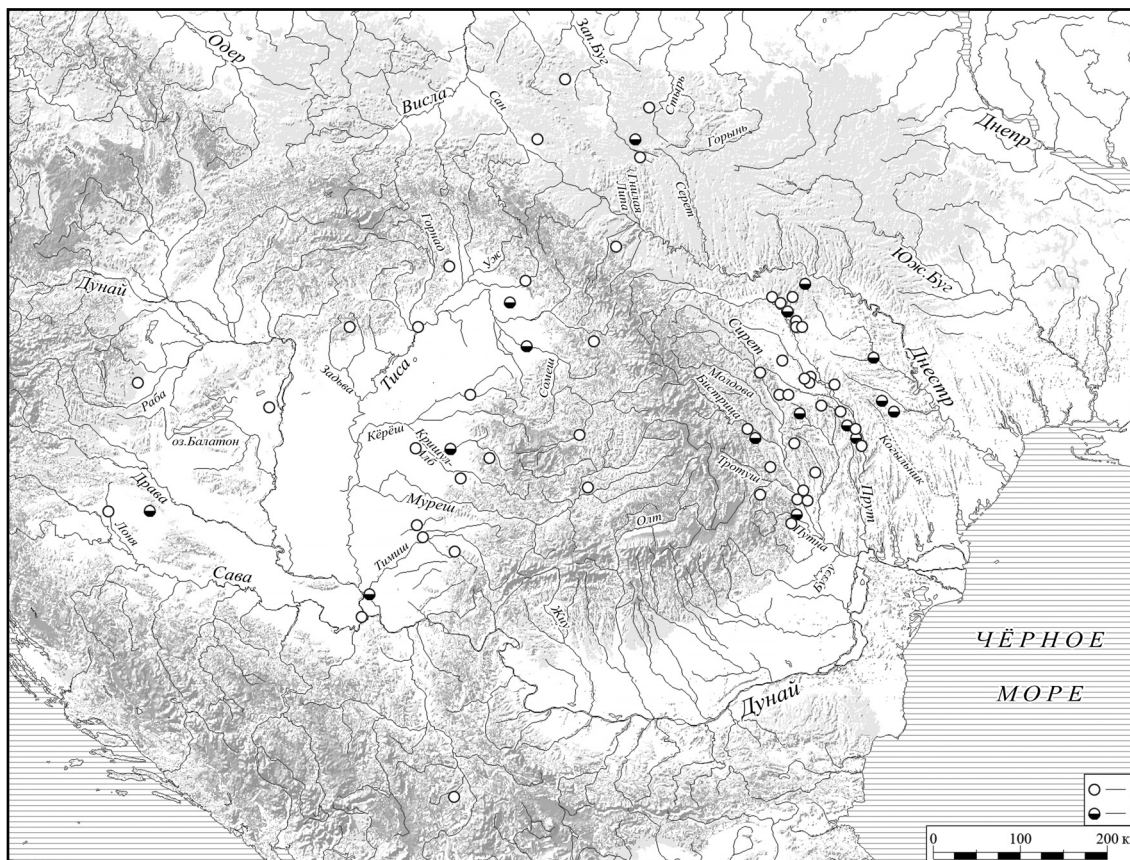

Рис. 8. Местонахождения тетрадрахм Филиппа II (варварский чекан, тип Хушь-Вовриешть). 1 — единичные находки; 2 — клады.

существует культурный слой и которые расположены где-то далеко от основных сосредоточений гетских поселков. К ним однозначно можем отнести городище Табэра в верховьях Кулы, притока Реута, почти на западном пограничье Северных Кодр (Levinschi, Covalenco, Vodean 2006: 39—40), и городище Косэуць на Днестре (Munteanu 2004: 91—96; 2007: 295—310), стоящее особняком между памятниками нижней части Среднего Поднестровья и небольшой Рудьской группой на восточной окраине Молдавского плато. Несмотря на то, что следы длительного проживания в этих поселках отсутствуют, оба городища подверглись штурму и разрушению. В таком случае наше предположение о том, что они были построены при непосредственной опасности и их не успели обжить, выглядит вполне логичным. С другой стороны, то, что они подверглись штурму и разрушению, как и большая часть жилых городищ, косвенно, дают нам время и причину разрушения (331 год, скифы). Но самое главное — тот факт, что они расположены не на подступах и не в гуще жилых зон, а где-то далеко за их пределами, несомненно, указывает на то, что отходящие в глубь лесов геты спешно возводили новые укрепленные поселки, в надежде, что опасность еще можно предотвратить.

Однако это не помогло. Большая часть населения все же уходила дальше.

Куда?

Здесь очень даже необходимо вспомнить о втором немаловажном факте — варварском чекане серебряных тетрадрахм Филиппа II, монетах типа Хушь-Вовриешть. Мы уже не раз упоминали о загадочности большой концентрации таких находок на северо-западе Республики Молдова, на левобережье Прута и его левых притоках, в пределах Единецкого и Бричанского районов, где не известен ни один достоверный гетский поселок (Левинский 2005в: 396). В контексте разворачивающихся событий мы почти не сомневаемся в том, что отходивших из центральной зоны вдоль Прута вверх по течению гетов, а также тех, что проживали по Днестру и отходили вдоль его правого берега, именно в этой зоне настигли шедшие по их следам скифы. В этом небольшом регионе были зарыты, по крайней мере, четыре клада тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть, не считая случайных находок (Левинский 2005в: 396). Здесь уместно напомнить, что монеты клада Табань были сложены в разбитой гетской кружке (Левинский, Чокану 2005: 374).

При такой трактовке происходящих событий вполне объяснимо присутствие

в этой же зоне одной-единственной во всей лесостепи Днестровско-Прутского междуречья находки медной монеты Ольвии — эмиссии третьей четверти IV в. до н.э. (Карышковский 1983: 170—171). В окрестностях современного села Брынзень ее потерял кто-то из днепровских скифов.

Уцелевшие или ушедшие далее геты частью продолжили свое движение вверх по Днестру, и ближе к истокам реки этот поток, скорее всего, начал разветвляться. Проследить их дальнейшие передвижения нам помогут опять-таки монетные находки — филипповские тетрадрахмы типа Хушь-Вовриешть (рис. 8). Некоторые геты ушли все дальше по Днестру, дойдя до незаселенного региона притоков верхней Вислы. Другие, судя по всему, по правому притоку верховья Днестра, Гнилая Липа, вышли к истокам Буга, на Волынской возвышенности, в места, также никем не заселенные. В обоих этих районах разыгрался очередной этап трагедии. Скифы снова настигли уцелевших гетов. Об этом красноречиво свидетельствуют те же находки филипповых тетрадрахм варварского чекана, Медька и Луцка в Польше и Липовице, Скоморохи, Тереволь — по истокам Буга и Стыри, среди которых фигурируют и клады. Объяснить как-то иначе присутствие таких монет в незаселенных местностях, в которых на протяжении всего IV в. до н.э. нам не известно никаких поселений какого-либо населения, — вряд ли возможно. Каков был исход разыгравшихся там событий — мы вряд ли сможем предположить в ближайшем будущем. Следы отходящих в эти стороны днестровских гетов и их преследователей обрываются у истоков Вислы и Буга.

Что касается гетов, отходивших вверх вдоль Прута, то они, скорее всего, по Яблоницкому перевалу прошли через Карпаты, вышли к истокам Тисы и разо-

шлись по Закарпатской и Среднедунайской низменностям. Сюда же, по Ср. Верецкому и Ужокскому перевалам, добралась и часть днестровских гетов.

Спасшееся население восточно-прикарпатских поселков и, наверняка, тех, что обитали в зоне Бырладского плато, ушло от преследования в горы и через перевалы Ойтуз, Биказ, по течению реки Молдова, вышло в бассейны истоков Сомеша и Муреша. Все эти передвижения нам подсказаны все теми же находками монет типа Хушь-Вовриешть, разбросанными по течению Муреша. Много таких находок известно в верховьях Тисы, большая концентрация наблюдается по Кёрёшу (Кришул Алб) и на юге, по Тамишу (Тимишу).

Пока мы не знаем, добрались ли скифы вслед за уходящими гетами до внутрикарпатских регионов или нет. Мы не готовы еще хотя бы что-то предположить. Единственное, в чем мы не сомневаемся, это то, что там геты встретились с кельтами. То, что они встретились и что это были «наши» геты, можно судить, к примеру, по материалам могильника Фынтьнеле в Трансильвании. Для лепной керамики этого памятника И. Х. Кришан в свое время находил очень четкие аналогии в гетской среде, в том числе и среди материалов укрепленного поселения на Бутученском мысу в Молдове (Crişan 1978: 143—154), раскопанных когда-то Г. Д. Смирновым. Могильник Фынтьнеле, кстати, не является единственным памятником, на котором очень отчетливо проявляется присутствие пришельцев с востока. Кроме керамики, к таким явным «следам» можно причислить и наличие обряда сожжения на кельтских могильниках с трупоположением, и многое другое. Однако это уже совсем другая тема, которую нужно разрабатывать именно в таком свете произошедших тогда событий. Это может быть и началом «дакийского сюжета».

Литература

- Агульников С. М., Антипенко Е. О. 1989. *Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989*. Архив НМАИМ, № 297.
- Агульников С. М. 1993. Курган скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте. *РА* (1), 115—119.
- Агульников С., Сава Е. 2004. *Исследования курганов на Левобережье Днестра*. Кишинэу: СЕР USM.
- Андрух С. И. 1995. *Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э.* Запорожье.
- Антипенко Е. О. 1994. К вопросу о некоторых особенностях скифских погребальных сооружений Суворовского курганного могильника на Нижнем Днестре. *ДЗОССП II*. Тирасполь, 203—205.
- Артамонов М. И. 1973. *Сокровища саков*. Москва: Искусство.
- Банару В. К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень). В: *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса, 177—179.
- Бейлекчи В. С., Агульников С. И., Чирков А. Ю. 1986. *Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г.*, I. Архив НМАИМ, № 231.
- Билимович З. А. 1973. Аттические зеркала в Северном Причерноморье. В: *Памятники античного прикладного искусства*. Ленинград: Наука, 39—50.
- Блаватская Т. В. 1948. Греки и скифы в Западном Причерноморье. *ВДИ* (1), 206—213.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. 1994. Курганы царей Скифии в IV в. до н.э. В: *Проблемы скифо-*

- сарматской археологии Северного Причерноморья (Тез. докл. к 95-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова). Запорожье, 26—27.
- БСЭ. 1973. *Большая Советская Энциклопедия*, 13. Москва: Советская Энциклопедия, издание третье (глав. ред. Прохоров А. М.).
- Борзьяк И. А., Манзура И. В., Левицкий О. Г. 1983. Коржевские курганы. *АИМ в 1979—1980*, 3—27.
- Боузэк Я. Г. 2006. Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений, и их параллели в других странах периферии греческого мира. В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, 34—38.
- Бруязо И. В. 1999. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопаонтийского кризиса III в. до Р. X.). *Stratum plus* (3), 325—332.
- Бруязо И. В. 2003. *Процессы культурогенеза в причерноморско-карпатском регионе в раннем железном веке (первая половина I тысячелетия до Р. X.)*. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Бруязо И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. X.)*. Кишинев: Высшая Антропологическая школа.
- Бруязо И. В. 2005а. Поселение Ново-Некрасовка II («Геродотовы») геты на Нижнем Дунае). *Revista arheologică, s. n. 1* (1), 279—300.
- Бруязо И. В., Гизер С. Н. 1990. Фракийская керамика из раскопок городища Новосельское II на Нижнем Дунае. В: *Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины*. Одесса; Запорожье. 120—123.
- Бубулич В. Г. 1992. *Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемировского района в 1991 г.* Архив НМАИМ, № 334.
- Булатович С. А. 1971. *Электровые монеты Кизика и их роль в денежном обращении Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Одесса.
- Бырня П. П., Чеботаренко Г. Ф. 1964. Материалы к археологической карте Молдавии (итоги разведочных работ 1959 г.). В: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 273—284.
- Василенко Б. А. 1974. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н.э. *Нумизматика и эпиграфика* 11. Москва: Наука, 3—28.
- Виноградов Ю. Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос. *Нумизматика и эпиграфика* 10. Москва: Наука, 3—63.
- Виноградов Ю. Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. *СА* (3), 92—109.
- Виноградов Ю. Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье. В: Голубцова Е. С. (отв. ред.). *Античная Греция 1*. Москва: Наука, 366—420.
- Виноградов Ю. Г., Головачева Г. В. 1990. Новый источник о походе Зопириона. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 15—30.
- Власенко И. Г. 1985. Новые археологические памятники в Молдавии. *АИМ в 1981 г.*, 198—205.
- Власенко И. Г., Сорокин В. Я. 1982. Археологические памятники в зонах новостроек севера и центра Молдавии. *АИМ (1977—1978)*, 179—193.
- Высотский А. Л. *Отчет об археологической разведке бассейна р. Когильник (Оргеевский, Резинский р-ны МССР) в 1987 году*. Arhiva MNAIM, № 273.
- Геродот. 1999. *История в девяти томах*. Перевод Г. А. Стратановского. Москва: НИЦ «Ладомир», «Аст».
- Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. 1995. *Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья*. Тирасполь: Мако.
- Граков Б. Н. 1954. Каменское городище на Нижнем Днепре. *МИА* 36, 240.
- Демченко Т. И., Левицкий О. Г. 1997. Исследование курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. In: Dergacev V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tip. AŞ RM, 155—187.
- Дергачев В. А. 1966. Археологические разведки в долине реки Ишновец. В: *Сборник работ молодых ученых*. Кишинев: РИО АН МССР, 244—250.
- Дергачев В. А. 1979. Раннескифское погребение на Среднем Пруте. *СА* (3), 239—241.
- Дергачев В. А. 1984. Курганы у с. Гура-Быкулуй. В: Артеменко И. И. (отв. ред.). *Курганы в зонах новостроек Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 3—36.
- Дергачев В. А., Лапушнян В. Л., Мелюкова А. И. 1971. Исследование памятников бронзы и раннего железа в Молдавии. *АО в 1970 г.*, 359.
- Дергачев В. А., Сава Е. Н. 2001/2002. Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка. *Stratum plus 2001—2002* (2), 526—562.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. Москва: Наука.
- Загинайло А. Г., Карышковский П. О. 1990. Монеты скифского царя Скила. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 3—15.
- Златковская Т. Д. 1966. Городище Матеуцы. В: *Новое в советской археологии*. Москва: Наука, 220—225.
- Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. 1969. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье (МИА 150)*. Москва: Наука, 35—50.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. *МИА* 16, 264.
- Исмагилов Р. Б. 1993. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему «классической» Скифии). *ПАВ* (6), 62—65.
- Исмагилов Р. Б. 1994. Скифская легенда и раннесарматские царства. В: *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Тез. докл. к 95-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова)*. Запорожье, 69—71.
- Карышковский П. И. 1971. Скифы на Дунае. *Український історичний журнал* 9, 54—60.
- Карышковский П. О. 1960. О монетах с надписью EMINAKO. *СА* (1), 182—189.
- Карышковский П. О. 1983. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке. *МАСП* 9, 170—171.
- Карышковский П. О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Одесса: А. С. Фридман.
- Карышковский П. О., Клейман И. В. 1985. *Древний город Тира: историко-археологический очерк*. Киев: Наукова думка.
- Кашуба М. Т. 1989. Антропоморфные фигурки с поселения Матеуцы. В: Борзьяк И. А. (отв. ред.). *Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 63—65.
- Кашуба М. 2006. Гетские материалы из многослойного

- поселения Холеркань (раскопки 1954 года). *Revista arheologică, s. n. 2* (1—2), 334—347.
- Кашуба М. Т., Хахеу В. П., Левицкий О. Г. 1999. Та самая Гетика или... четвертая? В: *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья* 3. Запорожье, 120—127.
- Кашуба М. Т., Хахеу В. П., Левицкий О. Г. 2001—2002. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). *Stratum plus* 2001—2002 (3), 118—223.
- Кашуба М. Т., Курчатова С. И., Щербакова Т. А. 2001—2002. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). *Stratum plus* 2001—2002 (4), 180—252.
- Кетрару Н. А. 1961. Материалы к археологической карте Молдавии. В: *Труды (за 1960 год) ГИКМ*. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 113—128.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л. 1987. Скифские курганы в Дубоссарском районе. В: *Молдавское Поднепровье в первобытную эпоху*. Кишинев: Штиинца, 107—131.
- Кетрару Н. А., Четвериков И. А. 2005. Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980—1987 гг.). *Stratum plus* 2003—2004 (3), 77—197.
- Конноли П. 2001. *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. Москва: ЭКСМО-Пресс.
- Косвен М. 1963. *Семейная община и патронимия*. Москва: Наука.
- Кравченко А. А. 1969. Клад кизикских статеров из Одесской области. *СА* (1), 274—277.
- Крыжицкий С. Д. 1984. Античные государства Северного Причерноморья. Строительная техника. Жилые дома. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Археология СССР*. Москва: Наука, 201—207.
- Крыжицкий С. Д. 1985. *Ольвия. Историко-архитектурно-строительное исследование архитектурно-строительных комплексов*. Киев: Наукова думка.
- Кузнецова Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э.*, 1. Москва.
- Лапушнян В. Л. 1979. *Ранние фракцийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. 1974. *Памятники раннего железного века*. АКМ (4). Кишинев: Штиинца.
- Лапушнян В. Л., Попов С. И. 1973. Погребение V в. до н. э. из Молдавии. *АО 1972 г.*, 409.
- Лапушнян В. Л., Романовская М. А. 1972. О работе гетского отряда. *АО 1971 года*, 450.
- Латышев В. В. 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ* (1—4).
- Левинский А. Н. 1990. Раскопки на черняховском поселении Гура-Кэинарулуй I. *АИМ в 1985*, 176—193.
- Левинский А. Н. 1999. Столбиченский клад: культурно-хронологическая интерпретация монет типа Хушь-Вовриешть. *Stratum plus* (6), 92—99.
- Левинский А. Н. 2002. Реконструкция фортификационного сооружения гетского городища VI—IV вв. до н. э. «Сахарна «Ла Ревекин»». В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *ДОЗСП 3*. Тирасполь, 256—258.
- Левинский А. Н. 2005. Оборонительная система на укрепленных поселениях гетов лесостепной Молдовы. *Revista arheologică, s. n. 1* (1), 98—109.
- Левинский А. Н. 2005а. Два подхода к решению вопроса о появлении гетов в Молдавской лесостепи (VI в. до н. э.). *Stratum plus* 2003—2004 (3), 255—264.
- Левинский А. Н. 2005в. Античные монеты и геты лесостепной Молдовы. *Stratum plus* 2003—2004 (6), 393—398.
- Левинский А. Н. 2007. О времени появления первых греческих колонистов на Днестре. В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Материалы XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 21—24.
- Левинский А. Н. 2009. Заселение греческими колонистами Нижнеднестровской равнины в VI в. до н. э. В: Копылов В. П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 53—59.
- Левинский А. Н., Коваленко С. И. 2004. Городище гетов на Днестре — «Сахарна «Ла Ревекин»». In: *Thracians and circumponic World. IXth International Congress of Thracology, summaries*. Chişinău, 90—91.
- Левинский А. Н., Чокану М. М. 2005. Новый клад тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть и вопрос о начале варварского чекана монет Филиппа II. *Stratum plus* 2003—2004 (6), 374—392.
- Левицкий О. Г. 1988. Курганы эпохи бронзы у с. Томай. *АИМ 1983*, 35—44.
- Левицкий О. Г., Демченко Т. И. 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы. *ДСПК 5*, 41—53.
- Лейпунская Н. А. 1986. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977 гг.). В: *Ольвия и ее округа*. Киев: Наукова думка.
- Лурье С. Я. 1940. *История Греции*, 1. Ленинград.
- Манзура И. В. 1982. Раскопки кургана у села Косоуцы (Сорокский р-н). *АИМ (1977—1978)*, 122—129.
- Манзура И. В., Ларина О. В., Савва Е. Н. 1992. Исследование курганов у с. Паркань. *АИМ 1986*, 171—188.
- Маркевич В. И. 1955. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. *ИМФАН СССР 5* (25), 131—145.
- Мартынов А. И., Шер Я. А. 1989. *Методы археологического исследования*. Москва: Высшая школа.
- Маслеников А. А., Романовская М. А., Юшко А. А. 1974. Раскопки на городище Рудь. *АО 1973 года*, 424—426.
- Мелюкова А. И. 1954. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. *КСИ-ИМК 56*, 59—68.
- Мелюкова А. И. 1955. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг. *ИМФАН СССР 5* (25), 51—71.
- Мелюкова А. И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. *МИА 64*, 8—110.
- Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины. *МИА 115*.
- Мелюкова А. И. 1963. Исследование гетских памятников в Степном Поднепровье. *КСИА 94*, 64—68.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов. В: *САИ Д 1—4*. Москва: Наука.
- Мелюкова А. И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами. В: *Древние фракцийцы в Северном Причерноморье (МИА 150)*. Москва: Наука, 61—80.
- Мелюкова А. И. 1972. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. *СА* (1), 57—72.
- Мелюкова А. И. 1974. Культура племен Днестровско-

- Прутского междуречья (VIII—I вв. до н.э.). В: Зеленчук В.С. (отв. ред.). *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 7—52.
- Мелюкова А.И. 1974. Раскопки курганов у с. Бутор Григориопольского района. *АИМ в 1972 г.*, 53—77.
- Мелюкова А.И. 1974а. Работы Западно-Скифской экспедиции. *АИМ в 1973 г.*, 77—95.
- Мелюкова А.И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.
- Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.
- Мелюкова А.И. 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка. В: *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 90—103.
- Мелюкова А.И. 1989. Скифские памятники степи Северного Причерноморья. В: Рыбаков Б.А. (гл. ред.). *Археология СССР*. Москва: Наука, 51—67.
- Мирчев М. 1962. Раннотракийский могилен некропол при с. Равна. *Известия на археологическия институт при БАН 25*. София, 97—164.
- Мирчев М. 1965. Тракийский могилен некропол при с. Добриня. *Известия на Народния Музей Варна 1* (16), 33—70.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Издательский дом «Стилос».
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммериды.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2009. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие боспорские или раннехерсонесские). В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 148—161.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1999. Гибель Великой Скифии и царь Атей. В: *Скифы Северного Причерноморья (к 100-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова)*. Москва, 101—103.
- Никулицэ И.Т. 1969. Исследования гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. В: Кетрару Н.А., Маркевич В.И., Полевой Л.Л. (отв. ред.). *Далекое прошлое Молдавии*. Кишинев: РИО АН МССР, 134—145.
- Никулицэ И.Т. 1972. Исследование гетского могильника Ханска-Лутэрия. *АИМ в 1968—1969 гг.*, 105—121.
- Никулицэ И.Т. 1973. Исследования поселений раннежелезного века в Ханском микрорайоне. *АИМ (1972 г.)*, 95—109.
- Никулицэ И.Т. 1977. *Геты IV—III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях*. Кишинев: Штиинца.
- Никулицэ И.Т. 1985. Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. *АИМ в 1981 г.*, 95—117.
- Никулицэ И.Т. 1987. *Северные фракийцы в VI—I вв. до н.э.* Кишинев: Штиинца.
- Никулицэ И.Т., Рафалович И.А. 1974. Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. *АИМ (1973 г.)*, 79—92.
- Никулицэ И.Т., Татаренко С.С. 1973. Результаты раскопок гетского поселения у с. Ханска в 1971 г. *АИМ в 1970—1971 гг.*, 129—133.
- Нудельман А.А. 1969. Монеты Тиры и Истрии из с. Дороцкое. В: *Труды ГИКМ 2*. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 121—128.
- Нудельман А.А. 1976. *Топография кладов и находок единичных монет*. Кишинев: Штиинца, АКМ (8).
- Нудельман А.А. 1985. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе*. Кишинев: Штиинца.
- Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. *ИМФАН СССР 4* (31), 129—133.
- Ольховский В.С. 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным. *СА* (4).
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н.э. В: *САИ Д 1—27*. Москва: Наука.
- Охотников С.Б. 1990. *Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.
- Пассек Т.С. 1949. Археологические разведки в Молдавии. *КСИИМК 26*, 57—68.
- Пассек Т.С. 1956. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году. *ИМФАН СССР 4* (31), 19—36.
- Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. В: *САИ Д 4—5*. Москва: Наука.
- Полевой Л.Л. 1962. Новые находки античных монет в Молдавской ССР. *СА* (1), 289—291.
- Полевой Л.Л. 1969. Археологические памятники верхнего течения р. Ботна. В: Кетрару Н.А., Маркевич В.И., Полевой Л.Л. (отв. ред.). *Далекое прошлое Молдавии*. Кишинев: РИО АН МССР, 185—210.
- Полин С.В. 1987. О походе Дария в Причерноморскую Скифию. В: *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина 2*. Кировоград, 50—53.
- Полин С.В. 1987. Хронология раннескифских памятников. *Археология* (59), 17—36.
- Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., Бейлекчи В.С., Дергачев В.А. 1977. Исследования Данченского могильника. *АО 1976*, 457—458.
- Редина Е.Ф. 1989. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей. В: Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья*. Киев: Наукова думка, 25—34.
- Рикман Э.А. 1967. *Памятник эпохи великого переселения народов*. Кишинев: Карта молдовеняскэ.
- Рикман Э.А. 1975. *Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры*. Москва: Наука.
- Рикман Э.А., Никулицэ И.Т. 1985. Гетское поселение Ханска. *АИМ в 1981 г.*, 118—124.
- Романовская М.А. 1971. Раскопки на гетском городище Рудь. *АО 1970 года*, 358—359.
- Романовская М.А. 1972. *Отчет о раскопках, проведенных на городище Рудь Дондюшанского района МССР в 1972 году*. Архив НМАИМ, № 68.
- Романовская М.А. 1973. О работе Гетского отряда. *АО 1972 года*, 415—416.
- Романовская М.А. 1975. Работы Гетского отряда. *АО 1974 года*, 446.
- Романовская М.А. 1975а. Оборонительные сооружения городища Рудь в Молдавии. В: *150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР*. Киев: Наукова думка, 83—84.
- Романовская М.А. 1976. Исследования на городище Рудь. *АО 1975 года*, 476.
- Романовская М.А., Гайдуков П.Г., Макаров Н.М.,

- Варенов А. В. 1977. Раскопки городища Рудь. *АО 1976 года*, 459—460.
- Рубан В. В. 1985. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в VI—III вв. до н. э. *ВДИ* (1).
- Сальников А. Г. 1962. Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией. *МАСП* 4, 61—72.
- Сальников А. Г. 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). *МАСП* 5, 176—225.
- Самойлова Т. Л. 1993. Поход Зопириона и Северо-Западное Причерноморье. В: *Древности Причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 46—51.
- Сергеев А. Я. 1990. О варварских подражаниях тетрадрахмам Филиппа II типа Хуши-Вовриешти. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 73—83.
- Сергеев Г. П. 1960. Скифский кинжал из Олонештского района МССР. *ЗОАО* 1 (31), 262—265.
- Сергеев Г. П. 1961. Погребение скифского воина. В: *Труды (за 1960 год) ГИИМ*. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 137—140.
- Сергеев Г. П. 1966. Олонештский античный клад. *ВДИ* (2), 132—142.
- Серова Н. Л., Яровой Е. В. 1987. *Григориопольские курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Смирнов Г. Д. 1949. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. *УЗИИЯЛ* 2, 189—202.
- Смирнов Г. Д. 1949а. Скифское городище и селище Большая Сахарна. *КСИИМК* 26, 93—96.
- Смирнов Г. Д. 1964. Археологические разведки в нижнем течении Реута. В: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 248—254.
- Смирнова Г. И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. *СА* (4), 36—41.
- Смирнова Г. И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *РА* (2), 101—118.
- Степи... 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. *Археология СССР* 10. Москва: Наука.
- Струве В. В. 1968. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Ленинград: Наука.
- Субботин Л. В., Охотников С. Б. 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья. В: *Древности Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 106—116.
- Ткачук М. Е. 1995. *Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VI—II вв. до н. э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Ткачук М. Е. 1996. Тень трибаллов (из антологии хронологических разрывов). В: *История, экономика, культура молдаван к востоку от Прута*. Кишинев, 42—63.
- Ткачук М. Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологии хронологических разрывов). *Stratum plus* (3), 274—304.
- Усатая Е. А., Левинский А. Н. 1994. *Отчет о полевых изысканиях в окрестностях села Сахарна Резинского района Р. Молдова в 1993 году*. Архив НМАИМ, № 473.
- Федоров Г. Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. *МИА* 89, 380.
- Фол А. 1975. Проблемы письменных источников о V в. до н. э. *Studia Tracica* 1. София, 161—173.
- Фролов И. Т. 1987. Смерть. В: *Философский словарь*. Москва: Политическая литература, 431—432.
- Хахей В. П. 1990. Исследование скифских курганов у г. Тирасполя в 1983 г. В: Дергачев В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 120—132.
- Хахей В. П. 1992. О гетских памятниках Левобережья Молдовы. В: *Anuarul MNIM* 1. Chişinău, 122—128.
- Хохоровский Я. 1991. Восточные влияния на территории Средней Европы в конце эпохи бронзы и в начале железного века. В: *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Киев, 153—155.
- Хынку И. Г. 1990. *Вестижий стрэмоиешть*. Кишинэу: Штиинца.
- Цехмистренко В. И. 1960. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. *СА* (3), 59—77.
- Чеботаренко Г. Ф. 1973. Скифские курганы у с. Балабаны. *АИМ 1970—1971*, 103—120.
- Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. 1989. *Курганы Буджакской степи*. Кишинев: Штиинца.
- Черненко Е. В. 1982. Поход Дария в Скифию. В: *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 3—38.
- Черненко Е. В. 1984. *Скифо-персидская война*. Киев: Наукова думка.
- Черненко Е. В. 1987. Легенда о царе Атее. В: *Киммерийцы и скифы*. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина 2. Кировоград, 81.
- Шелов Д. Б. 1965. Царь Атей. В: *Нумизматика и сфрагистика*. Киев: Наукова думка, 16—40.
- Шелов Д. Б. 1971. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. В: *Проблемы скифской археологии*. Москва: Наука, 54—63.
- Щукин М. Б. 1991. *Машина времени и лопата*. Кишинев: Штиинца.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: «Фарн».
- Элиаде М. 1991. От Залмоксиса до Чингиз-хана. *Кодры* 7, 104—135.
- Яровой Е. В. 1990. *Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья*. Кишинев: Штиинца.
- Agulnicov S. 2003. Un tumul scitic de lângă satul Cioburciu. *Tyragetia* XII, 40—44.
- Alexandrescu P. 1956. Izvoarele greceşti despre retragerea lui Darius din expediţia scitică. *SCIV* 7 (3—4), 319—342.
- Archibald Z. H. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace*. Oxford.
- Amăut T. 1999. Necropola getică de la Giurgiuleşti. In: *Studia in honorem Ion Niculiţă*. Chişinău: Cartdidact, 135—145.
- Amăut T. 2003. *Vestigii ale sec. VII—III a. Chr. în spaţiul de la Răsărit de Carpaţi*. Chişinău: CE USM.
- Amăut T., Ursu Naniu R. 1996. *Vestigii getice din cea de a doua epocă a fierului în interfluviul pruto-nistean*. Iaşi: Editura Helios.
- Avram A. 1991. Beziehungen zwischen Griechen und Geten im archaischen Histria. In: *Studii Clasice* 27. Bucureşti, 19—30.
- Avram A., Poenaru Bordea Gh. 2001. Coloniile greceşti din Dobrogea. In: *Petrescu-Dîmboviţa M., Vulpe A.*

- (coord.). *Istoria României*, I. București: Editura enciclopedică, 533—634.
- Banaru V. 2008. Cu privire la decorul vaselor cu figuri roșii din nordul și nord-vestul Pontului Euxin. *Tyragetia I* [XVI] (1), 79—118.
- Beloch I. 1927. *Griechische Geschichte* 4. Berlin; Leipzig.
- Bazarciuc V. V. 1983. Cetatea geto-dacică de la Bunești, jud. Vaslui. *SCIVA* 34 (3), 249—273.
- Bobi M. V. 1999. *Civilizația geto-dacilor de la curbura Carpaților (sec. VI a. Chr. — II p. Chr.)*. București.
- Bodean S. 2003. Contribuții la repertoriul arheologic al Republicii Moldova. *Tyragetia XII*, 97—105.
- Boldureanu A. 2007. Cronica descoperirilor monetare (I). *Tyragetia I* [XVI] (1), 351—360.
- Boroffka R., Trohani G. 2003. Necropola getică de la Canlia, com. Lipnița, jud. Constanța. In: *Cercetări arheologice XII*. București: Editor C. Mușețeanu, 139—198.
- Brihuneț E. 2005. Vestigii arheologice în moșia comunei Mileștii Mici, r-l Ialoveni. *Tyragetia XIV*, 101—104.
- Cebotarenco Gh. Th. 1997. Cetatea halstattiană târzie de la Hârtopul Mare. In: *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: Tipografia AȘ RM, 211—220.
- Chetaru N., Serova N. 2001. *Necropola aristocrației scitice de la Dubăsari (sec. V—IV î. e. n.)*. Chișinău: Tyragetia.
- Chevalier J., Gheerbrant A. 1969. *Dictionnaire des symboles. Mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres*. Paris: Éditions Robert Laffont S. A.
- Chirică V., Tanasache M. 1985. *Repertoriul arheologic al județului Iași*, 2. Iași.
- Ciocanu M. 2005. O tetradrahmă thasiană găsită la Stolniceni, raionul Hîncești. In: *Simpozion de numismatică, rezumate*. Chișinău, 7.
- Ciocanu M. 2006. Un tezaur de monede și podoabe antice descoperit în împrejurimile Durleștilor. In: *Simpozion de numismatică, rezumate*. Chișinău, 6.
- Condurachi E. 1964. Relations entre les Grecs et la population autochtone du Bas-Danube à la lumière des dernières découvertes archéologiques. In: *Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen*. München, 25—44.
- Crișan I. H. 1978. Die Anfänge der Latènezeit bei den Geto-Daken. *Dacia n. s.* 22, 143—154.
- Detschew D. 1974. *Die Thrakische Sprachreste*. Viena.
- Dimian I. 1955. Cîteva tezaure de monede grecești și dacice necunoscute descoperite pe teritoriul R. P. R. *SCIV VI* (1—2), 303—307.
- Dimitriu C. 1933. Cîteva obiecte preistorice găsite în Basarabia. *Arhivele Basarabiei* 4, (4), 288—295.
- Eliade M. 1992. *De la Zalmoxis la Gingis-Han*. București.
- Florescu A. C. 1971. Unele considerațiuni asupra cetăților traco-getice (hallstattiene) din mileniul I î. e. n. de pe teritoriul Moldovei. *Cercetări Istorie (s. n.) II*. Iași, 103—118.
- Florescu A., Melinte Gh. 1968. Cetatea traco-getică din a doua jumătate a mil. I a. Chr. de la Moșna (jud. Iași). *SCIV 19* (1), 129—134.
- Fontes. 1964. *Izvoare privind istoria României*, I. București: Editura Academiei RPR.
- Fontes. 1970. *Izvoare privind istoria României*, II. București: Editura Academiei RPR.
- Gardiner-Garden J. 1987. Darius' Scythian Expedition and its Aftermath. *Klio* 69 (2).
- Georges P. 1987. Darius in Scythia. The Formation of Herodotus' Sources and the Nature of Darius' campaign. *American Journal of Ancient History* 12, 97—147. (1995).
- Glodariu I. 1983. *Arhitectura dacilor*. Cluj-Napoca.
- Haheu V. 1998. Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Soldănești. *Revista arheologică*, 2. Chișinău, 111—135.
- Haheu V. 2008. *Sisteme de fortificații traco-getice la est de Carpați*. Chișinău: Biblioteca de arheologie, III.
- Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. *Völker zwischen Germanen und Kelten*. Neumünster.
- Hartog F. 2001. *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre* (1980). Paris, ed. revăzută.
- Hänsel B. 1974. Zur Chronologie des 7 — bis 5. Jh. v. Chr. im Hinterland vom Odessos an der westlichen Schwarzmeerküste. *Prähistorische Zeitschrift* 49 (2), 193—217.
- Hîncu I. Gh. 1993. *Cetăți antice și medievale timpurii din Republica Moldova*. Chișinău: Universitas.
- Iaroslavschi E. 1997. *Tehnica la daci*. Cluj-Napoca.
- Iconomu C. 1978—1979. Cercetările arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. *Cercetări istorice IX—X*. Iași, 177—236.
- Iliescu V. 1971. Campania strategului Zopirion la Dunărea de Jos. *Pontica* 4, 57—74.
- Iliescu V. 1975. The Scythians in Dobrudja and their Relations with the native Population. In: *Relations between the autochthonous Populations*. București, 13—24.
- Irimia M., Conovici N. 1990. Săpăturile arheologice în așezarea getică fortificată de la Satu Nou, com. Oltina, jud. Constanța. *Pontica XXIII*, 81—96.
- Izvoranu T., Nicolae E. 2004. Monede antice descoperite în Republica Moldova. *Simpozion de numismatică, rezumate*. Chișinău, 9—10.
- Kašuba M., Haheu V., Levițki O. 2000. *Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu*. București: Biblioteca Thracologică, XXXI.
- László A. 1985. *Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei*. — Rezumatul tezei de doctorat. Iași.
- Le Rider G. 1977. *Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II: frappé en Macédoine de 359 à 294*. Paris.
- Legrand Ph. 1932. *Hérodote. Introduction*. Paris.
- Levinschi Al. 1997. Un tezaur monetar de la Stolniceni (considerații preliminare). *Tyragetia IV—V*, 319—324.
- Levinschi Al. 2000. *Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică "Saharna-La Revechin", campania 1999*. Arhiva MNAIM, № 466.
- Levinschi Al. 2001. Date preliminare privind datarea complexelor fortificației getice "Saharna-La Revechin". *Tyragetia X*, 103—112.
- Levinschi Al. 2002. Despre un tip de amfore din sec. IV î. e. n. din fortificația "Saharna-La Revechin". *Tyragetia XI*, 49—52.
- Levinschi Al. 2003. Mărturii privind prelucrarea metalelor la geți în sec. VI—IV î. e. n. *Tyragetia XII*, 45—55.
- Levinschi Al. 2003a. Limita cronologică superioară a fortificațiilor getice din zona Saharna — Rezina. In: Sava E. (red. șef). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău, 261—284.
- Levinschi Al. 2004. Fortificația getică "Saharna-La Revechin" (cercetările din anii 2000—2002). În: Răileanu N. (red. resp.). *Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000—2003) 1*. Chișinău: Tyragetia, 64—80.
- Levinschi Al. 2004a. Monedele de tip Huși-Vovriești. In: *Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gh. Postică*. Chișinău: Pontos, 131—136.
- Levinschi Al. 2004b. The ceramics as a chronological index for the Getian vestiges of the Middle Dniestr (VI—IV c. B.C.). In: *Thracians and circumpontic*

- World. IXth International Congress of Thracology, summaries. Chișinău, 73—74.
- Levinschi Al. 2005. Considerații asupra începuturilor de locuire a geților în silvostepa Moldovei (sec. VI î.e.n.). *Tyragetia* XIV, 63—70.
- Levinschi Al. 2005a. *Raport privind rezultatele lucrărilor de prospectare arheologică din zona centrală a Republicii Moldova (r-le Orhei și Ialoveni) în anul 2004*. Chișinău, 10.
- Levinschi Al. 2006. „Sciții” din opera istoriografului Calistene (aa. 370—327). In: *Materialele conferinței științifice „Epoca Elinismului: actualitatea și contemporaneitatea”*. Chișinău, 87—91.
- Levinschi Al. 2007. Date preliminare privind începutul de locuire a geților pe locul așezării fortificate Saharna Mare. *Tyragetia* I [XVI], 1, 275—278.
- Levinschi Al., Covalenco S. 2001. *Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică “Saharna-La Revechin”, campania 2000*. Arhiva MNAIM, № 468.
- Levinschi Al., Covalenco S., Abâzov E. 2002. Fortificația getică “Saharna-La Revechin” — sistemul defensiv. *Tyragetia* XI, 41—48.
- Levinschi Al., Covalenco S., Bodean S. 2003. *Raport privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică “Saharna-La Revechin”, campania 2002*. Arhiva MNAIM, № 467.
- Levinschi Al., Covalenco S., Bodean S. 2006. Noi vestigii getice în zona Codrilor Moldovei. *Tyragetia* XV, 34—43.
- Levinschi Al., Șcipachin O., Dulea Gh. 1999. Rezervația istorico-naturală “Saharna” — primele investigații. *Tyragetia* VIII, 51—68.
- Levinschi Al., Șcipachin O., Negură M. 2000. Complexele locative din fortificația getică “Saharna-La Revechin”. *Tyragetia* IX, 87—100.
- Levițki O. 1996. Contribuții la cunoașterea genezei și evoluției culturii hallstattului tracic la est de Carpați. In: *Probleme actuale ale istoriei, economiei și culturii moldovenilor de la est de Prut. Seminarul cu statut permanent*, 1. Chișinău, 29—41.
- Levițki O. 1998. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. *Revista arheologică* 2. Chișinău, 28—59.
- Levițki O., Haheu V. 1998. Necropola Hallstattiană fîrzie de la Giurgiulești. In: *Studia in honorem Ion Niculiță*. Chișinău: Cartdidact, 121—134.
- Linthorh I. 1918. OI ATHANATIZONTES (Herodotus IV. 93—96). *Classical Philology* 13, 27—37.
- Marin T. 1999. Fedești, „Cetățuie”. In: *Cronica cercetărilor arheologice, campania 1998*. Vaslui, 40—41.
- Mateevici N. 1998. Cercetările a doi tumuli de lângă satul Hlinoia, Grigoriopol. *Tyragetia* VI—VII, 73—78.
- Mateevici N. 1999. Contribuții la cercetarea și studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. In: *Studia in honorem Ion Niculiță*. Chișinău: Cartdidact, 177—195.
- Mateevici N. 2005. Rolul amforelor grecești în comerțul greco-barbar din spațiul Bugo-Carpatic în sec. VI — începutul sec. II a. Chr. *Tyragetia* XIV, 71—80.
- Mateevici N. 2007. *Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a. Chr.* Chișinău: Biblioteca Tyragetia, XIV.
- Matveev S. 2004. Reconstrucția sistemului de fortificații a cetății Potârca (jud. Orhei). Studiu de caz. In: *Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gh. Postică*. Chișinău: Pontos, 115—120.
- Mihăilescu-Bîrliba V. 1990. *Dacia răsăriteană în secolele VI—I î.e.n. Economie și monedă*. Iași: Junimea.
- Moisil C. 1920. Monetele dacilor. *BSNR* 15, 68—69.
- Moscalu E. 1983. *Ceramica traco-getică*. București: Biblioteca muzeologică.
- Müller L. 1855. *Numismatique d’Alexandre le Grand*. Copenhagen.
- Munteanu O. 2004. Preliminarii privind sistemul defensiv de la Cosăuți, județul Soroca. In: Răileanu N. (red. resp.). *Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000—2003)* 1. Chișinău: Tyragetia, 81—96.
- Munteanu O. 2004a. Les éléments du système defensif de Cosăuți. In: *Thracians and circumponic World II*. Chișinău, 82—103.
- Munteanu O. 2007. Noi linii defensive cercetate în microzona fortificației Cosăuți. *Revista arheologică, s.n.* III (1—2), 295—310.
- Munteanu O. 2007a. Sistemul defensiv al fortificației getice de la Horodca Mică: observații preliminare. In: *Sesiunea Științifică a MNAIM, ediția a XVII-a, rezumate*. Chișinău, 20—21.
- Musteață S. 2000. *Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice din anul 2000 în așezarea Mașcăuți — Livada Boierului*. Arhiva MNAIM, № 474.
- Niculiță I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. *Thracodacica* XVII (1—2). București: Editura Academiei Române, 139—167.
- Niculiță I., Matveev S., Potânga Ed. 1999. Cetatea traco-getică Potârca. In: *Cercetări arheologice în area nord-tracă III*. București: VAVILA EDINF SRL, 279—343.
- Niculiță I., Niciu A. 2002. Rezultatele cercetărilor periegetice la situl traco-getic Saharna Mare. *Carpatica-Karpatika* 15. Ужгород, 66—83.
- Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. 1995. Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei (1993—1994). In: *Cercetări arheologice în area nord-tracă I*. București: VAVILA EDINF SRL, 472—490.
- Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. 1997. Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei (1995—1996). In: *Cercetări arheologice în area nord-tracă I*. București: VAVILA EDINF SRL, 292—339.
- Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. 2002. *Butuceni. Monografie arheologică*. București: Biblioteca thracologică, XXXVI.
- Niculiță I., Zanoci A. 2004. Sistemul defensiv la traco-getii din regiunea Nistrului Mijlociu. In: *Thracians and circumponic World II*. Chișinău, 104—129.
- Niculiță I., Zanoci A., Arnăut T. 2008. *Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu*. Chișinău: Biblioteca Tyragetia, XVIII.
- Pavlov M. 2000. Materiale antropologice și arheozologice de la cetatea Rudi-La Șanțuri. *Tyragetia* IX, 113—118.
- Pârvan V. 1926. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București: Cultura Națională.
- Petre Z. 2000. L’immortalité du roi Charnabon. In: *Fațetele istoriei*. București, 395—406.
- Petre Z. 2004. *Practica nemuririi. O lectură critică a izvoarelor grecești referitoare la geți*. București: Polirom.
- Pick B. 1898. *Die antiken Münzen Nord-Grechenland, Dacien und Moesien I* (1). Berlin.
- Pippidi D.M. 1984. Les Macédoniens sur les Bas-Danube de Philippe II à Lysimaque. In: *Parerga*. București, 151—163.
- Popușoi E. 1969. Un mormînt hallstattian descoperit la Trestiana-Bîrlad. *Carpica* 2, 87—89.
- Preda C. 1966. Tezaurul de la Vovriești și unele probleme privind monedele geto-dace din Moldova. In: *Arheologia Moldovei IV*. București: Editura Academiei Române, 138—173.

- Preda C. 1998. *Istoria monedei în Dacia romană*. București: Editura Enciclopedică.
- Rostovtzev M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Sava E., Manzura I., Tcaciuc M., Kurciatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Guchin V., Alaiba R., Bădău-Wittenberger M. 1995. Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova). In: *Cercetări arheologice în aria nord-tracă I*. București: VAVILA EDINF SRL, 281—357.
- Schwartz G. 1986. *Triptolemos*. München.
- Simion G. 2003. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. In: *Culturi antice în zona gurilor Dunării*, I. Tulcea: Nereamia Napocae, 237—247.
- Simion G. 2003a. Gètes et Scythes aux Bouches du Danube. In: *Culturi antice în zona gurilor Dunării*, I. Tulcea: Nereamia Napocae, 247—258.
- Simion G. 2003b. Quelques remarques sur la civilisation gétiques des centres et forteresses autochtones de Dobroudja à la fin du Hallstatt et au commencement du La Tène. In: *Culturi antice în zona gurilor Dunării*, I. Tulcea: Nereamia Napocae, 135—146.
- Sîrbu V., Arnăuț T. 1995. Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hâncești — Rep. Moldova. In: *Cercetări arheologice în aria nord-tracă I*. București: VAVILA EDINF SRL, 378—400.
- Sova-Gmitrov P. 1961. Poklad barbarских мінци з Vel'kei Gorazdovky. In: *Studijné zvesti AVSAV* 4. Nitra.
- Skarby... 2006. *Skarby nad Morza Czarnego*. Katalog wystawy w Muzeum Narodowe w Krakowie, marzec — czerwiec 2006 (Bodzek J., red. naukowy).
- Sparkes B. A., Talkott L. 1970. Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. In: *The Athenian Agora* XII. Princeton, New Jersey.
- Stein H. 1869. *Herodotos. Erklärt von H. Stein*. Berlin.
- Suceveanu A. 1966. O ipoteză despre Zopirion. In: *SCIV* 17 (4), 635—644.
- Suceveanu A. 1993. *Alexandru cel Mare*. București.
- Tkaciuk M. 1994. Manifestări culturale din sec. V—I a. Chr. *Thraco-Dacica* XV (1—2). București: Editura Academiei Române, 215—256.
- Tcaciuc M., Zăsăpchin G. 2000. Date noi de la cetatea Rudi-La Șanțuri. Caracterizarea tipologică și cronologică a complexelor închise. *Tyragetia* IX, 101—112.
- Tocilescu G. G. 1880. *Dacia înainte de romani*. București: Tipografia Academiei Române.
- Tomaschek W. 1894. Die alten Thraker. In: *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* I. Wien.
- Usataia E., Levinschi Al. 1995. Saharna. În: *Cronica cercetărilor arheologice* XXIX. Cluj-Napoca, 76—77.
- Vant F. 1961. *Herodot. Istoriei*, I. București: Editura științifică.
- Venedikov I. 1970. La Campagne de Darius contre les Scythes à travers la Thrace. In: *Recherches de géographie Historique. Studia Balcanica* 1. Sofia: Editions de l'Académie Bulgare des Sciences, 25—32.
- Vinogradov Iu. G. 1997. *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz.
- Vulpe Al. 1970. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7. bis 5. Jh. im Donau-Karpatenraum. In: *Memoria Antiquitates* 2. Piatra Neamț, 115—213.
- Vulpe Al. 1979. Puncte de vedere privind istoria Daciei preromane. In: *Revista de Istorie* 12. București, 2279—2290.
- Vulpe Al. 2000. Autour de la Fondation du Royaume Odryse. In: *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à P. Alexandrescu à son 70-e anniversaire*. Bucarest: edit. A. Avram, M. Babeș, 76—82.
- Vulpe Al. 2001. Dacia înainte de romani. In: Petrescu-Dîmbovița M., Vulpe A. (coord.). *Istoria României*, I. București: Editura enciclopedică, 397—450.
- West A. B. 1923. The early diplomacy of Philip II of Macedon illustrated by his coins. In: *The Numismatic Chronicle*. London, 177—181.
- Zanoci A. 1998. *Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în sec. VI—III a. Chr.* București.
- Zanoci A. 2004. Traco-geții din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Mășcăuți „Dealul cel Mare”. In: *Thracians and circumpontic World*, II. Chișinău, 45—81.
- Zanoci A., Matveev S. 2002. Situl traco-getic Mășcăuți — Dealul cel Mare. In: *Карпати в давнину (Матеріали міжнародного симпозиуму)*. *Carpatica — Карпатика* 15. Ужгород, 85—98.
- Zanoci A., Moldovan V. 2004. Getic citadel Saharna — „La Șanț”. In: *Thracians and circumpontic World* II. Chișinău, 130—138.
- Zeuss K. 1837. *Die Deutschen und ihre Nachbarstämme*. München.

Монография поступила в номер 12.03.2010 г.

Alexander Levinschi (Kishinev, Moldova). PhD researcher. Moldova National Museum of Archaeology and History.

Alexandru Levinschi (Chișinău, Moldova). Doctorand. Muzeul național de arheologie și istorie a Moldovei.

Левинский Александр Николаевич (Кишинев, Молдова). Докторант. Национальный музей археологии и истории Республики Молдова.

E-mail: levinschi.alex@gmail.com

